

ПИОНЕР

ЯНВАРЬ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

ШУТКИ

ДОКТОРА

ПОЛИГЛОТ

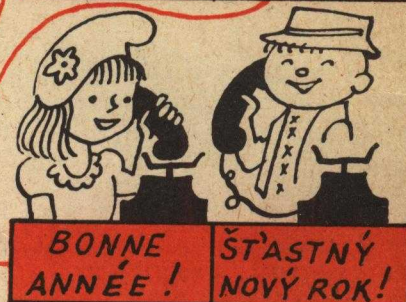
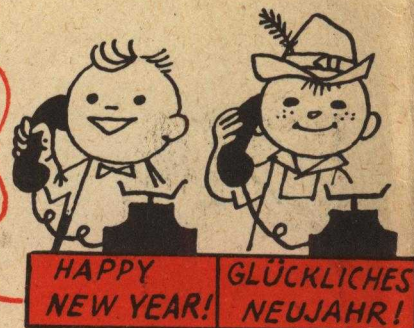
С Новым годом, дорогие читатели!

Кто не знает, что под Новый год принято поздравлять друзей. Можете себе представить, что происходит в новогоднюю ночь с международной телефонной сетью?! Вот так, наверно, перепутываются в ней языки всех народов, как переплетаются тут на рисунке телефонные провода. И на всех языках поздравляют, поздравляют, поздравляют...

Этим же заняты и мои ученики. Тут и поляк, и датчанка, и англичанин, и чех, и норвежец, и испанец, и французенка, и финн, и голландка, и немец.

Попробуйте разобраться, кто кого поздравляет.

Ваш доктор Полиглот.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЯНВАРЬ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

● Первый номер этого года мы открываем повестью В. БОГАТЫРЕВА, в которой трое мальчишек хотят помочь Ленину. Ленин в это время был тяжело болен. Называется эта повесть «Посылка».

● ОПЕРАЦИЯ «ЦВЕТЫ НА БРУСТВЕРЕ» закончена. Прочтите здесь приказ МАРШАЛА ГОЛИКОВА.

● ЛЕВ КАССИЛЬ отвечает на вопрос о дружбе.

● Ночной бой с тигром! Об этом вы прочтете в фантастическом рассказе В. ФИРСОВА «ЛИЦОМ К ЛИЦУ».

● «Ты руби ветки, а я буду за тебя уставать», — так сказал один герой другому в африканской сказке. Что было потом, легко узнать. Надо только найти страницу с названием «АНАНСИ НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ».

● Новые стихи поэта БОРИСА СЛУЦКОГО.

● Путешествие к ледяным берегам Антарктиды на корабле-китобойце. Рассказ и очень интересные фотографии АЛЕКСАНДРА ИВАНЧЕНКО.

● В этом номере мы начинаем печатать главы из повести американского писателя РЭЯ БРЭДБЕРИ «Вино из одуванчиков».

● «Белая мышь» — так называется новый рассказ Ю. АЛЕШКОВСКОГО.

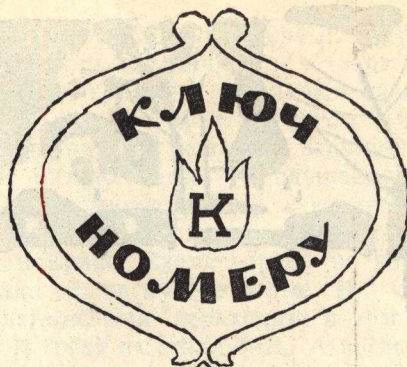
● А что делает сейчас ГЕРМАН ТИТОВ, прославленный космонавт-2? В этом номере нашего журнала можно узнать и об этом.

● Нашему «КОРАБЛИКУ» исполнился год. И, как полагается, в день рождения у «Кораблика» много гостей на борту. Кто и кто? Конечно же, и моряки, и поэты, и, безусловно, ребята.

● Есть в этом номере и «ТРОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ» и, как всегда, на страничках «А У НАС... А У ВАС» полно писем. В «ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО» на каждый вопрос приготовлен интересный ответ.

● Что же касается обложки, то на ней художник Б. КЫШТЫМОВ нарисовал замечательного работника наших дней — вертолет.

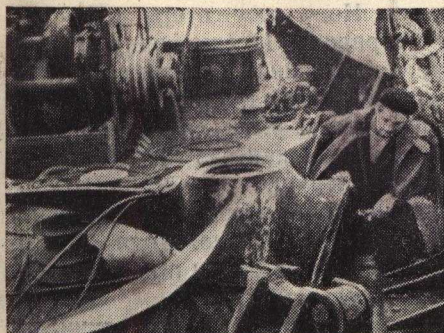
Читайте! Смелей открывайте страницы,
Не бойтесь, пожалуйста, удивиться
И не отказывайтесь повеселиться.

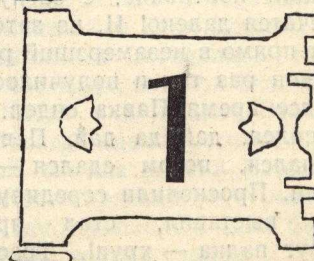
В. БОГАТЫРЕВ

Б. КЫШТЫМОВ

А. ИВАНЧЕНКО на палубе китобойца.

ПОСЫЛКА

Виктор БОГАТЫРЕВ

Рисунки Е. Расторгуева.

П О В Е С Т Ъ

1924 год. Мы живем на хуторе Черный Ерик. Мы — это Павка, Симка и я, Гришка. Все хуторские мальчишки считают нас самыми закадычными друзьями. Да оно так и есть: куда ни глянь — мы вдвоем. Телят пасем вдвоем; в городки играем вдвоем; иногда в чужие сады забираемся, и опять вдвоем. Это летом... А зимой с утра до вечера у Павки пропадаем, иногда даже ночевать остаемся. Павкин батька работал в станице, дома бывал редко, а на хозяйстве сидел только глуховатый дед, который совсем не обращал на нас внимания, — занимайся чем хочешь, и никто тебе слова не скажет.

Зима, про которую я рассказываю, выдалась снежная. За хутором, где дорожка круто спускалась к роднику, мы протоптали широкую полосу, залили ее водой, и получилась хорошая ледяная горка. С того дня шум здесь стоит, как в станице в базарный день. Мальчишки и девчонки съезжают кто на чем: на досках, на камышовых кулях, а то просто сядут на ледяную дорожку и скатываются вниз.

Самые лучшие санки у нас — Павкин дед соорудил: новенькие, с загнутыми полозьями. Мчатся далеко! И, не затормози палкой, влетят прямо в незамерзший родник.

...Один раз так и получилось. На «тормозах» все время Павка сидел. А тут Симка попросилась: дай да дай. Павка сначала не соглашался, потом сдался — ладно. Сели, поехали. Проскочили середину горки, Симка палку выставил, стал притормаживать. И вдруг палка — хруп!.. Треснула пополам.

Павка последним сидел, успел прыгнуть, а нас с Симкой занесло прямо в воду. Павка подбежал, успокаивает:

— Ничего, у меня сейчас обсушимся.

Только поднялись наверх, слышу, Колька Улитенко кричит:

— Гришка, тебя батька спрашивал! К вам приехал кто-то...

Ну, думаю, пропал! Дома увидят меня мокрого по пояс — отлупят. Мамка ничего: добрая она у меня, как и все мамки, а вот батька... Ему только причину дай.

Иду и молю: хотя б дядя Костя приехал. Дядя Костя всегда заступится.

...Дядя Костя работал председателем в станичном совете и жил в станице. Лет ему немного, но голова совсем седая. И потом одна нога у него настоящая, а другая деревянная. При ходьбе настоящая ступает хорошо, а деревянная тукает, хотя дядя Костя и набил на нее резинок. Ногу ему оторвало белогвардейским снарядом. И еще одну метку оставила дяде Косте война. Ее я заметил случайно, в последний приезд. Дядя Костя разделся до пояса, чтобы умыться с дороги, и тут я увидел на спине, как раз между лопатками, синеватую пятиконечную звезду. Концы у нее были не такие острые, какими должны быть, а гнутые и рваные. Дядя Костя заметил, что я смотрю на спину и не поливаю ему на руки, и улыбнулся:

— Клеймо думали сделать, а получился орден... Правда?

Приезжает дядя Костя — и в хате праздник. Мамка бежит в сарай, бежит в сени, к кадушкам, спускается в погребок, и на стол выставляются соленые огурцы, помидоры, квашенные арбузы. А батько из-за старого комода достает четверть сливянки. Мамка приготовит стол и идет в залу. Там она долго прихорашивается перед треснутым зеркалом. Из залы она выходит красивая, с цветастой персидской шалью на плечах, так что

сразу и не узнаешь. Выходит и всегда говорит одно и то же:

— Из четверти, небось, и дух вышел, пока я прихорашивалась?

Батько тоже отвечает ей всегда одно:

— Дух на донышке сидит.

Садятся за стол.

Про меня батько с мамкой просто забывают. Вспоминает дядя Костя и спрашивает:

— А где же наш казак Григор?

Тогда я слезаю с печки и только хочу взять себе табуретку, как дядя Костя останавливает:

— Погодь. Дай-ка мне мою коробушку.

Коробушкой он называет деревянный сундучок со скрипучей крышкой, обклеенной изнутри всевозможными картинками. Когда я подаю сундучок дяде Косте, он спрашивает:

— Скажи, что тут имеется?

Я никогда не угадываю. Скажу: конфеты!.. А дядя Костя достает красный казачий башлык. Скажу: книжка с картинками!.. А дядя Костя достает маленькую гармонику. В прошлый раз он привез мне портрет Ленина. Маленький, в простенькой деревянной рамке и даже без стекла. Я к тому времени про Ленина многое слышал, а портрета ни разу не видел. Помню, прежде чем отдать портрет мне, дядя Костя сначала сам внимательно посмотрел на него:

— Вот... Мамку родную забудешь, а его чти. Понял?..

Потом, когда я уберу подарки и займу место на табуретке рядом с дядей Костей, батько разливает по стаканам сливянку. Пьют они вдвоем, а наливают четыре стакана. Не для меня, нет. Сливянку я не пью, мне даже запах ее не нравится. Четвертый стакан наливается для дядьки Василия. Дядьку Василия я совсем не помню. В девятнадцатом году в балке за Черным Ериком дядьку Василия расстреляли белые.

Дядя Костя, батько, мамка по очереди стучат своими стаканами в четвертый, и он отзывается коротким тоскливым звоном. Посидят, выпьют, закусят, а потом начинаются воспоминания. В основном вспоминает дядя Костя. Батько, мамка и я слушаем...

...Он вспоминает про то, как вместе с дядькой Василием решил навестить родителей в Черном Ерике. Ехали верхом на конях и не думали, что на хуторе белые. Их схватили. Предлагали, мол, переходите к нам. Отказались. И тогда их стали бить. А когда узнали, что дядя Костя — большевик, то и вырезали звезду на спине. Дядько Василий, хотя и не состоял никогда в большевиках, обиделся: «Что ж меня обходите?.. Я хоть и беспартийный, но тоже большевик». Его за это изрезали всего и бросили в сарай вместе с дядей Костей. Мол, подумайте в холодке. Дядько Василий даже не стонал. Он только жалел, что умрет не так, как желалось. А желалось дядьке Василию, чтоб в день его похорон по всему хутору играли гармошки, как на свадьбе или крестинах. Дядько Василий был веселым человеком. Даже утром, когда его уводили и он еле-еле держался на ногах, дядько Василий с улыбкой сказал дяде Косте: «До встречи. Как пройдешь райские ворота, слева побачишь кабачок. В кабачке дед обещался меня ждать, туда и ты приходи. Не забудь, Коська, сразу слева от ворот...» Дяде Косте не пришлось искать тот кабачок: выручили его.

И каждый раз после того под Новый год обязательно приезжает в Черный Ерик дядя Костя, хотя уже и не живет здесь. Вместе с батькой и мамкой за стаканом сливянки поминуют они дядьку Василия — веселого человека, которого не помню я.

За вторым стаканом бледное лицо дяди Кости становится румяней. Он начинает тихонько запевать любимую песню дяди Василия:

— Ой, на горе тай жнецы жнут.

После песни снова воспоминания. Вспоминают про то, как втроем парубковали в Черном Ерике, как все трое любили одну — мою мамку. Только мой батько догадался выкрасть ее и обвенчаться, а дядя Костя и убитый дядька Василий не догадались. Иначе могло быть так, что моим батькой был бы не батько, а дядя Костя или дядько Василий.

Под конец мы всегда идем за хутор, где на бугре, под вербой, могила дядьки Василия...

«Хотя б дядя Костя приехал...» — молил я про себя. Тот в защиту пойдет, если батько станет кричать из-за моего купания.

И точно!.. У нашего плетня стояли санки дяди Кости. И лошадь его, чалая Ланка.

Стол уже приготовили, а мамка хорошилась в зале.

— Здорово хуторянам! Закурить нема? — так всегда здоровался со мной дядя Костя.

Он улыбнулся, но я сразу заметил, что улыбка у него не как всегда — невеселая. Батько увидел, что я наполовину мокрый, нахмурился, но в драку не полез.

Я стал скорее стягивать мокрые бурки.

— Значит, до весны никак? — Батько вернулся к прерванному разговору.

— Снегу намело, конь не идет, да и кулачье их на дальних хуторах подкармливает, — ответил дядя Костя.

Я понял, что говорят они про зеленую банду, которую ловят с осени и никак поймать не могут.

— Про Ленина... правда? — спросил батько.

— Правда, — вздохнул дядя Костя и совсем стал хмурым.

О болезни Ленина заговорили у нас на хуторе недавно. Ходили слухи, что здоровье его в последнее время стало совсем безнадежным. Говорили, а я удивлялся: почему там, в Москве, медлят? Не молчать нужно, а кликнуть клич на всю землю, чтобы со всех сторон съехались самые лучшие врачи. Посмотрели бы, посоветовались. Одна голова хороша, а когда много, — всегда лучше. Что-нибудь обязательно бы придумали. Я про это хотел даже в Москву написать, но не мог: школы на хуторе не было, и я даже азбуки не знал.

Из залы вышла мамка в своем цветастом платке и сказала:

— Наверно, и дух из бутылки вышел, пока я... — Но тут она увидела, что никакой бутылки на столе нет, и с удивлением посмотрела на батьку.

— В другой раз, Ефимовна, — ответил дядя Костя. — Думаю, Василь не обидится. — Дядя Костя повернулся ко мне: — Извини, Григор, я даже корбушки не захватил. Вот бандитов переловим, Ленин поправится, тогда...

Дядя Костя тут же собрался уезжать, но мамка с батькой уговорили его хоть картошки да огурцов отведать. Хотели картошку посолить, а соли нет.

— Ну-ка пулей к бабке Романенчихе! — приказал мне батько.

Я обул мамкины валенки и выскочил на улицу. Бабка Романенчиха в соседней хате живет. Прихожу, а там гость — Игнат Павло-

градский. Сразу видать, немного выпивши. Говорит бабке:

— Милая ты моя, глянь! — Раз присел, два присел и такую дробь ногами отбил, что аж стекла в окошках зазвенели. Потом бухнулся перед бабкой на колени и кричит: — Родная ты моя, дай руку!..

Бабка протянула ему высохшую от времени руку. Павлоградский взял и поцеловал, как у какой-нибудь заморской принцессы. Этого ему, наверно, показалось мало. Он махнул рукой, мол, была не была, и расцеловал бабку прямо в губы. А у нее и губ-то нет, так, какие-то синенькие полоски, как у всех стариков.

— Век помнить буду, а умру — внукам покажу. — Тут Павлоградский расплакался, даже меня не постеснялся. Было видно, что от души он это, от самого сердца. — Пять лет на горшок, как сопливого, носили... Говори, родимая, что нужно? Без нитки останусь, а рассчитаюсь!

Бабка Романенчиха прослезилась.

— Христос с тобой, Игнатушка. Начал ходить — вот и вся расплата... Для меня тоже радость великая.

Он еще раз поцеловал бабку и убежал.

Бабка стала доставать для меня коробку с солью. Достает и приговаривает:

— Чудной Игнатушка, воистину чудной!..

Игнат Павлоградский пришел с фронта контуженный. Щека дергалась, руки тряслись. Потом он простудился и совсем согнулся, ноги отняло так, что ни сесть, ни встать. Из самого города жена привезла ему доктора. Доктор посмотрел, послушал и сказал, что никудышный Игнат, без надежд. Жена не поверила. Стала всяких знахарей приводить, шептух, а все без толку. Один раз Игната провела бабка Романенчиха, посмотрела и сказала, что попробует. И начала лечить, парить ноги Игната в моховом отваре. Этот мох у нас на каждой камышовой крыше зеленеет, даже я несколько раз снимал со своей хаты для бабки. И вот затанцевал Павлоградский после травок.

...Тут меня в голову стукнуло: а что, если... Я, конечно, так прямо не сказал. Просто спросил:

— Баб Марусь, а от пуль отравленных вы можете излечить?

Бабка подумала.

— Я когда-то самого станичного атамана от печенки излечила, а с пуль трудновато будет. На пулю травка-девятисилка нужна.

— А где ее взять?

— Самая сила в травке в ночь под Новый год бывает. Ровно в середине ночи ее треба

выкопать под закливание и потом зелье готовить. В девять раз сильней станет тот, кто зелье то пить будет.

Из сундука бабка достала картонную коробку и показала мне толстый корень. Я даже сначала подумал, что это колбаса: и толщина такая, и корочка коричневая, и мякоть розовая. Когда бабка вынула сухой цветок девятысилки, я сразу вспомнил, что недалеко от родника в балке видел летом эту самую травку. Цвела она крупными желтыми цветами, а из широких бархатистых листьев мы свертывали кульки и черпали ими воду из родника. От девятысилки до сих пор торчат над снегом сухие стебли, так что найти можно будет.

Бабка показала мне толстый корень.

— Этот корень тебе не подойдет, летом копался он. Зимний нужен, в нем все соки.

— А какое закливание?

Бабка нахмурила лоб, подумала.

— Травка-девятысилка, дай силки, как у Василики... В самом деле думаешь пойти?

— Пойду, — твердо ответил я.

— Он, наверно, ваш родак?.. Ну, этот подстреленный...

— Родак.

Имя я ей тогда не назвал. Думаю, пусть придет на излечение, сразу бабка поймет, что он не только мой родак, но и ее и всех.

Пока я нес соль домой и повторял слова заклинания, у меня придумался план: сегодняшняя ночь будет новогодней, сходим с батюшкой в балку, выкопаем корень, потом он письмо с приглашением напишет. А пока Ленин подъедет, у бабки питье будет готово.

...Когда я пришел, батюшка, мамка и дядя Костя доедали картошку без соли. Батюшка мне сказал:

— Тебя только за смертью посылать.

Тогда я рассказал про Павлоградского, про девятысилку, про целебную силу ее корня и сказал, чтобы сейчас же писали письмо в Москву. Батюшка слушал, слушал и вдруг как захохочет. Его рыжие от табака усы так и запрыгали:

— Думаешь, в Москве дураки сидят? — А когда насмеялся, пригрозил: — Цыц! А то перед хутором осрамишь, двадцатысилка несчастная.

Дядя Костя, наоборот, не смеялся. И я подумал: раз он молчит, значит, он за меня, значит, я прав.

Потом, когда он уже садился в санки, сказал:

— Все верно, Григор. Только не сможет Ленин приехать, болен сильно. Понял?.. Ну, до встречи, казак! — Он подал мне свою крепкую руку.

Чалай кобылка с места взяла в карьер. А когда санки скрылись за поворотом, мне подумалось: ну и что, если не сможет приехать? Мы ему посылкой отправим, а в письме объясним, что и к чему, как питье готовить из девятысилки. Пусть батюшка смеется. Я подговорю Симку и Павку, и обойдемся без него. А когда у Ленина сил в девять раз прибавится, узнает, как смеяться.

И не успела просохнуть моя обувка, как я помчался к Симке, а от него к Павке.

Послушали они, задумались. Дело-то не шутейное, ночью в балку не каждый пойдет. Совсем недавно волки утащили у Лященко-вых собаку и слопали как раз в этой балке, от бедной одной косточки остались.

Но в конце концов решили так: Павка незаметно от деда приготовит отцовскую берданку и патроны достанет; Симка фонарь найдет. А я до вечера должен сходить в балку и хорошенько заметить место, где придется копать корни, чтобы потом не заплутать в темноте.

Батюшке и мамке я про все эти приготовления ничего не сказал. А когда отпрашивался к Павке на ночь, придумал, что идем посеять. Мы и в самом деле в ночь под Новый год по-старому всегда ходили посеять. Насыпаем полные карманы кукурузы или пшеницы и рано утром стучимся во дворы: «Тетка, пусти посеять!» Если хозяева пускают, мы запеваем песню, «сеем» по полу пшеницей или кукурузой и получаем за это пряники, пирожки, орешки.

Павкин дед тоже ни о чем не догадывался.

Да если б и догадался, не страшно. Он целыми днями сидел в своем «святом углу» под двумя большими лампадами и крючковатыми от ревматизма пальцами перелистывал страницы пухлого евангелия. Больше его ничего не интересовало.

С вечера мы уже сидели у Павки на дощатом топчане и налаживали фонарь-керосинку, который Симка принес. Павка говорил, что на случай волков ружье не поможет, нужен хороший огонь. Но фонарь никак не хотел загораться. Тогда я вывернул пробку, слил керосин в тарелку, и мы увидели, что керосина — кот наплакал. Павка обозлился на Симку: мол, не мог керосина достать. И нашел выход. Он незаметно подлез к «святому углу» деда, где стояла бутылка с лампадным маслом, и стащил ее. Лампадное масло смешали с остатками керосина, залили в фонарь. И он сразу загорелся.

Про берданку Павка сказал, что она стоит в сенях в полной готовности. А я тоже свое дело сделал: недалеко от родника нашел сухие стебли девятисилки и протоптал к ним дорожку от нашей ледяной горки. Про то, что рядом с девятисилкой валяются косточки от Лященковой собаки, я не сказал ни Павке, ни Симке. Сейчас не нужно, лучше потом.

Павка натолкал в печку хвороста, мы расселись вокруг запылавшего поддувала и начали игру в ведъм на картах.

Когда ходики на стенке показали половину двенадцатого, мы оделись. Симка стал зажигать у печки фонарь. Дед увидел, сказал:

— Хату спалите.

— В сарае корова мукнула, посмотреть надо, — приду-мал Павка.

— Ври покруче, на том свете сковородку раскаленную лизать будешь...

Мы вышли во двор. Морозило. В разноцветном кругу светила луна, и от нее все было синим. Синие хаты, синие заборы, синий снег, даже деревья казались синими. А тишина стояла такая, что в ушах звенело, хоть бы одна собака гавкнула. Лишь ино-

гда в сарае вздыхала корова, думала про что-то свое.

Я взял приготовленную с вечера лопатку. Павка — берданку, а Симка выкрутил поильней фитиль фонаря, и мы тронулись по узкой дорожке. У крайней хаты хутора, где жили Лященковы, Павка остановился и сказал:

— Я первым пойду, у меня ружье.

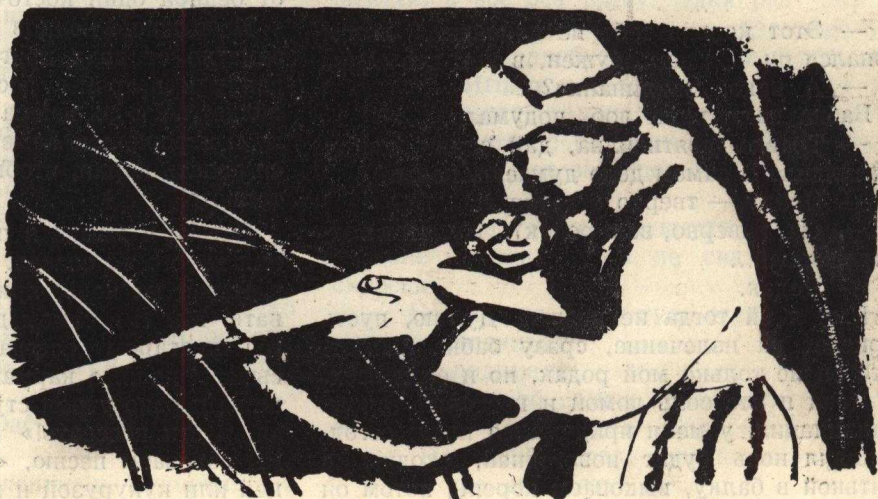
Мы пропустили его вперед.

Возле нашей ледяной горки задержались. Постояли, послушали. Вроде бы ничего подозрительного — такая же тишина, как и на хуторе.

Внизу чернели калиновые кусты, и от родника поднимался синий пар. Двенадцати часов, по нашим подсчетам, еще не было, и спускаться в черную темень балки раньше времени не хотелось.

— Прикрути фитиль, чтоб керосин не выгорал. Без фонаря видно... — прошептал Павка.

Симка прикрутил фитиль. И тут вдруг до нас донесло вой. Волк выл далеко-далеко, в лесочке. Выл долго и протяжно. А когда замолчал, жуткую песню повторил второй. Этот выл немного ближе. Не знаю, как Симке и Павке, но мне страшно стало. По спине будто мурашки поползли, а под шапкой шевельнулись волосы. Мы молча переглянулись, и Павка снял с плеча берданку. Из кармана он достал патрон, сунул его в ствол. Стало вроде бы не так страшно. Павка молодчина, знает, в какой момент заряжать ружье! Он нам дал понять, что трусить не стоит, что мы вооружены.

Из кармана он достал патрон,

После того, как второй волк замолчал, наступила тишина.

— А на Казачьем недавно волки тетку растерзали, — совсем не к месту ляпнул Павка. — Говорят, ее сначала бандиты убили, а волки после...

Оттого, что он сказал, а может, и в самом деле, но нам показалось, будто кусты в балке у родника задвигались.

— М-м-может, вернемся? — Это Симка сказал. Когда он пугался, то так начинал заикаться, что трудно было понять, о чем говорит.

— Ветер от хутора. Учуют они нас, — прошептал Павка. — Придумал ты все про девятисилку...

Мне стало обидно до слез. Ведь он сказал это не потому, что не верил, а потому, что забоялся. Хвастун несчастный!.. Вечером трепался: пусть только волк попадется, так трахну из берданки, враз глаза выскочат!.. Волки не страшные, вроде собак...

Вспомнил я это, и зло взяло. Мне ведь тоже страшно, но я ж молчу.

— Ну и сидите, — сказал я ребятам. Отпихнул Симку с дорожки и пошел один вниз, в балку.

Как собирался управиться один, я в то время не думал. А еще я рассчитывал, что им станет стыдно. Павке, может, и нет. Но Симка должен помнить, как летом у них теленок ушел, и я полночи бродил по балке за компанию, пока не нашли.

Мне очень хотелось обернуться, посмотреть, думают они идти или не думают. Но я спускался все ниже и ниже с таким видом,

будто мне совершенно не страшно, будто я спокойно справлюсь без них.

Обернулся я только тогда, когда услышал за собой скрип снега: Симка догонял с фонарем. А Павка, как стоял со своей берданкой на горке, так и остался там.

Симка подбегает и говорит:

— А П-п-павка не хочет...

Я не отвечаю.

— Ты не спеши... — набивается на разговор Симка. — А то я не успеваю...

Он донашивал большущую мамкину обувь, поэтому ходить быстро не мог. Я пошел медленнее, а самого так и подмывает кинуться изо всех сил вниз, чтобы скорее добежать. Это как в холодную воду: лучше глаза зажмурить и сразу, чем постепенно залазить.

От родника к девятисилке шла дорожка, которую я днем протоптал. Только свернули на нее, вдруг вопль нечеловеческий... Кругом свист пошел, и что-то темное шархнулось вверх.

— Ма-а! — завопил Симка и упал вместе с фонарем в сугроб.

У меня внутри все оборвалось. Ноги подкосились, я так и сел на дорожку. А сердце колотится внутри, как сумасшедшее, вот-вот, кажется, выскочит. Мамка как-то рассказывала, что здесь водяной живет, потому родник и не замерзает даже в сильные морозы.

Слышу вдруг: «Кар, кар!» Поднял голову — на вербу вороны садятся. И тут я вспомнил, что еще днем они, проклятушие, напугали меня. Морозно, вот и ночуют у самой воды, греются. Но днем вороны далеко от меня поднялись, а сейчас задремали в тепле, подпустили близко, а потом шархнулись.

Когда мы поняли, в чем дело, смешно стало, весь страх кончился. И про волков забыли. Идем себе спокойно, теперь, кажется, и море нам по колено. Фонарь бросили, его в сугробе загасило. Прошли немного и услышали от хутора стрельбу. Нет, это не Павка стрелял! Стрельбой из ружей наши хуторяне всегда отмечают первые минуты Нового года. Значит, полночь. Быстрее! И я что было мочи помчался по дорожке к полянке с девятисилкой. Кричу Симке:

— Догоняй!

В ушах ветер свистит, ветки больно бьют по лицу, а в голове одно: быстрее, уже Новый год...

Вот и полянка... Остановился, смотрю, к какому стеблю подойти... И вдруг снова вой. Опять волки. И много. Хуторяне всполошились их стрельбой. Воют всюду, и не поймешь,

сунул его в ствол.

с какой стороны. Вой, кажется, отовсюду идет.

«Бросить все и бежать!» — мелькнула мысль.

А кто-то вроде бы со стороны подсказывает, что бежать нельзя, девятисилка, вот она, только копай, а убежишь — и придется до следующего года ждать.

Я дернул сухой стебель, он оборвался с треском, а корень в земле остался. Его так просто не вытащишь, толстый он. Снег лопаткой раскидал, копаю, шепчу Симке:

— Подбирай...

Хорошо, что земля мягкая, снег ее рано прикрыв, не успела промерзнуть. Один корень выдернул, второй, третий... И вдруг про заклинание вспомнил... Как же я копаю? Без заклинания эти корешки бессильны! Меня так и проняло холодом. Остановился. Как дурак, глазами хлопаю, хочу вспомнить и не могу. Забыл, хоть убей! А вой такой идет, что мороз по коже. Симка подбегает, спрашивает:

— Ч-ч-ч...

Я понял, отвечаю:

— Заклинание забыл... — А самого чуть ли не слезы с досады душат. — Травка-девятисилка... травка-девятисилка... Дай силы, силки дай... А дальше?..

— К-к-к... как у...

Обрадовался: правильно, как у Василики... Ковыряю землю и шепчу:

— Травка-девятисилка, дай силки!..

А Симка следом подбирает, торопит:

— Х-х-хватит...

Мне самому хочется побыстрее, но и корней нужно побольше выкопать. А впотьмах корешок не сразу подцепишь.

Вижу, корни уже не вмещаются у Симки в руках. Взял у него половину, и помчался всю обратно. Лопатку бросили, ну ее, завтра возьмем.

Подбегает к роднику... Темнеет что-то... Шевелится. Волк!..

Оказалось, Павка. Не выдержал все-таки, спустился. Только поздно уже, раньше нужно было думать.

— Не бойтесь... прикрою! — кричит. А сам побежал впереди нас.

Наверху остановились, чтоб дух перевести. Стрельба на хуторе прекратилась, а волки завыли еще злей. Но теперь от ихнего воя нам было, как говорится, ни холодно ни жарко.

Павка говорит:

— Давайте помогу. — И потянулся к Симке за корнями.

Но тот, молодец, отказался:

— Я с-сам...

Правильно, пусть почувствует. Небось, ду- мал, что мы без его берданки струсим.

— Ну что вы, хлопцы... А? — Ему и сказать больше нечего.

Уже когда подходили к его хате, он признался:

— Ребя, у меня ж патроны стреляные... Смотрите. — И показал нам пустые гильзы. — Порох батко с собой в станицу забрал... Но я б не отступил... прикладом бы их лу- пил...

Мы не стали слушать его. Оставили на перекрестке дорожек и пошли спать к Симке. По дороге решили ни за что больше не разговари- вать с ним. Какой он нам друг после это- го? Наврал да еще вдобавок струсил...

Но получилось иначе.

На другой день мы сами пришли к нему. Ведь мы с Симкой неграмотные, а кто напишет письмо к посылке? Батко?.. Так он же вчера смеялся надо мною. Втягивать посторонних мы не захотели, пусть это будет нашей тайной, конечно, до тех пор, пока от Ле- нина письмо не придет. Вот тогда я батке и поднесу его. А в том, что Ленин выздоровеет и напишет нам, я был уверен.

Увидел нас Павка, обрадовался:

— Я так и знал, что придете. Мы ж дру- зья...

Симка перебил его:

— Письмо к посылке надо писать.

— Что вы, хлопцы!.. — испугался Павка. — Я ж самоучка, а тут по всем правилам нужно. Мы подумали: может, и в самом деле?

— Хотите, я деда попрошу? Он с такими завитушками напишет, что ахнете.

Ну вот, деда еще не хватало.

— Пиши как можешь, — сказал я. — А внизу приписку сделаем: мол, самоучки мы.

Павке мысль понравилась. Симке тоже. Павка подставил табуретку и сверху, с буфе- та, достал пузырек с чернилами и бумагу. Ручка у него была ненастоящая — обыкно- венная камышинка, к которой нитками при- вязано перо. Но это еще ничего. Мне бумага не понравилась. Все-таки пишем не кому-ни- будь, а бумага серая. Симке она, видно, тоже не приглянулась.

— Найди получше... Чего жадничаешь?

Оказалось, что лучшая бумага есть у деда, но он ее под замком держит, не даст.

— Ладно, — сказал я. — Мы и про бума- гу сделаем приписку.

Павка опробовал перышко. Хоть и со скри- пом, но писало. Буквы выходили из-под него красные и на наших глазах чернели.

— Из бузины, — объяснил про чернила Павка.

Павка склонился над листком и стал выводить буквы.

— А пока до Москвы дойдут, не исчезнут?

Симка высказался вполне серьезно, а Павка обиделся:

— Придираешься! — И на меня посмотрел: — Что писать?

Писать?.. Я до этого момента как-то даже не думал, о чем мы станем писать. А когда представил, что очень скоро этот листок будет держать в руках сам Ленин, не по себе стало.

— Ладно... — Откашлялся я неуверен-

но. — Начинать так... Здравствуйте, дорогой... товарищ... вождь мировых трудящихся, мировых пролетариев и мирового казачества, уважаемый товарищ Ленин!..»

Сказал, и даже удивление взяло, как это у меня лихо получилось! Может, оно и дальше бы так складно шло, но тут Павка сказал:

— Какой он тебе товарищ?.. Дедушка он для нас. А что такое «пролетариев»?

— Ну... «пролетариев»... — Это я на митинге слышал, когда в станице с баткой был. — Пролетарии значит народы.

— Зачем повторять, есть же «трудящиеся», и хватит.

Я обозлился: подумаешь, грамотей! Подкапываться всякий сможет, а вот попробуй корень добыть ночью.

Павка и сам понял, что после вчерашнего ему много говорить не следует, склонился над листком и стал выводить буквы. Когда он отрывал руку от бумаги, я заметил, что она дрожит. Может, поэтому первое сло-

во получилось неровным — буквы в нем торчали, как в плохом плетне колья: вкривь и вкось.

Пока Павка писал второе слово, буквы в первом почернели. А после четырех слов он вытер пот со лба и сказал:

— Давайте обратимся просто по имени и отчеству, без всяких мировых. Так всегда письма пишут...

Хотя Павка и сейчас подкапывался, мне его предложение понравилось. Но все же, может, это неправильно? Я сказал:

А ты слышал, как в газете читали? Значит, и ты пиши: здравствуйте, товарищ Ленин...

— Опять «товарищ»... — возразил Павка. — Не товарищ он нам, а дедушка. Так и писать надо: здравствуйте, дедушка Ленин... — И на новом листе Павка стал писать по-новому.

Когда он закончил, я продиктовал дальше:

— ...Пишут вам жители хутора Черный Ерик: Семен Симоненко, Павел Колыч да Григорий Мирошник...

На этом месте Павка снова возразил. Симка, тот ничего, помалкивает, а Павка так и лезет показать свою грамотность.

— Разве мы жители?

— А кто ж еще?

— Не знаю... Но раз пишем «здравствуйте, дедушка», то нужно: «пишут вам внуки...»

— Нехорошо как-то, — ответил Симка.

Прочитает и подумает, что в родичи نباваемся.

— Дурак! — сказал я Симке. А иначе что ж ему еще сказать: если б Ленин был для нас посторонним, то мы б и с посылкой не придумывали...

— Правильно, — говорю я Павке. — Так и пиши.

И он стал скрипеть своим пером дальше. А дальше у нас получилось так: «...Высылаем

вам девятисилку от Вашей болезни. Раз Вы не можете приехать к нам на излечение, то высылаем. Выпьете, и сил сразу вдесятеро прибавится. Только корни сначала нужно порубить помельче, отварить и потом уже пить всякий раз перед кушаньем...»

Павка с Симкой хотели еще пожаловаться, что на хуторе нет школы, а до станицы идти восемь километров. Только я им не дал писать и пристыдил. В самом деле, больному человеку покой нужен, а они лезут. Вот выздоровеет, потом и напишем.

Письмо мы уложили в ящичек поверх девятисилки; чтобы сразу прочитали, как только откроют. Ящичек забили, а сверху крупными буквами на всю крышку написали: «ДЕДУШКЕ ЛЕНИНУ В МОСКВУ».

В станицу, где находилась почта, мы смогли выбраться только через четыре дня. Четыре дня подряд мела метель. А пятый выдался солнечный и с небольшим морозцем.

Мамкам своим мы сказали, что идем на санках кататься и дома будем только к обеду.

Туго бы нам пришлось, если б не санный след, который оставил какой-то хуторянин, спешивший с утра в станицу. По следу мы быстро продвигались вперед. Санки, которые взяли просто так, для отвода глаз, спрятали в кустах недалеко от хутора.

Дорога стала еще лучше, когда санный след нашего хуторянина сомкнулся с дорогой от хутора Казачьего.

С полпути прошли. Смотрим, сани догоняют, в станицу из Казачьего спешат. В санях один дядько сидит да два огромных мешка с чем-то белеют.

— Дядько, подвезите! — в один голос закричали мы.

Дядько остановил. Говорит:

— Чепляйтесь, кучей не так боязно.

И, когда сани тронулись, спрашивает:

— По какому делу в станицу?

Мы ответили, мол, посылку едем отправлять Ленину.

— Брежете, — не поверил дядько.

Посылка была как раз у Павки под полой пальто. Он достал ее, показал дядьке крышку. Дядько, видно, грамотный попался. Прочитал. И вдруг лошадей останавливает:

— Слезайте!

— Почему?... — Мы удивились. Тут как раз лесок начинается, в котором тетку с Казачьего убили. Перевез бы и потом уж ссаживал. Сам же говорил, что компанией не так боязно.

А он свое: слезайте, и никаких гвоздей!

— Я не полезу из-за вас в петлю.

Мы спрыгнули с саней. А дядько стрелой кнутом и помчался.

Не успел он в лесок въехать, как наперерез из кустов выезжают двое верховых. Останавливают сани. Смотрим, наш дядько руки под ружьями поднял, лопочет что-то и на нас показывает.

Павка раньше всех сообразил. Шепчет Симке, который нес сейчас посылку:

— Кидай в сугроб.

Симка незаметно бросил. И так удачно получилось, что она совсем утонула в снегу, не видно.

— Не останавливайтесь. Идем, как

— Дяденька, родненький, отпустите нас домой...

шли... — опять шепчет Павка. И мы продолжаем приближаться к верховым.

А они вдруг отстают от дядьки — и к нам. Я сразу, после Павки, конечно, понял, с кем мы дело имеем. По правде сказать, струсил. И опять же любопытство разбирает, поглядеть хочется, какие они, зеленые бандиты. Так и думал, что они на лицо зеленые.

Подъехали — оказалось, обыкновенные, только небритые. Один на сером, другой на красном коне. Тот, что на красном, кричит:

— Мослы вверх!

Мы подняли руки вверх.

— Давай посылку! — говорит он.

Павка первым нашелся. Удивился понарошку:

— Какая посылка?

Тогда тот, что на сером, говорит:

— Ты, сопля, не шуткуй. — И слезает с коня. Подходит и начинает быстро ощупывать Павку.

Павка заплакал. Понарошку, конечно.

— Дядечка, родненький, отпустите нас домой...

Мы с Симкой тоже, как могли, поддерживали его.

Тогда бандит говорит дружку, который на красном сидел:

— Тащи сюда мужика. Про какую он посылку треплется?

Обернулись они, смотрят, а дядьки и след простыл, только далеко-далеко впереди снег крутится. Умчался он и мешков не пожалел — сбросил, чтоб легче было тикать.

— Обманул, гад! — выругался тот, что на красном коне. — Уходим, а то сейчас из станицы гости примчатся...

— У-у-у, недоноси! — прохрипел бандит и плетью огрел Павку.

Мне тоже по щеке досталось. Бандит вскочил на серого, и они подъехали к мешкам. Там спешились, погрузили один мешок на красного поперек седла. Второй мешок не тронули: не под силу. Быстро погнали коней в глубь лесочка.

Мы вздохнули: легко отделались. Нам-то с Павкой немножко досталось, а Симке совсем ничего. Постояли, обождали, пока хруст в лесу совсем затих. И я пошел к сугробу, в котором посылка лежала. Только отошел, как вдруг Симка говорит:

— Нехай л-л-лежит до завтра.

— Одурел... Корни промерзнут, — отвечаю ему.

— В-в-вдруг у них наблюдатель сидит?

Хорошо, что меня Павка поддержал:

— Какой наблюдатель, они нас совсем удрали. А посылку надо быстрее отправлять.

Вытащил я посылку из сугроба, отряхнул с нее снег, и пошли мы дальше.

...У станичной околицы нам встретился разъезд на конях: человек двадцать дядек в шлемах. Молодые все, краснолицые. А позади них ехал тот дядько на санках. Заметил нас и сделал вид, что не узнал, — отвернулся.

Почта помещалась в бывшем атаманском доме. В этом же доме была торговая лавка и клуб. Кинулись мы в дверь — закрыто. Оказалось, что почтарь уехал к поезду — сдавать почту — и когда вернется, неизвестно. Может, сегодня совсем не придет. Мы растерялись, не знаем, что делать. Если задержимся здесь, дома шум поднимется. Старенький сторож, когда узнал, что мы аж из Черного Ерика, посоветовал:

— Вы на дом к нему сходите, может, жинка дома. Она часто заместо него пошту принимает.

Нашли хату почтаря. Жена его и в самом деле дома была. Только она заявила:

— Не положено без хозяина принимать, да и ключей у меня нет. — И повернулась от калитки к дому.

Я за нею:

— Тетечка, — говорю, — мы ж из Черного Ерика!

А она даже не обернулась.

— Бланков квитанционных нема у меня, а без квитанции никак нельзя.

Тут Павка с Симкой на помощь пришли. Объясняют, что квитанция нам не нужна, мы и так поверим. А тетка свое: не приму — и все. Но когда Павка заявил, что не принять лекарство для Ленина она не имеет права, тетка остановилась. Вернулась, прочитала адрес на крышечке ящика.

— Адрес неправильно указан. В Горках он сейчас.

— Так мы переправим! — закричали мы. Тетка заколебалась:

— Это от коллектива?

— От коллектива, — говорим, хотя и не имеем понятия, что такое «коллектив».

И почтарка сдалась:

— Сейчас поросят накормлю, и сходим.

На почте она смочила крышку ящика водой, соскребла наши буквы и написала, как оно должно быть, — на Горки.

— А кто отправитель?

Что такое «отправитель», мы тоже не знали.

— Ну, кто посылку отправляет?

Мы удивились:

— Мы, конечно! Кто ж еще...

— Всех троих писать?

— Всех.

И на ящичке тетка вывела наши имена: Сима Симоненко, Павка Колыч, Гриша Мирошник. Строчки у нее получились ровненькие, прямо по шнурку. Не то, что у Павки было.

Ящичек тетка поставила на весы, уравнивала их гирьками, прикинула что-то на счетах.

— Давайте грóши.

Мы очумели: какие грóши?!

— За пересылку, — говорит тетка и выправляет квитанцию.

— А у нас нет, — просто сказал Павка.

Тетка сначала не поверила. А потом закричала:

— Так что ж вы дурью мучаетесь?! — И выставила посылку обратно на прилавок.

— Так это ж не кому-нибудь... — пробую ей объяснить.

А она и слушать не хочет:

— Ты это брось, ты меня на пушку не бери: тариф есть тариф.

Я решил, что Тарифом ее мужа звать, настоящего почтаря:

— Тариф бы обязательно принял!

Тут тетку совсем понесло:

— Марш из помещения!

Симка не выдержал, заревел всюю, как маленький. Мы с Павкой тоже еле сдерживались. Говорим ей:

— Мы вам летом яблоками отдадим...

— Ха! — И тетка стала надвигаться на нас из-за прилавка. — У меня своих девать некуда...

Тут в конторку зашел старенький сторож.

— Грабеж чинится? — улыбнулся он.

А нам совсем не до смеха. Плачем.

— Вона молодцы посылку сдают, а грóши от коллектива утеряли, — объясняет ему тетка. — А может, и проели.

Сторож снова смеется:

— А я думал, покушение на почтового курьера... Значит, проели денежку на конфетах?

— У нас совсем не было денег, — отвечает Симка.

Сторож не поверил.

— Брешете... Без денежки мамка на пошту не погонит.

— Мы сами, без мамок отправляем, — отвечаю я ему и показываю обратный адрес на ящичке.

Сторож прижмурился. Потом вытащил очки с проволочными оглоблями, прочел адрес полностью и говорит почтарке:

— Как же это, Васильевна-свет-голубушка?... Непорядок, посылка, вишь кому?

— Лекарство здесь, — объяснил я.

— А не платить за посылку порядок?

— М-да... — Сторож пожевал задумчиво губами. — А у меня, хлопчики, тоже денежки нема. Может, свет-Васильевна, примешь на слово? А с жалованья я рассчитаюсь.

Тетке неохота сразу сдаваться. Говорит сторожу:

— А не врешь?

— Вот те крест. — И дедушка перекрестился. — Ей-богу...

— Ей-богу, — передразнила тетка. — Кто ему сейчас верит?

— Ну, тогда честное большевицкое... А потом, я ж никуда не денусь, Васильевна-голубушка.

Тетка, видно, и сама сообразила, что дедушка не убежит с ее деньгами, что обязательно рассчитается из жалованья. Поэтому сдалась:

— Давайте.

И наша посылка снова перекочевала через прилавок к тетке. Вместо посылки она выдала нам квитанцию, где расписалась в получении от нас груза.

— Теть Васильевна, а когда она отправится? — напоследок спросил я.

— Как только партия наберется, — ответила тетка.

Я глянул за прилавок и увидел, что наша посылка там одна-единственная. Спрашиваю:

— А остальные где из партии?

Тетка все еще дулась, поэтому за нее ответил дедушка. Он сказал, что партию, которую за две недели собрали, повезли к поезду.

— Значит, наша пойдет только через две недели? Давайте обратно! — кричу я почтарке.

— Сумасшедший?... — Она и на самом деле испугалась немножко.

Отвечаю:

— Ленин болеет, а вы две недели держать будете... Мы сразу на станцию отнесем.

— Не успеете, — говорит тетка. — До станции две версты, а поезд вот-вот подойдет.

Но посылку подала. Я схватил ящичек и к дверям. Думаю про себя: успеем — хорошо, не успеем — обратно сдадим.

— Бланок возьмите к посылке! — крикнула нам вслед тетка. — А то не примут!

Симка вернулся, взял. А мы с Павкой уже со всех ног мчались по дороге к станции. Бежим: я впереди, Павка за мной, от собак отбивается. Последним Симка бежит с бланком.

Станичники останавливаются, смотрят на нас:

— Кого убили?..

А мы не отвечаем. На бег духу еле-еле хватает, куда тут разговаривать с ними. Бегу, чувствую, как ноги подкашиваться начинают. Ведь мы ж с хутора восемь километров прошли. Перед глазами все начинает прыгать. Останавливаюсь, говорю Павке:

— Посижу... а ты беги...

У него силы еще оставались, он же просто так бежал, а я с грузом. Павка подхватил посылку — и дальше. Станичная пацанва подбежала, спрашивает:

— Куда?

А я слова в ответ не могу сказать, в горло будто кто рукой вцепился.

— Украли что-то и тикают... — Решают они меж собой. — Вишь, не нашенские, беспризорные...

— Дурак, — через силу говорю. — С посылкой не успеваем, а там лекарство...

— Сразу б сказал, — рыкнул самый высокий, наверно, ихний заводила. — Ребя, айда!..

Они кинулись следом за Павкой. Вижу, догоняют, берут посылку, а у Симки бланк и несутся вовсю дальше, к станции. Куда шибче нас! Но мы ж приустали, а у них силы совсем свежие.

Слышу вдруг гудок паровозный. Только никак понять не могу, то ли поезд подходит, то ли отправляется. Если отправляется, не успеют хлопцы. Идем потихоньку к станции, воздух глотаем и молчим. Говорить не про что, об одном и том же думаем: успеют или не успеют?

Не помню, сколько времени прошло, только смотрю, бежит пацанва от станции нам на встречу. И еще издали кричат:

— Успели, успели!

Подбежали. И каждый по-своему рассказы-

вает, как передавали посылку в почтовый вагон уже на ходу поезда, отправлялся он.

— А не брешете? — усомнился Симка.

Они обиделись:

— Можете у дядьки Жорки спросить.

На одноконных санках подъехал дядько Жорка — почтальон станичный. Попридержал лошадь, спрашивает у станичных:

— Эти? — И на нас показывает.

— Эти, — отвечают ему.

Дядько Жорка пристально осмотрел нас с головы до ног и говорит:

— Сразу видно чернооериковских, казачьё! Квиток имеете?

Я показал ему квитанцию, которую взамен посылки выдала нам почтарка. Он взял, проверил, правильно ли все записано. Вернул.

— Закон. Но-о, Маруська! — И поехал своей дорогой.

А мы стали благодарить станичных. В ответ длинный заводила махнул рукой:

— Бросьте вы со своей спасибой. Рази мы не понимаем?.. Слава богу, не маленькие...

На том мы с ними и расстались.

...А вскоре к нам в Черный Ерик приехал дядя Костя. Он приехал провести траурный митинг.

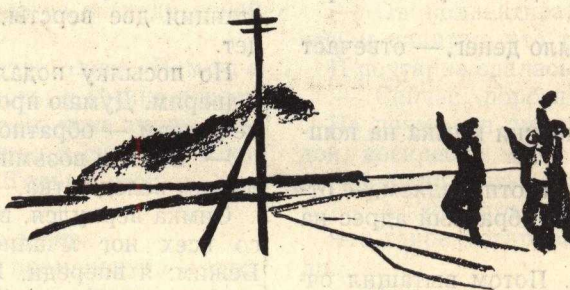
Ленин умер.

На митинге многие хуторяне плакали. Я тоже плакал и на митинге и дома. Дядя Костя вытер мне слезы своей крепкой ладонью и сказал:

— Хватит, Григор. Теперь нужно исполнять то, что он не успел, вот и получится так, что живет он. Понял?..

Я все равно плакал.

Конец

ЛЕНИН С ДЕТЬМИ.

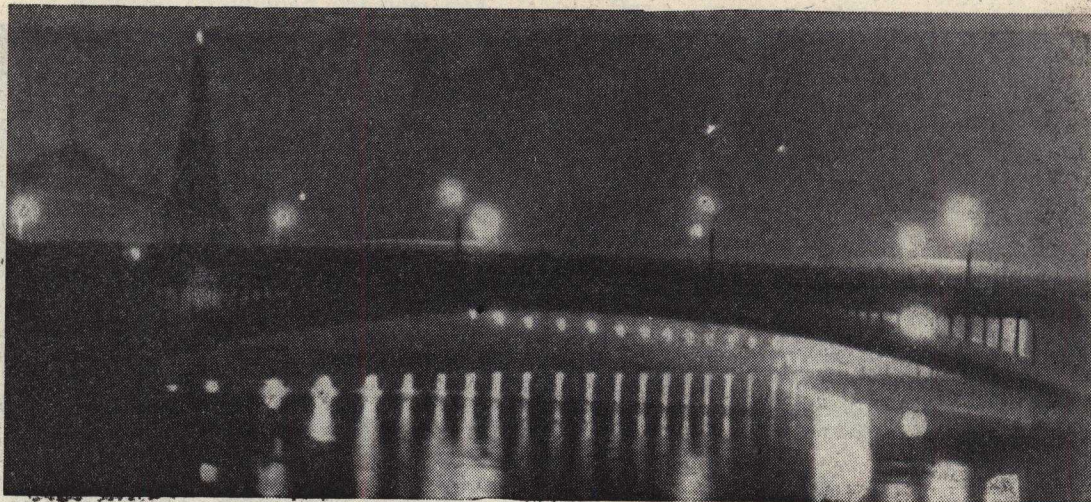
Рисунок В. Коновалова.

Итак, в путь!

Эти снимки нам прислали ребята из Московского Дворца пионеров. Они первыми приняли эстафету нашего фотопутешествия. Помните, в прошлом году мы с вами договорились отправиться по дорогам родной страны! Так вот, сегодня первый маршрут. Москвичи ведут нас по Москве...

Каменный мост. Фото Игоря Мясника.

Пост № 1.

Фото Коли Ежевского.

В нашем фотокружке ребята работают с большим увлечением. Мы все любим снимать родную столицу и стараемся показать ее интересно.

Не один раз приходил Коля Ежевский к Мавзолею В. И. Ленина. Наконец получился удачный кадр. Коля назвал его «Пост № 1». Сорок три года назад, 27 января 1924 года, на первую вахту у поста № 1 встали кремлевские курсанты Григорий Коблов и Арсентий Кашкин. С тех пор на посту у Мавзолея сменялось больше пяти тысяч часовых. И каждый час, днем и ночью, зимой и летом, чеканит по Красной площади шаг новая смена караула.

Каменный мост через Москву-реку Игорь Мясник сфотографировал ночью. Мост этот построен в середине тридцатых годов. Тогда за двадцать один месяц социалистическая Москва соорудила десять новых мостов и водоотводный канал.

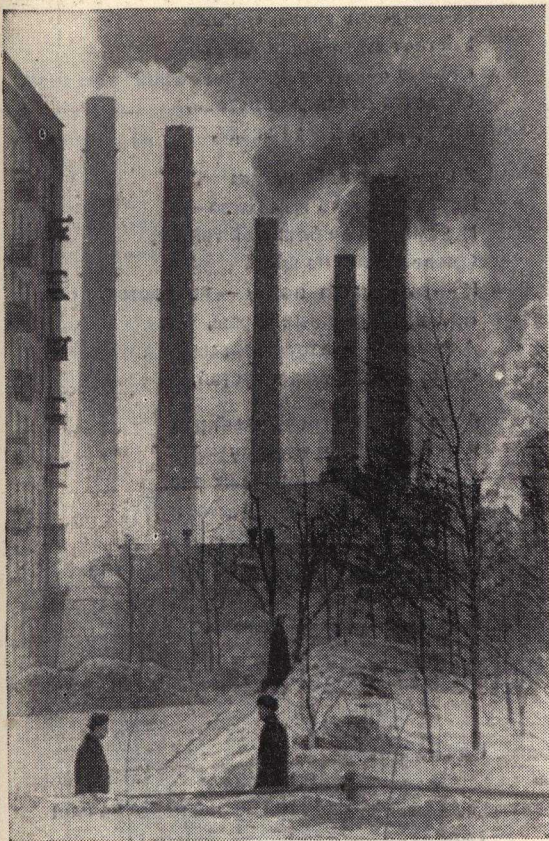
Снимок Саши Галкина называется «На перекрестке веков». Слева кусочек новостройки. Это растет самая большая в Европе гостиница «Россия». А рядом — купола церкви. Это памятник архитектуры семнадцатого века, и москвичи его бережно охраняют. Такое соседство часто можно увидеть в центре нашей древней и в то же время молодой столицы.

Зато на Юго-Западе Москвы все только самое новое: и дома, и улицы, и теплоцентрали, такие, как на фото Саши Моисеенкова.

А вот как увидел Москву Миша Каменев. Его привлекла красота зимнего вечера на проспекте Маркса: пушистый снег на ветках, поджидающие автобус пассажиры, вспышки рекламы на гостинице «Метрополь». Гостиница в 1918—1919 годах была свидетелем исторических заседаний ВЦИКа, на которых не раз выступали В. И. Ленин и Я. М. Свердлов. Надпись на мемориальной доске, прикрепленной к фасаду, сообщает: «Здесь в ноябре

1917 года красногвардейцы и революционные солдаты под руководством М. В. Фрунзе вели ожесточенные бои против юнкеров, оборонявших подступы к Кремлю».

Николай ФИЛИПОВ,
член фотокружка
Московского Дворца пионеров

На перекрестке веков,

Фото Саши Галкина.

Утро большого города.

Фото Саши Моисеенкова.

Фото Миши Камнева.

Проспект Маркса.

Стихи

Бориса Слуцкого

Имя поэта Бориса Абрамовича Слуцкого, наверно, знакомо вам, потому что в «Пионере» печатается он нередко.

К сожалению, мы не сможем здесь рассказать обо всем пути поэта, не сможем даже перечислить все лучшие его стихотворения. Путь большой, и стихов хороших немало, и появятся еще, новые. Здесь вы прочтете лишь об одной грани поэтического таланта, о том, как глубоко трагическое неожиданно сталкивается со смешным. А смех может быть и веселым, и саркастическим, и грустным.

В стихотворении о музыкальной школе, которое мы тут публикуем, вы столкнетесь с улыбкой поэта, с нежной и доброй, когда речь заходит о матери:

Она меня за шиворот хватала
И в школу шла, размахивая мной.

Но вот уже улыбка делается иной, это уже сдержанная, полная тайной и убежденной веры в собственное призвание, о котором никто тогда не догадывался, даже и сам мальчик — герой этого стихотворения, но что-то он, видно, предчувствовал уже.

Я не давался музыке. Я знал,
Что музыка моя — совсем другая.
А рядом, мне совсем не помогая,
Скрипели скрипки и хирел хорал.

Поэту было двадцать два года, когда началась война, и ВОЙНА навсегда стала одной из главнейших его тем, когда он вернулся домой с орденами и ранениями, с памятью, занятой боями, гибелью товарищей, победой. Лучшая книжка Слуцкого, почитайте ее, так и называется — «Память».

Но память не отпускает его поэзию и сейчас. Одно из новых стихотворений Бориса Слуцкого, которое вы прочтете ниже, написано о первом ранении. Тут кровь, боль физическая и боль душевная, ибо это стихи об отступлении армии. Но, вчитайтесь, вдруг, среди горькой тревоги — опять, снова усмешка! Тут уж намешка над самим собой.

Буду пить в лазарете настойку,
Буду сводку читать, буду есть
Суп-бульон, с петрушкой для запаха...

Человек без юмора написал бы, я думаю, что-нибудь вроде: «В горло еда не лезет». А тут все наоборот. Почему? Да потому, что в таланте поэта, я уже говорил, есть черта — неожиданно усмехнуться в самом серьезном месте. И серьезные слова от этого, как ни странно, только выигрывают.

Действительно, после «супа-бульона» особенно веско звучит:

— Я еще доползу до запада.

С. АРТАМОНОВ

РАНЕН

Словно хлопнули по плечу
Стопудовой горячей лапой,
Я внезапно наземь лечу,
Неожиданно тихий, слабый.
Убегает стрелковая цепь,
Словно солнце уходит на запад,
Остается сожженная степь,
Я и крови горячей запах.

Я снимаю с себя наган:
На боку носить не сумею,—
И ремень, как большой гайтан,
Одеваю себе на шею!
И — от солнца ползу — на восток,
Приминая степные травы,
А за мною ползет кровавый
След, дымящийся и густой.

В этот раз, в этот первый раз
Я еще уползу к востоку
От германцев, от высших рас.
Буду пить в лазарете настойку,
Буду сводку читать, буду есть
Суп-бульон, с петрушкой для запаха.
Буду думать про долг, про честь.
Я еще доползу до запада.

Ночью с неба
земля похожа
на небо ночью!
Города — как скопления звезд.
Леса — как туманности.
И только у земных рек
Нет двойников на небе,
И авиаштурманы находят дорогу
По Волге, Каме и Енисею.

имени **БЕТХОВЕНА**

гордость,
Чтоб этот домик маленький воспеть,
Где мне пришлось терпеть и претерпеть.

гаммы!

руки,

той вечерней,

той вечерней,

Одолеевал упорства рубежи.

Сопоставляясь, музыка учебной

Сопrotивляясь музыке учебной

И повинуюсь музыке души.

ОПЕРАЦИЯ «ЦВЕТЫ НА БРУСТВЕРЕ»

Последнее заседание штаба.

Всем участникам операции

«Цветы на бруствере»

1. Операцию «Цветы на бруствере» в честь двадцатипятилетия разгрома немецко-фашистских полчищ под Москвой считать завершенной.

2. Отметить, что в операции «Цветы на бруствере» приняло участие большое число пионерских коллективов. Собран интересный материал о боях и подвигах в Подмосковье. Совершены походы по местам боевой славы героев Московской битвы. Принято участие в благоустройстве памятных мест и в увековечении памяти героев. Созданы музеи боевой славы земляков, защищавших Москву.

3. Вынести благодарность всем участникам операции «Цветы на бруствере».

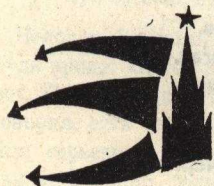
4. Особо отметить и наградить лучшие отряды красных следопытов — участников операции «Цветы на бруствере».

5. В дни зимних каникул провести в Москве, в редакции журнала «Пионер», сбор-слет представителей лучших отрядов — участников операции «Цветы на бруствере».

6. Сбор материала о Московской битве, о героях Великой Отечественной войны, походы по местам боевой славы продолжить.

7. Увековечение памяти героев, помощь и внимание семьям погибших воинов, ветеранов Великой Отечественной войны и впредь всегда и везде считать своим долгом, своей священной обязанностью.

Маршал Советского Союза Ф. И. ГОЛИКОВ.

ВНИМАНИЕ!

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» БЛАГОДАРИТ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ ОПЕРАЦИИ «ЦВЕТЫ НА БРУСТВЕРЕ».

ГРАМОТАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА, ЦЕННЫМИ ПОДАРКАМИ И ПУТЕВКАМИ В ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ «ОРЛЕНОК» НАГРАЖДАЮТСЯ:

Сводный отряд красных следопытов г. Можайска и Можайского района.

Полк красных следопытов г. Малоярославца, Калужской области.

Сводный отряд красных следопытов Краснопресненского района г. Москвы.

Отряд «Следопыт-19» средней школы с. Каринское, Московской области.

Отряд красных следопытов Ново-Петровской средней школы Московской области.

Отряд красных следопытов 615-й школы г. Москвы.

Отряд «Турист» 720-й школы г. Москвы.

Отряд красных следопытов 751-й школы г. Москвы.

Отряд красных следопытов пионерлагеря «Спутник», Московская область.

Сводный отряд красных следопытов пионерлагеря «Салют», Московская область.

Отряд красных следопытов пионерлагеря «Дружба», Московская область.

Отряд имени Героев 10-й армии Волхонщинской средней школы Тульской области.

Отряд «Космодром «Чайка» 42-й средней школы рабочего поселка Решетиха, Горьковской области.

Отряд имени Олега Кошевого 34-й средней школы г. Челябинска.

Отряд «Чайка» средней школы поселка Урмары, Чувашской АССР.

ГРАМОТАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА И ЦЕННЫМИ ПОДАРКАМИ НАГРАЖДАЮТСЯ:

Отряд красных следопытов 583-й школы г. Москвы.

Отряд красных следопытов пионерлагеря «Васильевское», Московская область.

Отряд красных следопытов Осташевской восьмилетней школы Московской области.

Отряд «Зоркий» школы № 1 имени Макаренко, г. Ирпень, Киевской области.

МНОГИЕ МАТЕРИАЛЫ, ДОКУМЕНТЫ, РЕЛИКВИИ БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ, ПРИСЛАННЫЕ ВАМИ, КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ, В ШТАБ ОПЕРАЦИИ «ЦВЕТЫ НА БРУСТВЕРЕ», ПЕРЕДАНЫ В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР ОСОБЕННО БЛАГОДАРИТ:

Отряд красных следопытов Осташевской восьмилетней школы Московской области.

Отряд «Космодром «Чайка» 42-й средней школы рабочего поселка Решетиха, Горьковской области.

Отряд имени Олега Кошевого 34-й средней школы г. Челябинска.

Отряд «Чайка» средней школы поселка Урмары, Чувашской АССР.

Отряд имени Героев 10-й армии Волхонщинской средней школы Тульской области.

Отряд красных следопытов пионерлагеря «Дружба», Московская область.

Дорогая редакция! 30/II-66г.

В этом письме я хочу рассказать вам о своём классе, в котором буду учиться уже седьмой год. Учителя на класс не жалуются: дисциплина хорошая, успеваемость приличная. А вот дружбы-то в нём и нет. Шесть лет мы учились вместе! Это немалое время.

И НЕЧЕГО ТРУСИТЬ!

Дорогая редакция!

В этом письме я хочу рассказать вам о своём классе, в котором буду учиться уже седьмой год. Учителя на класс не жалуются: дисциплина хорошая, успеваемость приличная. А вот дружбы-то в нём и нет. Шесть лет мы учимся вместе. Это немалое время. Сколько интересного могли бы мы сделать все вместе, как весело могли бы проводить свободное время! Но мы ходим в школу только для того, чтобы учиться. Отсидим положенные шесть часов, а остальное нас не касается. Девчонки дружат между собой только по двое. И все время обижаются одна на другую, ссорятся. Я уж не говорю о дружбе мальчишек и девчонок. Это считается у нас тяжким преступлением. Я помню, прошлой зимой я очень тяжело заболела. Долго не ходила в школу. Это сказалось на моих отметках. Труднее всего приходилось с математикой. Я никак не могла нагнать упущенное. И вот, когда я получила очередную двойку по арифметике, после уроков ко мне подошел Витя Л. и предложил со мной позаниматься. Все время, пока мы решали задачи, две девочки бросали на нас косые взгляды и шептались между собой. На следующий день по дороге в школу я встретила Витю. В школе мы вместе разделись и вошли в класс. И тут по нашему адресу полетели такие глупые насмешки, такие грубые слова, что мне стало стыдно, стыдно за тех, кто их кричал. А кричали мальчишки. Девчонки только с хитрым видом перешептывались между собой. Все это было настолько неприятно, что, едва дождавшись последнего звонка, я пулей выскочила из школы.

Летом я отдыхала в пионерском лагере. Отряд у нас подобрался на редкость дружный. Мне сейчас приятно вспомнить костры на лесной поляне, беседы, игры, танцы, походы... Всего не перечислить. Как хочется, чтобы в школе после уроков было так же интересно! Чтобы все вместе — мальчишки и девчонки — проводили свободное

Оле Павловой отвечает

писатель

Лев Абрамович

Кассиль

время и никто не осуждал бы нас за это, не смеялся над нами. Как бы манила нас школа, если за ее порогом ждали бы тебя товарищи, а не насмешники! Я очень люблю свою школу, но когда я подумаю о том, что в нашем классе снова будет царить такая же холодная обстановка, мне не хочется идти в школу.

Правда, не все у нас в классе боятся дружбы. Есть горстка ребят, которые понимают, что ни к чему плохому дружба не приведет. Но и они боятся остальных и сторонятся друг друга, чтобы не навести подозрений. Нашу классную руководительницу это не интересует. Она беспокоится только об отметках. Когда я ей сказала, что в классе нет дружбы, она ответила: «Разбирайтесь сами...»

Посоветуйте, пожалуйста, как нам сдружить класс.

Оля Павлова,

г. Жуковский.

Письмо твое, Оля, к сожалению, не одиноко: я за последнее время получил уже немало писем от моих читателей и читательниц, которые, как и ты, жалуются на неладные отношения между ребятами в классе. Только не все сумели так точно и откровенно рассказать о своих огорчениях, как это сделала ты в серьезном и искреннем письме. Поэтому я отвечаю именно тебе. Но надеюсь, что ответ мой сможет пригодиться и другим.

Во всяком случае, я не скажу тебе и другим ребятам, которые обратились ко мне с подобными письмами: «Разбирайтесь сами». Ведь ребята для того и обращаются к нам, своим старшим друзьям, чтобы мы помогли разобраться в трудных делах, с которыми им самим-то не сладить! Но многое, конечно, зависит и от самих ребят.

Вот и давай разберемся вместе.

Согласен я с тобой, что в классе недружном, где ребята разрозненны, не имеют общих интересов, не связаны какими-то всех объединяющими делами, и учиться-то не очень уютно. Конечно, все одноклассники не могут быть совершенно одинаково близки и дороги друг другу. Друг — это человек самый близкий, самый дорогой, которому хочется во всем помочь, все рассказать о себе, поделиться с ним самыми заветными думками, мечтами, чувствами. Большую, истинную дружбу не обязательно скрепляет список учеников одного класса. Бывает ведь и так, что учится кто-то в одной школе, а ближе всего дружит с ребятами из другой: показались более подходящими, пришлось по душе, нашлись какие-то самые заветные общие дела и по-

мысли. Друга нельзя назначить. Дружбы по приказу не бывает.

Но вот настоящее, крепкое товарищество непременно должно объединять всех, кто учится вместе. И, разумеется, личная дружба отдельных ребят между собой никак не должна нарушать правил общего товарищества.

А то вот был у меня как-то разговор в одной московской школе. Тоже говорили мы о дружбе. И вдруг получаю я такую записку: «Я считаю, что дружба — это союз двух против всех!»

А?.. Как тебе это нравится? Выходит, если подружился с кем-то, значит, к остальным всем надо спиной повернуться и заранее уже настроить себя так, будто все другие ребята — твои противники, недруги. Какое же это недоброе, мелкое и трусливое представление о дружбе! Разве дружат для того, чтобы отгородиться от всех?

Я думаю, именно так и относятся к личной дружбе те, кто не понимает, что такое большое школьное товарищество, которое делает всех союзниками и в учении, и в отдыхе, и в развлечениях, и в интересных затеях. И хорошая личная дружба двух или нескольких ребят, которые сблизились особенно крепко, потому что очень уж подошли друг к другу, — это вовсе не вызов, не сопротивление всему коллективу и не самооборона от него. Такая личная дружба — это частичка большого товарищества, объединяющего всех в одно крепкое, дружное, деятельное, веселое и стойкое целое. Разве оттого, что два или три-четыре кирпича особенно крепко сращены между собой, вся кладка стены расшатывается? Дом крепче

стоит, если в опорных узлах кирпичи надежно сошлись друг с другом.

И уж, конечно, дружить могут очень душевно и мальчишки с девочками. Я знаю, что часто хорошая, сердечная и умная дружба школьника и школьницы вызывает дурацкие, мерзкие, обидные насмешки, улюлюканье мальчишек и хихиканье девочек. Но разве можно из-за этого отказываться от дружбы?! Настоящая дружба нетруслива. Она должна смело доказать свою правоту, не страшиться глупых дразнилок, не рассыпаться в прах от косых взглядов. Ведь часто все эти насмешники действуют бездумно, просто из дурного пошиба, который завелся у нас еще в старые времена, когда, действительно, много грязи частенько засоряло жизнь, когда одни люди вынуждены были порой пресмыкаться перед другими, когда иной раз приходилось скрывать свое счастье, свои чувства от тех, кто мог безнаказанно хозяйничать в жизни и не считался ни с кем, попирав дружбу людей, плевал им в душу. У нас же люди стали гораздо ближе друг к другу, давно исчезло деление общества на классы, нет богачей, аристократов, нет людей «низкого происхождения», как презрительно именовали барчуки детей из трудовых семейств. Ведь народ у нас объединен одной благородной целью, стремится сделать жизнь такой, чтобы она была радостной для всех.

У нас научились по-настоящему уважать женщину, у которой теперь столько же прав на труд, на самостоятельную жизнь, на большое счастье, как и у мужчин. Чего ж тут хихикать, строить рожи, перемигиваться и орать давно уже отжившие, неостроумные дразнилки, если школьник подружился со школьницей, если у девочек и мальчиков в классе нашлись по-хорошему сроднившие их дела и после уроков, вне школы, дома!..

Очень часто вздорные и нечистые ухмылки прикрывают у насмешников внутреннюю зависть: они в душе-то и сами бы не прочь были найти хорошую подружку или верного друга, да что-то, видно, пока не получилось. Вот, завидуя тем, у кого возникла хорошая дружба, они и издеваются над другими.

Ты пишешь, Оля, что в пионерском лагере, где ты отдыхала летом, отряд у вас подобрался очень дружный. А ты постарайся припомнить, что вас особенно сближало в лагере, из чего возникло первоначальное товарищество пионеров в вашем

отряде, как постепенно взаимоотношения между некоторыми пионерами и пионерками переросли уже в настоящую дружбу, которая, как видно, никак не расшатала крепкую спайку всего вашего отряда. Вспомни, продумай и поделись в классе с теми своими подружками и товарищами, которые, по твоему мнению, могут лучше понять все это и помочь таким образом классу сдружиться.

Конечно, школьный класс—это не отряд в летнем лагере. Летом в отряде вы жили рядом друг с другом, проводили вместе весь день, от утренней побудки до вечерней линейки. А сейчас, во время школьных занятий, вы объединены главным образом на уроках, а потом каждый уж сам решает, где, с кем и как проводить ему время. Да и уроков задают много, на товарищеские встречи, на общение ребят друг с другом часто остается очень мало времени. Но все-таки есть же свободные часы, дни отдыха, когда можно всем вместе отправиться на интересную прогулку или собраться, чтобы искренне, не тая, друг от друга своих мнений, поговорить об интересной книжке или о фильме, который посмотрели в кинотеатре, о спектакле, увиденном по телевидению, побывать вместе на спортивных состязаниях, самим совершить лыжную вылазку, сделать какую-нибудь интересную выставку в школе, а то и просто устроить хорошую школьную вечеринку с выступлением драмкружка, с песнями, с танцами. Да мало ли хороших дел можно придумать, чтобы и развлечься и подружиться крепче!

Ты пишешь, что «не все... в классе бояться дружбы. Есть горстка ребят, которые понимают, что ни к чему плохому дружба не приведет». Ты прочти им мой ответ на твое письмо. Не стесняйся того, что ты обратилась в редакцию пионерского журнала за советом, потолкуй с ними откровенно, посоветуйся, что интересного и общепольного можно придумать.

И нечего вам трусить! Вот увидите, когда ваша «горстка» станет крепким ядром хорошего, веселого, взаимоуважительного товарищества в классе, в смешном, жалком и глупом положении окажутся как раз те насмешники, которые мешают вам сейчас дружить своими дразнилками. Докажите им, что вы не только умнее их, но и счастливее.

От души желаю вам крепкой дружбы и твердо верю в нее!

Лев Кассиль.

Белая мышь

РАССКАЗ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Однажды днем, когда наши соседи, пенсионеры Гопшинские, ушли в кино, ко мне прибежал мой приятель Генка с двумя клюшками и шайбой.

— Давай потренируемся, — сказал он. — Такого коридора, как у вас, нигде больше нет. И линолеум, точно лед. А на дворе тает.

— Только поосторожней, — немного подумав, согласился я, потому что мне уже не раз попадало за игру в коридоре.

Сам я ни с кем из соседей нашей коммунальной квартиры не ссорился. Зато соседи ссорились из-за меня и подолгу не разговаривали друг с другом. При этом некоторые были за меня, а некоторые, в том числе и отец, против...

Генка скользил для разминки по линолеуму, как на коньках, а я надел старое зимнее пальто отца, достал из чулана чьи-то огромные валенки и встал с клюшкой в «ворота» — перед дверью Гопшинских.

— Тело твоё защищено, а лицо нет, — сказал Генка. — Вдруг я в нос тебе попаду или в глаз? Разговоров не оберешься. Нужно маску какую-нибудь.

— Так она уже есть! — сказал я, побежал в комнату и достал из ящика с елочными игрушками старую маску льва.

— Вот и стой в воротах, как лев, — сказал Генка, крепко завязав тесемки на моем затылке, и приготовился к броску.

Он от самой входной двери скользил по линолеуму, финтил клюшкой и делал броски не хуже Альметова. А я отбивал шайбу

клюшкой и бросался под ноги Генке, как Коноваленко.

Потом мы носились как бешеные по коридору, боролись на полу, от стука клюшек я слегка оглох, и вышло так, что мы с Генкой одновременно ударили друг друга клюшками по ногам. Тут мы завопили в один голос от боли.

В этот момент щелкнул замок, и в дверях показались Гопшинские, вернувшиеся из короткометражки.

Казимир Иванович и Марта Адамовна смотрели на нас, ничего не понимая и прикрыв ладонями рты.

Я заметил, что лампочка в коридоре горит тускло-тускло из-за поднятой нами пыли.

Генка быстро опомнился и юркнул в дверь.

— Что вы делали? — сипло крикнул Казимир Иванович.

Я посмотрел по сторонам и ужаснулся от того, что мы наделали с Генкой за несколько периодов. Один плинтус совсем оторвался от стенки и треснул. Исцарапанный клюшками и шайбой линолеум был белым, как лед, от упавших со стен и потолка кусочков побелки.

— Я уверен, что в тебе живет дух разрушения, — сказал, чихнув, Казимир Иванович, — а духа созидания в тебе нет. Ты маленький Атила!

— Пусть все остается, как есть! И не смей убирать! Пусть вся квартира полюбуется на дела твоих рук и ног! — добавила Марта Адамовна.

Я вздохнул, ушел в свою комнату, не вступив в пререкания с соседом, улегся на диван, приложил к шишке на лбу электрический утюг и уныло стал ждать, когда придут с работы мой отец, и мама, и поварах теть Леля, и кузнец дядя Вася, и их дочка студентка Вика.

«Да, это моя очередная, причем большая ошибка», — подумал я, достав тетрадь со списком своих ошибок. Завести ее для меня посоветовали отцу соседи.

И все-таки в тетрадке больше интересных ошибок, чем неинтересных. И потом, разве это ошибка, когда я прыгнул с двумя зонтиками со второго этажа и неудачно приземлился на спину прохожего? С этого самолеты начали изобретать и парашюты. Без таких ошибок нельзя. А вот бачок в уборной можно было и не разбирать. Это, конечно, самая настоящая ошибка. Но почему я маленький Аттила? И как узнать, когда собираешься что-нибудь сделать, ошибка это будет или нет? Наверно, нужно заранее придумать ошибки. Штук пять хотя бы. И тогда будет ясно, чего не следует делать. И в квартире будет спокойно...

Так я решил и составил на ближайшую неделю список ошибок, которые мне очень хотелось совершить и на которых можно было бы учиться:

1. Отвести от газовой плиты шланг для

горелки и попробовать выдувать приборы, как у химиков.

2. Побрить кактус. Может, иголки будут длиннее.

3. Попробовать оживить в ванне килограмм замороженной наваги.

4. Или достать лягушку, посадить в морозильник, а потом оживить в ванне.

5. Поймать скворца и научить его говорить.

«Хватит!» — подумал я.

Первым пришел с работы мой отец и сразу закричал:

— Встать! Не притворяйся! Я тебя заставлю сделать ремонт в коридоре! Марш на кухню!

Я, прихрамывая, поплелся на кухню, где должен был стоя ждать сбора всех соседей для разбирательства моего дела.

Наконец и Гопшинские, и Анна Сергеевна, и дядя Вася уселись на табуретки, тетя Леля с Викой принялись за чистку картошки, а мой отец заходил из угла в угол.

«Придется постоять с больной коленкой. Не могут уж заказать столяру скамью подсудимых», — подумал я.

Сначала все молчали. Потом взял слово Казимир Иванович. Он всегда был моим обвинителем.

— Дело не в плитусе, — сказал он, — а...

— В свинтусе, — перебила его Вика.

— Я хочу сказать, — продолжал Казимир Иванович, — что человеку нужно учиться жить в коллективе! Возьмем меня. Что будет, если мы с Мартой начнем играть в коридоре в крокет? Или в городки? А?

— Вы не ребенок! — отрезала Анна Сергеевна, которая была за меня.

— Мы уже несколько раз ставили вопрос о воспитании нашего жильца Мити. Лично для меня коммунальная квартира была большой школой. А вы посмотрите на линолеум! Прямо дух разрушения! — сказал Казимир Иванович.

— Все это ерунда по сравнению с детством. Оно у человека одно! — задрожавшим голосом сказала Анна Сергеевна.

— Заставить его вымыть пол — и дело с концом, — предложил дядя Вася. — На ошибках учатся.

— Принеси сюда тетрадь своих ошибок! — приказал мне отец. Он считал, что меня должна воспитывать вся квартира.

Я пошел за тетрадью моих ошибок, и, когда вернулся на кухню, спор из-за меня был в разгаре.

— Правда, — сказал я. — Как мне учить-

ся на ошибках, когда они не повторяются, а, наоборот, появляются все новые и новые!

— Нужно не допускать новых ошибок! Нужно думать перед тем, как сделать какой-нибудь шаг,— сказал отец.

— Вот я сегодня записал пять шагов и теперь их обдумываю,— сказал я, отдавая отцу список.

Он прочитал его вслух и тихо удивился: — Может, и правда в тебе живет дух разрушения? Ты только попробуй подойти к газу и побрить кактус!

— И не смей кидать в ванну навагу! — сказала тетя Леля.— Она будет пахнуть!

— Живодер! Лягушку — в морозильник! — добавила Вика.

— Ну, положим, это не живодерство, а опыт! — неожиданно вступился за меня Казимир Иванович.

— А скворца можно мне поучить говорить? — спросил я.

Тут в кухню вбежала мама и стала доказывать, что некоторые ненавидят меня с первого дня рождения.

«Начинается...» — подумал я.

— О нет, вы ошибаетесь! — возразил Казимир Иванович.— Я только стою за искоренение в человеке духа разрушения и за воспитание духа созидания. Вы знаете, что может быть с ним дальше?

— Что? Что? — полюбопытствовал мой отец, а мама сказала:

— Митя, выйди из кухни, закрой дверь, не подслушивай и займись уборкой.

Меня всегда выгоняли из кухни перед самыми интересными разговорами.

Я замел в уголок кусочки штукатурки,

протер мокрой тряпкой линолеум и подумал: «А вдруг и вправду во мне живет дух разрушения?»

Тут мама выбежала из кухни со слезами на глазах и сказала:

— У вас у всех нет сердца!

— А если тебе завести тетрадь ошибок, она будет в тысячу раз толще, чем Митина! — закричала тетя Леля на дядю Васю.

Мой отец прошел мимо меня, скрипнув зубами.

— Ты поссорил меня с мамой!

Марта Адамовна сказала всем:

— Стыдно! Мы должны жить так же дружно, как братья Адольф и Михаил Готтлибы.

Она всегда приводила в пример этих двух братьев, игравших зачем-то на одном рояле и часто выступавших по радио.

В общем, мне стало ясно, что все окончательно рассорились. Я, проклиная Генку и себя, записал содержание моей новой ошибки в тетрадь и от скуки перечитал ее перед сном.

Ночью мне приснилось, как братья Адольф и Михаил Готтлибы поругались из-за рояля и разрезали его на равные половинки пилой, чтобы никогда больше не выступать вместе по радио.

Моя мама не разговаривала с отцом уже три дня. Остальные поссорившиеся соседи не здоровались по утрам друг с другом и вели себя тихо и мрачно. А я старался не попадаться им на глаза.

В воскресенье часа в три дня мой отец и дядя Вася ходили по коридору, курили и не говорили, как обычно, про футбол.

Вдруг зазвенел звонок.

Я открыл дверь и увидел Лилию, которая год назад ставила в нашей квартире мышеловки. И сейчас в ее руках было четыре мышеловки.

А год назад мы с Генкой решили тайно уйти летом в турпоход по Якутии, чтобы открыть месторождение алмазов, и начали копить продукты.

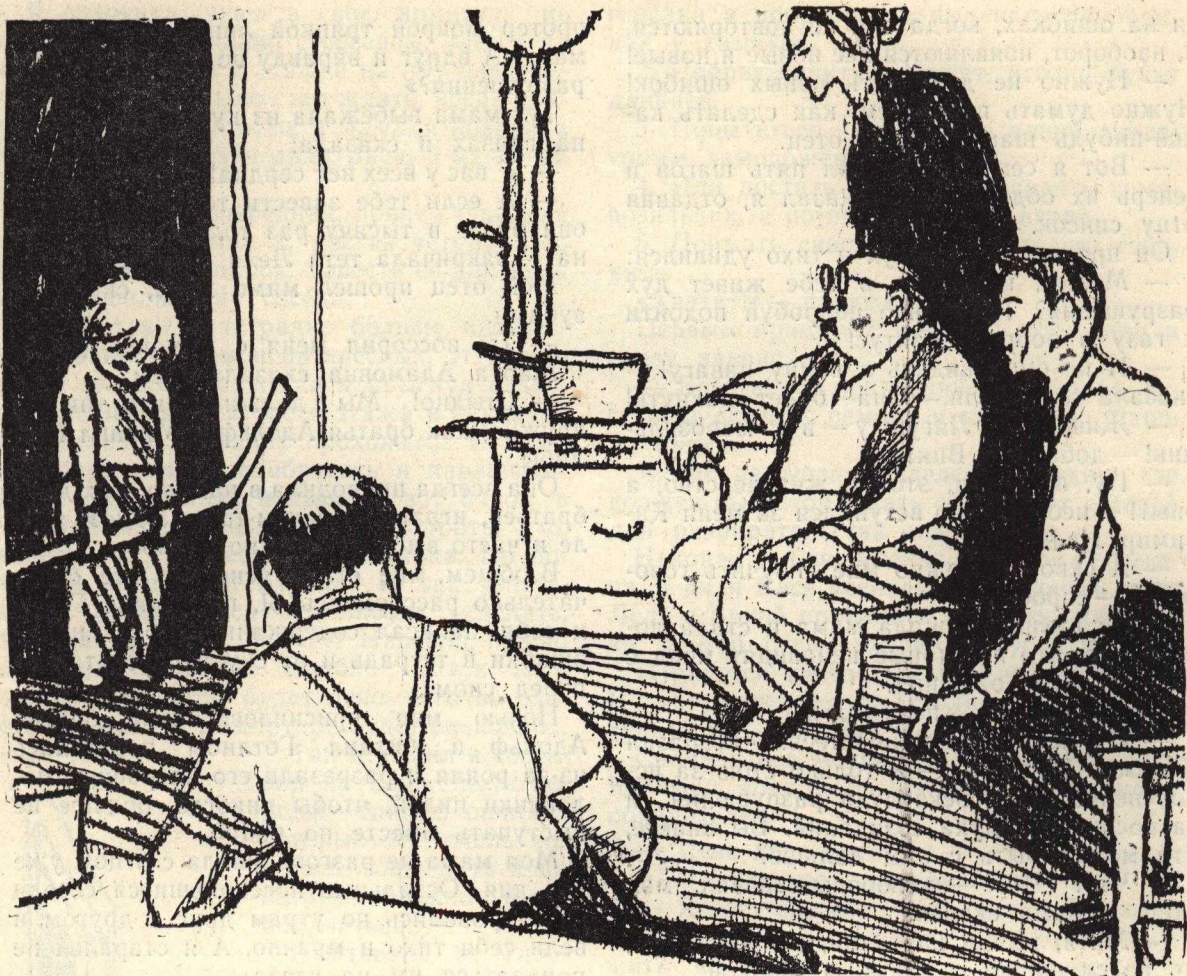
Я сделал в чулане тайник и прятал в него кусочки сала, копченой колбасы, хрустящие хлебцы, сахар и конфеты. И у нас в квартире неожиданно завелись мыши.

Меня, конечно, разоблачили, а мышей вывели при помощи химии. С тех пор из-за моей ошибки наша квартира была на учете.

— У нас же нет больше мышей,— сказал я Лиле.

— Все равно контрольная проверка. Сам виноват,— ответила Лилия, расставила две

мышеловки в чулане, две на кухне и ушла, пообещав навестить через три дня.

В понедельник утром я заметил, что все соседи с интересом осматривают мышеловки.

«По-моему,— решил я,— им хочется, чтобы поймалась хоть одна мышка. Это им нужно для зацепки, чтобы примириться...»

— Странно... пусты... очень странно,— сказал Казимир Иванович.

— Ведь мышки совсем не вредны,— заметила Анна Сергеевна.

— Безобидные существа,— добавил мой отец.— Но только не тогда, когда их много.— Он посмотрел на меня одним из своих самых страшных взглядов.

На этом разговор закончился. Все притихли и снова помрачнели.

«Непонятные люди, эти взрослые,— подумал я.— То ругают меня за мышей, то жалеют, что они не ловятся... Но уж если им так хочется, я заглажу свою последнюю

ошибку и проявлю дух созидания. Я им достану мышь и докажу, что умею жить в коллективе!»

Но где можно было поймать обыкновенную мышь, я не знал и поэтому решил купить в зоомагазине белую.

И я купил белую мышь с черными глазами, с розовым носиком и с таким же розовым хвостиком. Засунул ее в боковой карман и побежал домой.

Мышь в кармане сидела смирно, и только изредка я чувствовал, как на груди у меня шевелится теплый комочек.

Но мышь лучше было подложить в мышеловку утром, для того, чтобы все соседи сразу увидели ее и разговорились.

Невозможно же в конце концов не разговориться даже с самым страшным врагом, если вдруг увидишь белую мышь. Мы же с Генкой бываем иногда врагами и за просто миримся из-за чего-нибудь интересного...

Главное, нужно было не дать маме обнаружить мышь раньше времени.

Я проколол дырочку на крышке коробки из-под печенья «Мария», положил на дно ватку и налил в блюдечко молока. Потом пересадил мышь в длинную коробку. Она бегала по ней, как я по коридору, сидела на задние лапки, смешно умывалась и, видно, не скучала по коллективу, оставшемуся в зоомагазине.

Я закрыл коробку крышкой и надежно спрятал ее в чулане. «Скорей бы утро! Посмотрим, что будет!»

Проснулся я раньше всех, посадил мышь в старую мышеловку, которая, на мое счастье, была сделана, как клетка, осторожно опустил створку, а кусочек сыра бросил внутрь — мышке на завтрак.

Затем я улегся в кровать и стал ждать, что будет дальше. Только я задремал, как на кухне раздался страшный девчоночий визг.

Я прямо в трусиках бросился на кухню. Оказывается, первой увидела мышь Вика. Она уже опомнилась и склонилась над мышеловкой.

— Ой! Белая! О-о-ой! — завопил я во весь голос, притворившись удивленным.

И в кухне быстро собрались заспанные соседи и обступили мышеловку.

— Правда, белая!

— Поразительно!

— Она даже симпатична!

— Умывается! Умывается!

— Милая... бедненькая!

— А мне вот непонятно, — сказала Вика, — почему ее не прихлопнуло? Как это она пробралась внутрь и еще сыр с собой прихватила?

Я похолодел, но Вика засмеялась.

И вот что было странно: все получилось так, как я ожидал, а не наоборот. Все соседи весело разговорились на мышинные темы, а Казимир Иванович рассказал, какую большую роль играют мыши в науке. Он рассказал, что на белых мышах проводятся важнейшие опыты и что если мы быстро побеждаем многие микробы и вирусы, то это только благодаря белым мышам и крысам — добрым друзьям людей.

Тут я пожалел, что не купил крысу, а Анна Сергеевна, которая раньше не умела быстро мириться, принесла в кухню кота Мишку и сказала:

— Вы видели когда-нибудь Кота-веге-

тарианца? Ах, не видели? Так вот он — перед вами. Ест только молоко и овощи! Смотрите! Митя, достань мышку!

Я достал мышь и поднес ее к самому носу Мишки. Он даже не облизнулся. Только добродушно замурлыкал.

— Давайте, — сказал я, — сделаем ящик и посадим в него мышь. И пусть Мишка с ней играет. Ведь лев играет в клетке с собакой, и им весело.

— Это называется симбиоз. Дружное совместное существование, — сказал Казимир Иванович. Он разошелся и сделал маленькую лекцию о птицах, спасающих гиппопотамов от всяких насекомых, о рыбах-прилипалах, о крокодилах и других животных...

Наверно, всем нашим соседям стало неловко оттого, что кот Мишка может дружно жить с белой мышью, а они ссорятся из-за пустяков.

Когда все ушли на работу, я спросил у Казимира Ивановича:

— Мышь в мужском роде пишется «мыш» без мягкого знака?

Он засмеялся и сказал:

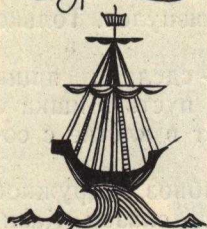
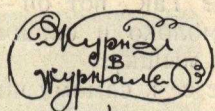
— А тебе не хотелось убить эту мышь? — Я даже покраснел от обиды. — Прости, что

я так подумал, — извинился Казимир Иванович, и мы первый раз в жизни как следует разговорились.

Я пообещал ему, что уничтожу в себе дух разрушения до конца, но все-таки пожалел, что нельзя побрить кактус и оживить в ванне килограмм наваги.

«Зато я научу говорить скворца!» — решил я и побежал в школу.

КОРАБЛИК

печатает только редакция

«КОРАБЛИК» ПОЗДРАВЛЯЮТ И ПРИВЕТСТВУЮТ:

Контр-адмирал А. Н. МОТРОХОВ

Великому Магеллану потребовалось около трех лет, чтобы совершить на своих кораблях кругосветное плавание. Ваш «Кораблик» плавает куда быстрее.

Хочется надеяться, что каждый член экипажа «Кораблика» очень скоро совершит настоящее кругосветное путешествие на больших кораблях и будет готов не только спорить со штормовой волной и ураганным ветром, но и победит любую непогоду.

Писатель Геннадий СНЕГИРЕВ

Тот, кто плавает на вашем «Кораблике», должен зорко видеть, все замечать и... уметь рассказать об увиденном так, чтобы всем было интересно. А иначе какой же он моряк?

«Кораблику» всего год, но за это время он успел многое сделать: открыл много стихов и рассказов. А это почти все равно, что вокруг света обойти.

Шлю «Кораблику» океанский привет и желаю попутного ветра,

Писатель Корней ЧУКОВСКИЙ

Я привык отмечать семидесятилетние и восьмидесятилетние юбилеи. Все мои друзья, да и я сам, вступили в этот грустно-юбилейный период, и меня приводит в восторг молодой, дерзкий юбилей годовалого младенца — «Кораблика». Не сомневаюсь, что в те восемьдесят четыре года, которые остались «Кораблику» до настоящего (например, моего) юбилея, он успеет стать атомным ледоколом, изумляющим весь мир своей невиданной мощью. Привет его юной команде!

Поэт Новелла МАТВЕЕВА

ОДНОГОДИЮ «КОРАБЛИКА».

Привет, «Кораблик», от души!
Скорей, «Кораблик», заверши
Благополучный переход —
И превращайся в пароход,
Переходя от годовалости
К суровости и возмужалости.

Художник Май МИТУРИЧ

Еще недавно его не было. И вот ему уже год. Я дарю ему картинку.

Сейчас он плывет в берегах журнала «Пионер». Мне хочется пожелать «Кораблику» попутных ветров, которые помогли бы ему выйти в открытое море.

СНЕГИН

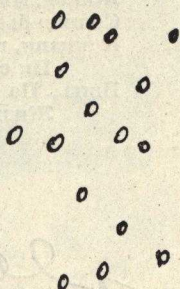
У меня есть добрый гном Снегин. Я сказала, чтоб под Новый год он насыпал побольше снега, потому что я люблю, как блестит снег.

Мой добрый гном Снегин
Носит белый фрак,
Мой добрый гном Снегин
Любит свой колпак,
К тому же мой Снегин
Очень большой чудак.

Он носит снег в корзинах,
Берет его в витринах
Волшебных магазинов —
В корзинах снега много.

Усыпана дорога,
Засыпаны леса
И скирда овса,
Покрашены столбы,
Белены провода...
Мой добрый гном Снегин
Поможет мне всегда.

Нина СМЕРНОВА,
15 лет, г. Москва.

РАССКАЗ

К нам в класс прибыла девочка Марина. Анастасия Дмитриевна почему-то решила посадить ее со мной. Я сначала не хотел с ней сидеть, но когда узнал, что Марина с Урала, согласился. Это интересно! Марина расскажет мне про геологов; она, наверное, видела их.

Теперь на уроках я не отвлекался. Мне было стыдно: она может подумать, что я плохой.

Марина носила теплую вязаную шапочку, голубой свитер. Какая закаленная, ходит даже в большие морозы без пальто — и ей хоть бы что!

Я все выбирал минуту, когда спросить у нее про геологов, и однажды решился. В

перемену Марина стояла у доски. Я подошел к ней и спросил:

— Ты... ты геологов видела?

Марина засмеялась...

— Конечно, видела. Мой папа тоже геолог!

С этого дня началась наша дружба. У Марины не ладилось с алгеброй, и я ей помогал. Мы часто бывали у нас дома и у них. Мать у нее предобрая! А отца я не видел — он на Урале.

У Марины гораздо интереснее, чем у меня. Глобусы, компасы, карты... Это отцовское. А у самой Марины был чистый маленький изумрудный камешек и живой волчонок. Камешек Марина подарила мне.

Через год Марина опять уехала на Урал — к отцу. Она была мне хорошим другом. Сейчас я верчу в руках чистый изумрудный камешек и вспоминаю Марину.

Тамара ВЕРХОВЦЕВА,
11 лет, г. Котлас.

Ветер, ветер!

Разгоняй тучи!

Без них ведь все же

Гораздо лучше!

Солнышко, солнышко,

Хватит злиться.

Ну рассмеши же

Хмурые лица!

Гляди: вокруг так красиво!

Золотом землю

Осень покрыла!

Скорей же теперь

Принимайся за дело,

Сделай, чтоб золото это

Блестело!

Лена ГАБОВА,

14 лет, г. Сыктывкар.

РОДИНА

Я люблю кривую тропинку
Меж густой, высокой травы,
Крошки-зайчики с солнечной спинкой
Сверху скачут в нее из листвы.

Лес чудесный и непонятный,—
Весь травой и грибами зарос,
Сыроватый и темноватый,
Но пронизанный солнцем насквозь.

Городскую многоэтажность,
Запах пыли, шипенье шин,
Фонарей сухопарую важность
И пыхтенье прилежных машин.

Клен, который растет возле дома,
Скажет: «Здравствуй» — пять раз на дню.
И протянет старый знакомый
Дружелюбную пятерню.

Галя БУСИКОВА,
13 лет, г. Москва.

Утром

Не сбросил сад остатки сладкого сна
И дремлет, закутавшись в легкую дымную шаль,
Ту шаль соткала из тумана сама Весна:
Озябших акаций ей стало, наверно, жаль.

И, может быть, робкие раннего солнца лучи
С росой сверкающей в дивную ткань вплетены.
И свет голубой, что со мглой спорит в ночи,—
Подарок с рассветом в туман уходящей луны.

Все дремлет... Лишь дуб проснулся уже,
Поспешил поздороваться с городом славным
нашим,
Умылся росой, чтоб моложе стать и свежей,
А теперь растрепанной лапой веселому солнцу
машет:

Таня ПАВЛИКОВА,
14 лет, г. Запорожье.

Два Дерева

Желтые мазки на размытом небе...
Стволы изогнулись, застыли в параличе.
Мечтают о докторе бесплодно сучья
Черные на карагаче.
А рядом — тополь
Живой, могучий!
Солнце бьет в раскрытые листья.
К жизни, вверх!
Ни единого взгляда
Вниз... На тучи!
Жизнь и смерть.

Оля САФИР,
15 лет, г. Душанбе.

Вечер черные брови наспил.

С. Есенин.

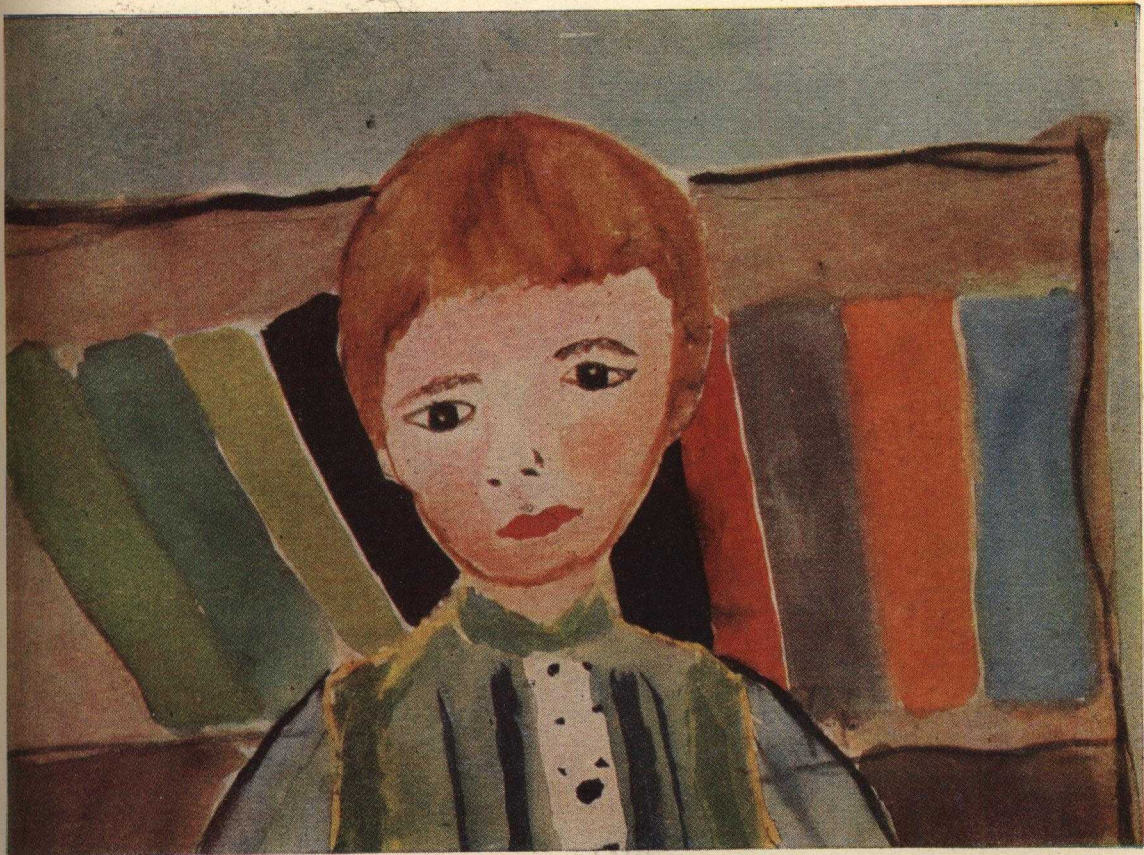
Заревела пурга над селом.
Тонет гуд проводов
в океане безбрежного ветра;
Бьется снежная мгла,
и не видно кругом
Ни домов, ни деревьев, ни света.
Я один,
я стою у окна.
В доме сумерки черные брови
нахмурили.
И шепчу я порой:
«Вой же, буря! Душа тишиною
больна;
Все на свете всегда
обновляется бурями».

Сергея ЗЯБЛИНЦЕВ,
14 лет, село Рожки,
Кировская область.

СКАЗКА.

Аня Фомина, 10 лет.

АВТОПОРТРЕТ.

Оля Фаустова, 6 лет.

ПОГРАНИЧНИК ОЧУР ДОЛААН.

Это — Памир. Таким его увидел и нарисовал художник Юрий Иванович Рогозин. В прошлом году он побывал тут, на афганской границе. Посмотрите «Утро в горах». Какие они громадные, высоченные, эти горы; человек среди них словно на дне бездонного колодца! Холод пробирает до костей. Но вот на снежных вершинах вспых-

НА ДОЗОРНОЙ ВЫШКЕ.

нуло солнце. Будто огненная лава с неба полилась. Будто грянули дружным хором могучие медные трубы. Горы, укрытые тенью, засветились лиловыми, желтыми, зелеными отблесками. А прошел час — все краски исчезли. Их потушило само солнце. От зноя, жгучих прямых лучей небо и горы становятся белесыми, серыми...

Полдня поднимался художник по скалам, чтобы нарисовать картину «Пяндж». Одна за другой открывались перед его глазами синие цепи гор. И он вспомнил полотна знаменитого русского живописца Рериха, его Гималаи. В них были тот же воздух, та же тишина! Воздух в горах такой, словно его и нет совсем, потому и краски ясные, чистые. Никого не было рядом с художником, кроме орлов, и лишь далеко внизу шумела река Пяндж. Близился вечер, цепи гор наливались синевой, и круглые пятнистые камни у ног напоминали затаившихся барсов...

Пограничная застава, где гостил Юрий Иванович, разместилась в старинной крепости. Посмотрите, как красиво и естественно «вписали» древние архитекторы это строение в горный пейзаж.

Очень полюбил художник молодых, добрых, веселых, отважных пограничников. Вот один из них дежурит на дозорной вышке. А вот портрет друга — пограничника-тувинца Очура Долаана. Он только что вернулся с ночного наряда и присел отдохнуть в тени у арыка. Вся застава гордится неутомимым Долааном. У него зоркий охотничий глаз, и если пограничник уходит в наряд, застава спокойна: на Долаана можно вполне положиться!

ЗАСТАВА.

УТРО В ГОРАХ.

ПЯНДЖ.

Бывает снайперская стрельба, бывает снайперское фотографирование. Вот перед вами снимки, попавшие в самый центр мишени, в «яблочко».

Посмотрите, как играют волки. словно два веселых щенка, катаются грозные звери по снегу, притворно рыча и кусаясь. Осторожно, не вразравду, смыкаются могучие челюсти, смертоносные клыки пязгают, не нанося ран.

А лиса? Фотовыстрел настиг ее в момент охоты. Она мышкует. Это не так просто — подслушать шорох мыши под снегом и в точном прыжке поймать ее. Долго надо мышковать рыжей охотнице, чтобы хоть «не досыта» наесться. Тяжело и ей достается зима.

А вот выдра. Она только что покинула ледяную воду. Из всех пойманных в объектив, пожалуй, она одна знает о присутствии фотоохотника: насторожилась, застыла на месте, не выпуская добычи. Возможно, эта рыба, так кстати оказавшаяся в полынье, была приманкой? Ну что ж! В снайперском деле хитрость нужна не меньше, чем сноровка, терпение и смелость.

В «яблочко»

АНАНСИ НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

Рисунки О. Зотова.

Эта сказка знакомит вас с одним из героев фольклора Западной Африки — ловкачом Ананси, умным, а иногда и глупым пройдохой. В сказках племени Ашанти Ананси — человек, в других — паук. В роли такого ловкача выступает иногда и кролик. В странах Нового Света Ананси существует под именем Ненси. И в Индии известна эта сказка и на Гаити. Узнаете ее теперь и вы.

На западе Африки, в деревне племени Ашанти, недалеко от опушки большого леса жил человек по имени Ананси. Знали его все на много миль вокруг, хотя он и не был ни великим охотником, ни знатным работником, ни знаменитым воином, отличался он только хитростью. Всегда старался обмануть людей и поживиться за их счет.

Все в деревне от мала до велика знали хитрость Ананси и довольно натерпелись от него. Поэтому Ананси приходилось всякий раз пускаться на новые выдумки, чтобы из ничего добыть себе хоть что-нибудь.

Однажды, когда сидел он около своей хижины, мимо проходил человек по имени Осанса.

— Вот что я придумал, — сказал ему Ананси. — Почему бы нам с тобой не поставить сети вместе? Мы б продали рыбу и разбогатели! Но Осанса хорошо знал Ананси и поэтому ответил:

— У меня сейчас всего много: и еды и зерна для продажи. Я и так богат! Почему бы тебе самому не пойти и не поставить сеть?

— Э! Тогда мне придется делать самому всю работу! — сказал Ананси. — Что мне сейчас нужно, так это найти товарища-дурака!

Осанса ушел. Через некоторое время проходил мимо другой человек, по имени Анени.

— Вот что я придумал! — сказал Ананси. — Почему бы нам с тобой не поставить сети? Мы продали б рыбу и разбогатели!

Анени отлично знал, с кем имеет дело, но сделал вид, будто раздумывает.

— Ты придумал неплохо! — сказал Анени. — Вдвоем можно наловить гораздо больше рыбы. Хорошо, пойдем!

Слух о том, что Ананси и Анени вместе идут ловить рыбу, быстро разошелся по деревне. Осанса встретил Анени на базаре и сказал ему:

— Слышали мы, что ты идешь с Ананси ловить рыбу. Разве ты не знаешь, что он обманет тебя? Он уже всем разболтал, что ищет товарища-дурака. А деньги за рыбу он получит сам!

— Не тревожься, друг мой Осанса, — сказал Анени.

На следующий день рано утром Ананси и Анени пошли в лес ру-

бить пальмовые ветки. Ананси ломал голову, как бы ему повести дело так, чтобы вся работа досталась Анени.

Когда они подошли к тому месту, где росли пальмы, Анени сказал:

— Мы ведь товарищи. Вот и давай поделим все поровну. Я буду срезать ветки, а ты уставай за меня.

— Дай мне подумать, — сказал Ананси. — Почему это я должен уставать за тебя?

— А как же? Когда люди вместе работают, кто-то должен уставать! — сказал Анени.

— А! Значит, ты меня за дурака считаешь?! — сказал Ананси. — Дай мне нож! Я буду срезать ветки, а ты уставай за меня!

И Ананси взял нож и стал срезать ветки с деревьев.

Каждый раз, как он ударял по ветке, Анени охал. Он устроился в тени и охал, а Ананси рубил ветки, трудясь до пота.

Наконец ветки были нарублены, и Ананси связал их в огромный пучок. Тогда Анени поднялся и, охая, сказал:

— Ананси, позволь мне отнести эту вязанку, а ты уставай за меня!

— О нет, мой друг Анени, — сказал Ананси. — Не такой я простофиля, как ты думаешь! Ветки я отнесу сам, а ты можешь уставать за меня!

Он взвалил связку себе на голову, и они отправились обратно в деревню. Всю дорогу Анени стонал и охал.

В деревне Анени сказал:

— Ананси, позволь мне сплести сети, а ты садись и уставай за меня!

— Нет-нет! — отвечал Ананси. — Делай, что делаешь!

Ананси плел сети так, что пот с него градом катился.

— Анени воображает, что он очень умный, — говорил он себе, — а сам вон как охает и стонет — прямо умирает от усталости.

Когда сети были готовы, Анени поднялся на ноги и сказал:

— Ананси, друг мой, теперь позволь мне отнести сети к воде, а ты можешь уставать за меня!

— О нет, — сказал Ананси. — Я их сам понесу, а ты уставай!

И они отправились к реке. Ананси нес сети, а Анени опять охал.

У реки Анени сказал:

— Теперь подожди минутку, Ананси! В этой реке водятся акулы. Кого-нибудь из нас они да укусят. Ты дай мне войти в воду и поставить сети, и если меня укусит акула, ты сможешь умереть за меня!

— Что-о-о-о?! — завопил Ананси. — Послушай! За кого ты меня принимаешь? Я поставлю сети!

На следующее утро они пошли проверять сети и нашли в них четыре рыбины.

— Ананси, здесь только четыре рыбы,— сказал Анени.— Возьми их себе. Завтра, может, попадется больше, и тогда я возьму свою долю!

— Ну за кого ты меня принимаешь?— рассердился Ананси.— Возьми эту рыбу себе, а я свою долю возьму завтра!

Анени взял рыбу, отнес ее в город и продал.

На следующий день, когда они вынули сети, Анени сказал:

— Посмотри, здесь только восемь рыб! Я очень рад, что сегодня твой черед брать рыбу, завтра мы поймаем вдвое больше!

— Ты хочешь,— сказал Ананси,— чтобы я взял рыбу сегодня? О нет, и эти рыбки твои!

И Анени взял восемь рыб, отнес их в город и продал.

На четвертый день они вынули из сетей рыбу и обнаружили, что сети в воде прогнили и прохудились.

— Сегодня, конечно, твой черед,— сказал Анени.— И я очень рад этому! Посмотри, сети прогнили и прохудились. Больше мы не можем ими пользоваться. Сейчас я скажу тебе, что мы сделаем,— ты отнесешь рыбу в город и продашь ее, а я возьму себе эти дырявые, гнилые сети и тоже продам! Такие сети стоят дорого!

— Гм... Погоди минутку,— сказал Ананси.— И чего ты так торопишься? Я сам возьму сети и продам их.

Ананси взвалил на голову сети и отправился в город. Анени последовал за ним, неся рыбу.

Анени продал рыбу, а Ананси долго слонялся по базару, громко, нараспев выкрикивая:

— А вот прогнившие рыбачьи сети! Продаю отличные дырявые сети!

Никто, конечно, и не думал покупать их. Горожане даже рассердились за то, что их считают глупцами, способными купить такую дрянь.

Слух о том, что Ананси продает дырявые рыбачьи сети, дошел и до самого вождя.

Он рассердился и послал гонца за Ананси.

— Ответь мне, Ананси, чем ты сейчас занят?— спросил гневно вождь.— Кого из жителей нашего города ты собираешься одурачить?

— Я продаю,— отвечал Ананси,— превосходные дырявые сети!

— Возьмите Ананси,— сказал вождь,— и накажите его!

Горожане схватили Ананси, вывели его за городские ворота и побили палками.

А когда они наконец отпустили его, Анени сказал ему:

— Ананси, тебе хотелось найти дурака, но далеко ходить не за чем. Ты сам и есть этот дурак!

— Да,— сказал Ананси, задумчиво потирая свою избитую спину.— Какой ты мне товарищ? Мог бы по крайней мере взять на себя мою боль, пока меня били!

Пересказала В. Диковская.

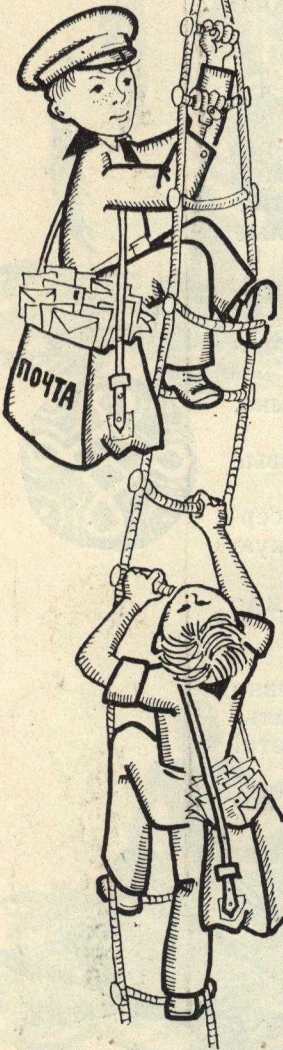
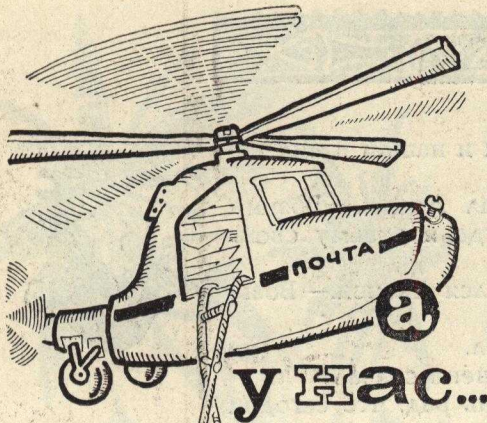
МЫ И МАЛЫШИ

Дорогой «Пионер»! Мы хотим поделиться с тобой нашей радостью. Мы давно мечтали стать вожатыми октябрят. И вот сегодня мы впервые пошли к нашим малышам.

Познакомились с октябрятами, а потом пошли на школьную спортплощадку и играли с ними в разные игры. Первый сбор у нас прошел хорошо. Наших малышей мы уже полюбили, и нам кажется, что они нас тоже.

С горячим пионерским приветом *Н. Шушпанова, Л. Ланцева, В. Майбах, Л. Броцман.*
Тулинский учхоз, г. Новосибирск.

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Знаете, каким я хочу видеть свой поселок через пятнадцать или хотя бы через двадцать — тридцать лет?

...Около нашего поселка нашли крупное нефтяное месторождение. Горки теперь не маленький поселочек, а новый, социалистический город. Построен нефтеперегонный завод и крупнейший в Западной Сибири рыбокомбинат. Изобретенные синтетические газы позволили навсегда избавиться от комаров и мошек. Комары остались только в музеях.

Газопровод Пур—Березово—Свердловск, проходящий через Горки, освободил жителей от многих хлопот. Теперь им не надо заготавливать дрова. Во всех квартирах тепло и чисто.

Все работы в городе и окрестностях автоматизированы. Вот, например, пригородный совхоз. Директор отправился в поле. По полю идет несколько картофелеуборочных комбайнов. Над ними неподвижно висит вер-

толет. Вдруг с грохотом промчалась колонна грузовиков. Машины, как по команде, развернулись, и каждая подошла к своему комбайну. Автоматически нагрузившись крупными клубнями картофеля, они стройным рядом пошли в город. И тут директор увидел, что ни в одной машине нет шофера. В комбайнах тоже нет людей.

Вертолет опустился неподалеку от директора. Из кабины выглянул молодой человек и, стараясь перекрыть рокот мотора, крикнул: «Говоришь директор, уборка картофеля продолжается сорок минут. Убрано уже тридцать пять гектаров. Через два часа работу кончим!» И человек скрылся в вертолете.

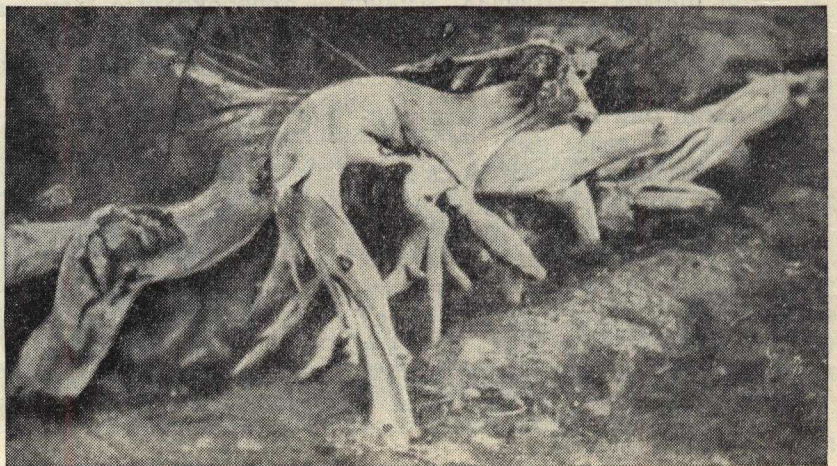
Мне хочется быть на месте человека, управляющего автоколонной с вертолета.

Шура Тиньку,
Поселок Горки,
Ямало-Ненецкий нац. округ.

В этом году я ездил на озеро Арахлей. Там сделал много снимков.

Этот «Дракон» найден на берегу Арахлея.

Толя Довнер,
г. Чита.

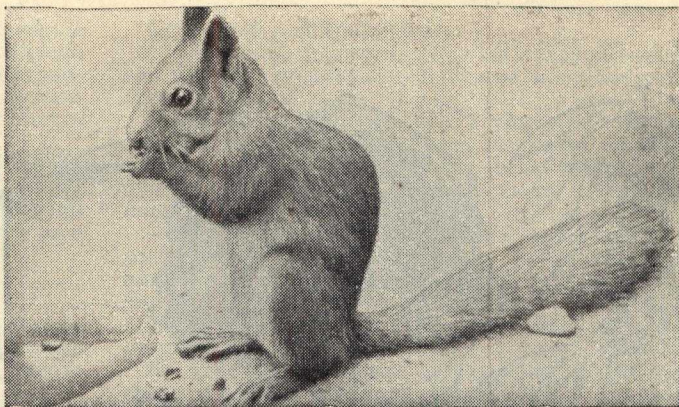

ОДНАЖДЫ С ФОТО- АППАРАТОМ

Однажды я сидел в лесу с фотоаппаратом. Вдруг раздалось цоканье. С дерева спустилась белка. Я бросил ей орехов. Пока она ела, я сфотографировал ее.

Щелк! Она испугалась и спряталась за ствол. Потом она спустилась снова и ела спокойно. Я ее сфотографировал еще несколько раз.

Саша Краев,
г. Новосибирск.

НЕОБЫЧАЙНЫЙ СЛУЧАЙ

Вечером Шарик играл мячиком, а наутро я не нашел мяча во дворе.

— Шарик, — сказал я, — опять ты куда-то подевал мячик! Не можешь играть по-человечески. И тебе не стыдно? А ну, веди меня туда, где бросил мячик!

Шарик посмотрел на меня и вдруг, к моему удивлению, повел меня к кустам. Я развел кусты руками и... увидел мячик. Правда, это был не тот мячик, но все-таки мяч! Как это Шарик мог догадаться? И я поцеловал его в нос.

Олег Павлов,
с. Писанец, Свердловская область.

ДЛИННОУХИЙ

На зимние каникулы мы с мамой поехали в деревню. Приехали мы к вечеру. Погода была плохая, дул сильный ветер. Бабушка напоила нас горячим чаем. Вдруг в дом кто-то постучался. Это вернулся дедушка с охоты. Он вошел и сказал:

— А ну, внучата, получайте от меня подарок!

И вынул из мешка живого зайца. Заяц был белый, а кончики ушей черные.

Мы дали ему морковку. Заяц принялся за еду, а мы стали думать, как его назвать. Я предложила назвать его Длинноухим. Всем имя понравилось. Мы попросили дедушку рассказать, как он поймал зайца. И он стал рассказывать:

— Иду я по лесу, а ветер сильный-сильный, так и завывает. Вижу кустик, а под кустиком заяц съежился. Ушки дрожат. Тут я его и взял...

Длинноухий прожил у нас три дня. А на четвертый день мы его отпустили. Он побежал в сторону родного леса.

Света Глазунова,
г. Горький.

ГЕРОЙСКИЙ ПОСТУПОК

Один раз у нас в классе была контрольная по алгебре. Задачи были легкие, мы их дома решали, и они были в наших домашних тетрадях.

Наш учитель математики Михаил Игоревич прохаживался по классу. Я видел, что Лешка Майоров с невозмутимым видом заглядывает под парту. На коленях у него лежала открытая тетрадка. Увидел это и Михаил Игоревич.

— Давай тетрады! — сказал он Лешке. — И выйди из класса. Я тебе двойку поставлю.

Лешка поплелся из класса.

Но тут начались такие события... Внезапно в коридоре послышался топот, шум, крики:

— Пожар! Пожар!

Я посмотрел в окно. Дым окутал весь школьный двор. Сначала я подумал, что горит школа, но горел небольшой одноэтажный дом. Лешка

Майоров бегал весь красный по двору и кричал, размахивая руками:

— Спасайте народное имущество!

Потом Лешка прибежал в класс и начал хвастаться:

— Во, видели, как я тушил пожар?

Бабка кричит: «Спасите! Помогите!»

Я стал ее спасать, помогать. И тут все прибежали и тоже стали спасать.

Я кричу: «Чего вы пришли? Я же первый увидел!» А они не слушают.

Тут приехала пожарная машина. Я

хотел залезть на крышу, а меня не пустили, бабка говорит:

«Вот спасибо тебе, внучек, я про тебя в газету напишу». Как вы думаете, напишет?

В газету про Лешку, конечно,

никто не написал, а по алгебре он получил двойку.

Лена Майорова,
г. Красный Луч,
Луганская область.

а
у вас?

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Рэй Дуглас Брэдбери — современный американский писатель; родился он в 1920 году. Его фантастические рассказы и повести известны во всем мире. Но есть у него и лирическая повесть, в которой он рассказывает о детстве двух братьев, Тома и Дугласа, а вернее, пожалуй, о своем собственном детстве. Называется эта повесть «Вино из одуванчиков»: там есть глава о том, как каждое лето ребята помогают деду готовить чудодейственное «вино» из этих простых, хорошо знакомых вам цветов. Из них выжимают горький сок, золотистый, как жаркий июльский полдень, а потом, морозной зимой, один глоток его лечит самую злую простуду, а один взгляд на него напоминает ребятам все, что они узнали нового и пережили за лето.

Брэдбери отлично понимает, что близко и нужно человеку, когда ему десять — четырнадцать лет от роду.

Наверно, и вам, ребята, будет интересно узнать, о чем думают герои Брэдбери, что их волнует, радует, пугает. Поэтому мы и печатаем несколько глав из его повести «Вино из одуванчиков».

Утро было тихое, город, окутанный тьмой, мирно нежился в постели. Пришло лето, и ветер был летний — теплое дыхание мира, неспешное и ленивое. Стоит лишь встать, высунуться в окошко, и тотчас поймешь: вот она начинается, настоящая свобода и жизнь, вот оно, первое утро лета.

Дуглас Сполдинг, двенадцати лет от роду, только что открыл глаза и, как в теплую речку, погрузился в предрассветную безмятежность. Он лежал в сводчатой комнатке на четвертом этаже — во всем городе не было башни выше, — и оттого, что он парил так высоко в воздухе вместе с июньским ветром, в нем рождалась чудодейственная сила. По почам, когда вязы, дубы и клены сливались в одно беспокойное море, Дуглас

окидывал его взглядом, что пронзал тьму, точно маяк. И сегодня...

— Вот здорово! — шепнул он.

Впереди целое лето, несчетное множество дней, чуть не полкалендаря. Он уже видел себя много-руким, как божество Шива из книжки про путешествия: только поспевай рвать еще зеленые яблоки, персики, черные, как ночь, сливы. Его не вытащишь из лесу, из кустов, из речки... А как приятно будет померзнуть, забравшись в заиндевевший ледник, как весело жариться в бабушкиной кухне заодно с тысячами цыплят!

А пока за дело!

Раз в неделю ему позволяли ночевать не в домике по соседству, где спали его родители и младший братишка, Том, а здесь, в дедовской

башне; он взбегал по темной винтовой лестнице на самый верх и ложился спать в этой обители кудесника, среди громов и видений, а спозаранку, когда даже молочник еще не звякал бутылками на улицах, он просыпался и приступал к заветному волшебству.

Стоя в темноте у открытого окна, он набрал полную грудь воздуха и изо всех сил дунул. Уличные фонари мигом погасли, точно свечки на черном именинном пироге. Дуглас дунул еще и еще, и в небе начали гаснуть звезды.

Дуглас улыбнулся. Ткнул пальцем.

Там и там. Теперь тут и вот тут...

В предутреннем тумане один за другим прорезались прямоугольники — в домах зажигались огни. Далеко-далеко, на рассветной земле вдур озарилась целая вереница окон.

— Всем зевнуть! Всем вставать!

Огромный дом внизу ожил.

— Дедушка, вынимай зубы из стакана! — Дуглас немного подождал. — Бабушка и прабабушка, жарьте олады!

Сквозняк пронес по всем коридорам теплый дух жареного теста, и во всех комнатах встрепнулись многочисленные тетки, дяди, двоюродные братья и сестры, что съехались сюда, в этот дом, погостить.

— Улица стариков, просыпайся! Мисс Элен Лумис, полковник Фрилей, миссис Бентли! Покашляйте, встаньте, проглотите свои таблетки, пошевеливайтесь! Мистер Джонас, запрягайте лошадей, выводите из сарая фургон, пора ехать за старьем!

По ту сторону оврага открыли свои драконы глаза угрюмые особняки. Скоро внизу появятся на электрической зеленой машине две старухи и

Распахнулись двери домов — люди вышли на улицу.

покатят по утренним улицам, приветственно махая каждой встречной собаке.

— Мистер Тридден, бегите в трамвайное депо!

И вскоре по узким руслам мощеных улиц поплывет трамвай, рассыпая вокруг жаркие синие искры.

— Джон Хаф, Чарли Вудмен, вы готовы? — шепнул Дуглас улице Детей. — Готовы? — спросил он у бейсбольных мячей, что мокли на росистых лужайках, у пустых веревочных качелей, что, скучая, свисали с деревьев.

— Мам, пап, Том, проснитесь!

Тихонько прозвенели будильники. Гулко пробили часы на здании суда. Точно сеть, заброшенная его рукой, с деревьев взметнулись птицы и запели. Дирижируя своим оркестром, Дуглас повелительно протянул руку к востоку.

И вззошло солнце.

Дуглас скрестил руки на груди и улыбнулся, как настоящий волшебник. «Вот то-то, — думал он, — только я приказал — и все повскакали, все забегали. Отличное будет лето».

И он напоследок оглядел город и щелкнул ему пальцами.

Распахнулись двери домов — люди вышли на улицу.

Лето тысяча девятьсот двадцать восьмого года началось.

* * *

В тот вечер Дуглас возвращался домой из кино вместе с родителями и братом Томом, и он их увидел в ярко освещенной витрине магазина, теннисные туфли. Дуглас поспешно отвел глаза, но его ноги уже ощутили прикосновение парусины, заскользили по воздуху — быстрее, быстрее! Земля завертелась, захлопали полотняные навесы над витринами, такой он поднял ветер, так он мчался... Родители и Том шагали, не топясь, а между ними, пятясь задом, шел Дуглас и не сводил глаз с теннисных туфель там, позади, в полуночной витрине.

— Хорошая была картина, — сказала мама.

— Ага, — буркнул Дуглас.

Стоял июнь, давно миновало то время, когда на лето покупают такие туфли, легкие и тихие, точно теплый дождь, что шуршит по тротуарам. Уже июнь, и земля полна первозданной силы, и все вокруг движется и растет. Трава и по сей день переливается сюда из лугов, омывает тротуары, подступает к домам. Кажется, город вот-вот черпнет бортом и покорно пойдет на дно, и в зеленом море трав не останется ни всплеска, ни ряби. Дуглас вдруг застыл, точно врос в мертвый асфальт и красный кирпич улицы, не в силах тронуться с места.

— Пап! — выпалил он. — Вон там, в окне, теннисные туфли...

Отец даже не обернулся.

— А зачем тебе новые туфли, скажи, пожалуйста? Можешь ты мне объяснить?

— Ну-у...

Да затем, что в них чувствуешь себя так, будто впервые в это лето скинул башмаки и побежал босиком по траве. Точно в зимнюю ночь вынул ноги из-под теплого одеяла и подставил ветру, что дышит холодом в открытое окно, и они стыннут, стыннут, а потом втягиваешь их обратно под одеяло, и они совсем как сосульки... В теннисных туфлях чувствуешь себя так, будто впервые в это лето бредешь босиком по ленивому ручью и в прозрачной воде видишь, как твои ноги ступают по дну, — будто они переломились и

движутся чуть впереди тебя, потому что в воде ведь все видится не так...

— Пап, — сказал Дуглас, — это очень трудно объяснить.

Люди, которые мастерят теннисные туфли, откуда-то знают, чего хотят мальчишки и что им нужно. Они кладут в подметки чудо-траву, и она делает дыхание легким, а под пятку — тугие пружины, а верх ткнут из трав, отбеленных и обожженных солнцем в просторах степей. А где-то глубоко в мягком чреве туфель запрятаны тонкие, упругие мышцы оленя. Люди, которые мастерят эти туфли, верно, видели множество ветров, проносящихся в листве деревьев, и сотни рек, что устремляются в озера. И все это было в туфлях, и все это было лето.

Дуглас попытался объяснить все отцу.

— Допустим, — сказал отец. — Но чем плохи твои прошлогодние туфли? Поройся в чулане, ты, конечно, найдешь их там.

Дугласу стало вдруг жалко мальчишек, которые живут в Калифорнии и ходят в теннисных туфлях круглый год; они ведь даже не знают, какое это чудо — сбросить с ног зиму, скинуть тяжеленные кожаные башмаки, полные снега и дождя, и с утра до ночи бегать, бегать босиком, а потом зашнуровать на себе впервые в это лето новенькие теннисные туфли, в которых бегать еще лучше, чем босиком. Но туфли непременно должны быть новые — в этом все дело. К первому сентября волшебство, наверно, исчезнет, но сейчас, в конце июня, оно еще действует всюю, и такие туфли все еще в силах помчать тебя над деревьями, над реками и домами. А если захочешь, они перенесут тебя через заборы, тротуары и упавшие деревья.

— Как же ты не понимаешь? — сказал Дуглас отцу. — Прошлогодние никак не годятся.

Ведь прошлогодние туфли уже мертвые внутри. Они хороши только одно лето, только когда их надеваешь впервые. Но к концу лета всегда оказывается, что на самом деле в них уже нельзя перескочить через реки, деревья или дома: они уже мертвые. А ведь сейчас опять настало новое лето, и, конечно, в новых туфлях он опять сможет делать все, что только пожелает.

Они поднялись на крыльцо и вошли в дом.

— Копи деньги, — посоветовал отец. — Месяца через полтора...

— Да ведь тогда лето кончится!

Погасили огонь, Том уснул, а Дуглас все смотрел на свои ноги. Они белели под лунным светом, далеко, в конце кровати, свободные наконец от тяжеленных башмаков: только теперь с них свалились эти гири — остатки зимы.

Надо придумать, почему нужны новые. Надо что-то придумать.

Ну, во-первых, всякий знает, что на холмах за городом полным-полно друзей. Они распугивают коров, предсказывают перемену погоды, с утра до ночи жарятся на солнце так, что кожа лупится, и они обдирают ее клочьями, словно листки календаря, и снова жарятся на солнце. Если хочешь их поймать, придется бегать быстрее всех белок и лисиц. А в городе полным-полно врагов, они злятся из-за жары и потому помнят все зимние споры и обиды. **Ищи друзей, расшвыривай врагов!** Вот девиз легких, как пух, волшебных туфель. Мир бежит слишком быстро? Хочешь его догнать? Хочешь быть проворней всех? Тогда заведи себе волшебные туфли! Туфли, легкие, как пух!

Дуглас встряхнул свою копилку — в ней чуть звякнуло. Она была почти пустая.

«Если тебе что-нибудь нужно, добивайся сам, — подумал он. — Ночью постараемся найти ту, заветную тропку...»

Огни внизу, в городе, гасли один за другим. В окно дунул ветер. Точно река течет, так и пошел бы с нею...

Во сне он слышал, как в теплой густой траве бежит, бежит, бежит кролик.

* * *

Старый мистер Сэндерсон двигался по своей обувной лавке, точно по какому-то питомнику, где в конурках собраны со всего света собаки и кошки всевозможных пород; и на ходу он ласково гладил своих любимцев. Мистер Сэндерсон погладил каждую пару башмаков и туфель, выставленных в витрине, и одни казались ему собаками, другие кошками; он касался их заботливой рукой — где поправит шнурки, где вытянет язычок. Потом остановился на самой середине ковра, покрывавшего пол лавки, огляделся вокруг и с удовлетворением кивнул.

Вдалеке, нарастая, загремел гром.

Миг — и в дверях появился Дуглас Сполдинг. Он смущенно глядел вниз, на свои кожаные башмаки, точно они были такие тяжелые, что их никак не оторвешь от асфальта. Он остановился в дверях — и гром тотчас умолк. И вот, мучительно медленно, держа на ладони все свои сбережения и не решаясь поднять глаза, Дуглас шагнул из яркого полуденного света в лавку. Он осторожно разложил столбиками на прилавке медали, монетки по десять и двадцать пять центов, словно шахматист, что ждет с тревогой, вознесет ли его следующий ход к вершинам торжества или погрузит в бездну отчаяния.

— Все ясно без слов, — сказал мистер Сэндерсон.

Дуглас замер.

— Во-первых, я знаю, что ты хочешь купить, — продолжал мистер Сэндерсон. — Во-вторых, я каждый день вижу тебя у моей витрины. Ты думаешь, я ничего не замечаю? Ошибаешься. В-третьих, тебе нужны, называя их полным именем, «легкие, как пух, мягкие, как масло, прохладные, как мята, теннисные туфли». В-четвертых, у тебя не хватает денег, и тебе нужен кредит.

— Нет! — крикнул Дуглас, тяжело дыша, точно он бежал во сне всю ночь без отдыха. — Не надо мне кредита, я придумал кое-что получше, — выдохнул он наконец. — Сейчас я объясню, только сперва, пожалуйста, скажите мне одну вещь, сэр, мистер Сэндерсон. Вы помните, когда вы сами в последний раз надевали такие туфли? Старик помрачнел.

— Ну, лет десять назад или двадцать, может быть, даже тридцать... Почему это тебя интересует?

— А вам не кажется, мистер Сэндерсон, что будет только честно по отношению к вашим покупателям, если вы хоть примерите теннисные туфли, которые продаете? Хоть на минутку, чтобы самому убедиться, каковы они на ноге? Если долго чего-нибудь не пробовать, поневоле забудешь, как это бывает. Ведь хозяин табачной лавочки курит, правда? И кондитер всегда, конечно, пробует свой товар. Вот я и думаю...

— Ты, верно, заметил: я тоже не босиком хожу, — сказал старик,

— Но не в теннисных туфлях, сэр! Как же вы их продаете, если не можете даже как следует их расхвалить? А как вам их расхваливать, если вы их толком и не знаете?

Дуглас говорил с таким жаром, что Сэндерсон даже попятился и в раздумье поскреб подбородок.

— Н-да-а, пожалуй...

— Мистер Сэндерсон, — сказал Дуглас. — Вы мне продайте одну вещь, а я тоже продам вам кое-что очень полезное.

— Но неужели для этой сделки необходимо, чтобы я надел пару теннисных туфель, дружок?

— Это было бы очень хорошо, сэр!

Старик вздохнул. Через минуту он уже сидел на стуле и, тяжело дыша, зашнуровывал на своих узких, длинных ногах теннисные туфли. Туфли казались чужими и неуместными рядом с темными обшлагами его пиджака. Наконец он встал.

— Ну, как вы себя в них чувствуете? — спросил мальчик.

— Как я себя чувствую? Отлично. — И старик хотел снова сесть на стул.

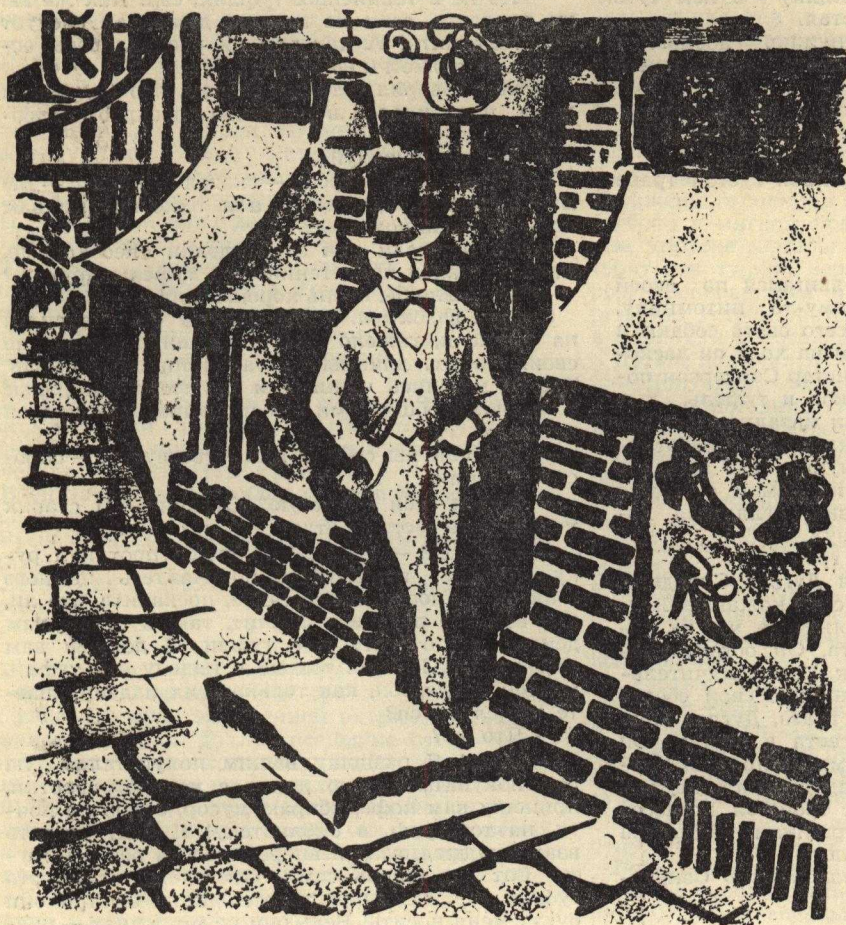
— Нет, нет! — Дуглас умоляюще протянул руку. — Теперь, пожалуйста, покачайтесь немного с пятки на носки, попрയാйте, поскачите, что ли, а я вам все доскажу. Значит, так: я отдаю вам деньги, вы отдаете мне туфли. Я должен вам еще доллар. Но как только я надену эти туфли, мистер Сэндерсон, как только я их надену, знаете, что случится?

— Что же?

— Хлоп! Я разношу вашим покупателям на дом покупки, таскаю для вас всякие свертки, приношу вам кофе, убираю мусор, бегаю на почту, на телеграф, в библиотеку! Я буду летать взад и вперед, взад и вперед, десять раз в минуту! Вот вы теперь сами чувствуете, какие это туфли, сэр, сами чувствуете, как быстро они будут меня носить! Ведь они на пружинах, — чувствуете? Они сами бегут! Обхватят ногу и уж не дадут никакого покоя, им совсем не нравится стоять на одном месте. Вот и я буду делать для вас все, что вам не захочется делать самому, да знаете, как быстро! Вы сидите спокойно у себя в лавке, в холодке, а я буду носиться за вас по всему городу. Но ведь, если по правде, — это буду не я, это все туфли! Возьмут и помчатся по улицам, как бешеные, раз-два — за угол, раз-два — обратно! Вот как!

Сэндерсона оглушило это красноречие. Поток слов захватил его и понес за собой; он поглубже засунул ноги в туфли, пошевелил пальцами, повертел ступней, вытянул ногу в подъеме. В открытую дверь задувал ветерок, и мистер Сэндерсон тихонько покачивался, подставляя ноги под его свежее дуновение. Туфли неслышно тонули в мягком ковре, точно в бархатной траве джунглей, во вспаханном черноземе или в размокшей глине. Старик с серьезным видом привстал на носки, оттолкнулся пятками, — словно от пышного теста, от податливой, мягкой земли. Все его ощущения отражались у него на лице, как будто быстро переключали разноцветные огни. Рот его приоткрылся. Он еще немного покачался на носках — все медленнее, медленнее, и наконец застыл; голос мальчика тоже умолк, и в глубокой, многозначительной тишине они стояли и смотрели в глаза друг другу.

По тротуару под жарким солнцем шли мимо лавки редкие прохожие.

Сэндерсон стоял в дверях, ослепленный солнцем, и прислушивался.

А старик и мальчик все стояли друг против друга, и лицо мальчика сияло, а старик, казалось, обдумывал некое неожиданное открытие. — Послушай, — сказал он наконец. — Не хочешь ли лет эдак через пять продавать у меня тут ботинки?

— Спасибо, мистер Сэндерсон, только я и сам еще не знаю, что стану делать, когда вырасту.

— Что захочешь, сынок, то и станешь делать, — сказал старик. — Ты своего добьешься. И никто тебя не удержит.

Он легким шагом подошел к стене, где стояло уж, наверно, десять тысяч коробок с обувью, и вернулся к прилавку с туфлями для Дугласа. Потом он писал что-то на листке бумаги, а Дуглас в это время надел туфли, завязал шнурки и теперь стоял и ждал.

Старик кончил писать и протянул ему листок.

— Вот тебе десяток поручений на сегодня. Когда все сделаешь, мы с тобой квиты, и ты получишь расчет.

— Спасибо, мистер Сэндерсон! — Дуглас кинулся прочь из лавки.

— Постой! — закричал старик.

Дуглас остановился и обернулся к нему.

— Ну, как туфли?

Дуглас поглядел на свои ноги. Они были уже далеко, на берегу реки, среди пшеничных полей, на ветру, что гнал из города. Потом вскинул голову и посмотрел на старика; глаза его горели, губы шевелились, но с них не слетело ни звука.

— Антилопы? — Старик перевел взгляд с лица на туфли. — Газели?

Дуглас подумал, помолчал в нерешительности и торопливо кивнул. И исчез. Шепнул что-то, круто повернулся и исчез. Дверь — настезь, на пороге. — никого. Шорох теннисных туфель растаял в тропическом зное.

Сэндерсон стоял в дверях, ослепленный солнцем, и прислушивался. С давних-давних пор, когда его еще одолевали мальчишеские мечты, он помнил этот звук. Под небом мелькали чудесные создания, скользили под деревьями и в кустах, убежали все дальше, и оставалось лишь еле слышное эхо...

— Антилопы, — повторил Сэндерсон. — Газели...

Он нагнулся и поднял с пола брошенные зимние башмаки Дугласа, отяжелевшие от уже забытых дождей и давно растаявших снегов. Потом отошел в тень, подальше от слепящих лучей солнца, и неторопливо, мягко и легко ступая, направился назад к цивилизации...

Старая миссис Бентли и сама не могла бы сказать, как все это началось. Она часто видела детей в бакалейной лавке; точно мошки или обезьянки, мелькали они среди кочанов капусты и связок бананов, и она улыбалась им, и они улыбались в ответ. Миссис Бентли видела, как они бегают зимой по снегу, оставляя на нем следы, как вдыхают осенний дым на улицах, а когда цветут яблони, стряхивают с плеч облака душистых лепестков, но она никогда их не боялась. Дом у нее в образцовом порядке, каждая мелочь на своем привычном месте, полы всегда чисто выметены, провизия аккуратно заготовлена впрок, шляпные булавки воткнуты в подушечки, а ящики комода в спальне доверху набиты всякой всячиной, что накопилась за долгие-долгие годы.

Миссис Бентли была женщина бережливая. У нее хранились старые билеты, театральные программы, обрывки кружев, шарфики, железнодорожные пересадочные билеты — словом, все приметы и свидетельства ее долгой жизни.

— У меня куча пластинок, — говорила она. — Вот Карузо. Это было в Нью-Йорке, в девятьсот шестнадцатом; мне тогда было шестьдесят, и Джон был еще жив. А вот Джон Мун — это, кажется, девятьсот двадцать четвертый год, Джон только что умер...

Вот это было, пожалуй, самым большим огорчением в ее жизни: то, что она больше всего любила слушать, видеть и ощущать, ей сохранить не удалось. Джон остался далеко в лугах, он лежит там в ящике, а ящик надежно спрятан под травами, а над ним написано число... И теперь ей ничего от него не осталось, только высокий шелковый цилиндр, трость да выходной костюм, что висит в гардеробе. А все остальное пожрала моль.

Но миссис Бентли сохранила все, что могла. Пять лет назад, когда она переехала в этот город, она привезла с собой огромные черные сундуки. Там, пересыпанные шариками нафталина, лежали смятые платья в розовых цветочках и хрустальные вазочки ее детства. Покойный муж владел всякого рода недвижимым имуществом в разных городах, и она передвигалась из одного города в другой, словно пожелтевшая от времени шахматная фигура из слоновой кости, продавая все подряд, пока не очутилась здесь, в чужом, незнакомом городишке, окруженная своими сундуками и темными уродливыми шкафами и креслами, застывшими по углам, будто давно вымершие звери в каком-то допотопном зоологическом саду.

Происшествие с детьми случилось в середине лета. Миссис Бентли вышла из дома полить дикий виноград у себя на парадном крыльце и увидела, что на лужайке преспокойно разлеглись две девочки и мальчик. Свежескошенная трава покалывала их голые руки и ноги, и это им явно нравилось.

Миссис Бентли благодушно улыбнулась всем своим желтым морщинистым лицом, и в эту минуту из-за угла появилась тележка с мороженым.

Точно оркестр крошечных эльфов, она вызванивала ледяные мелодии, острые и колючие, как звон хрустальных бокалов в умелых руках, созывая и маня к себе всех вокруг. Дети тотчас же сели, и все разом, словно подсолнухи к солнцу, повернули головы в сторону тележки.

— Хотите мороженого? — спросила миссис Бентли и окликнула: — Эй, сюда!

Тележка остановилась, звякнули монетки, и в руках у миссис Бентли очутились бруски душистого льда. Дети с полным ртом поблагодарили ее и принялись с любопытством разглядывать свою благотельницу от баншаков на пуговицах до седых волос.

— Дать вам немножко? — спросил мальчик.

— Нет, детка. Я уже старая, и мне ничуть не жарко. Я, наверно, не растаю даже в самый жаркий день, — засмеялась миссис Бентли.

Со сладкими сосульками в руках дети поднялись на тенистое крыльцо и уселись рядышком на ступеньку.

— Меня зовут Элис, — это Джейн, а это Том Сполдинг.

— Очень приятно. А я миссис Бентли. Когда-то меня звали Элен.

Дети в изумлении уставились на нее.

— Вы не верите, что меня звали Элен? — спросила миссис Бентли.

— А я не знал, что у старух бывает имя, — жмурясь от солнца, ответил Том.

Миссис Бентли сухо засмеялась.

— Он хочет сказать, старух не называют по имени, — пояснила Джейн.

— Когда тебе будет столько лет, сколько мне сейчас, детка, тебя тоже никто не станет называть «Джейн». Стариков всегда величают очень торжественно — только «мистер» или «миссис», не иначе. Люди помоложе не хотят называть старуху «Элен». Это звучит очень легкомысленно.

— А сколько вам лет? — спросила Элис.

— Ну, я помню даже птеродактиля, — улыбнулась миссис Бентли.

— Нет, правда, сколько?

— Семьдесят два.

Дети задумчиво пососали свои ледяные лакомства.

— Да-а, уж это старая так старая, — сказал Том.

— А ведь я чувствую себя так же, как тогда, когда была в вашем возрасте, — сказала миссис Бентли.

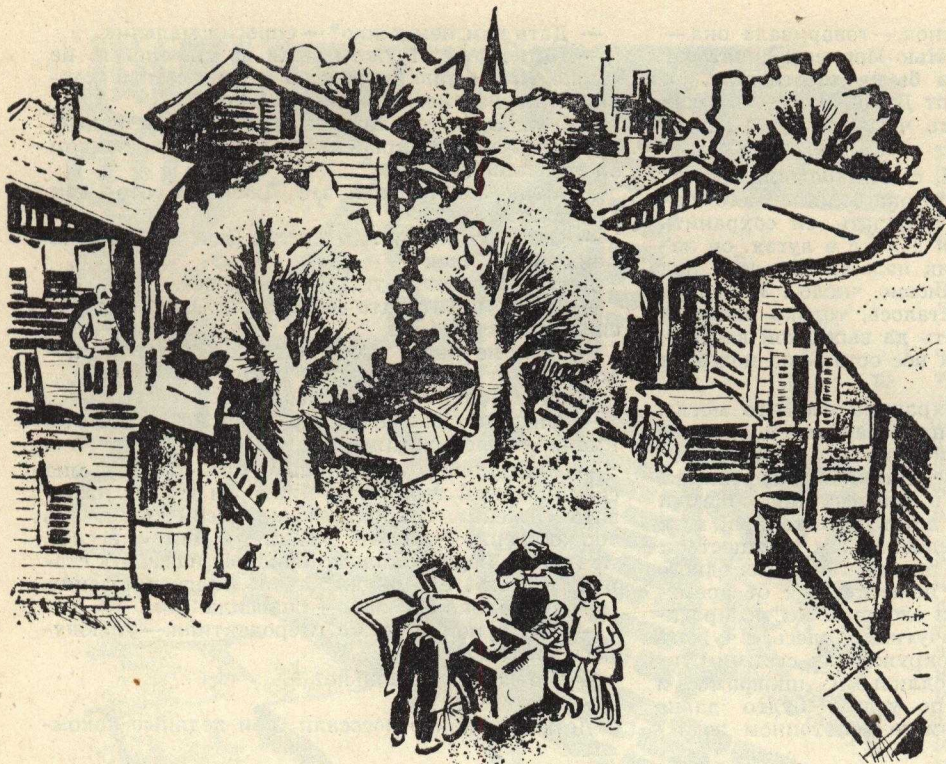
— В нашем?

— Конечно. Когда-то я была такой же хорошей девчуркой, как ты, Джейн, и ты, Элис. Дети молчали.

— В чем дело?

Дуглас кинулся прочь из лавки.

Тележка остановилась, звякнули монетки, и...

— Ни в чем.
 Джейн поднялась на ноги.
 — Как, вы уже уходите? Даже не доели мороженое... Что-нибудь случилось?
 — Мама всегда говорит, что врать нехорошо, — заметила Джейн.
 — Конечно, нехорошо. Очень плохо, — подтвердила миссис Бентли.
 — И слушать, когда врут, тоже нехорошо.
 — Кто же тебе соврал, Джейн?
 Джейн взглянула на миссис Бентли и смущенно отвела глаза.
 — Вы.
 — Я? — Миссис Бентли засмеялась и приложила сморщенную руку к тощей груди. — Про что же?
 — Про себя. Что вы были девочкой.
 Миссис Бентли выпрямилась и застыла.
 — Но я и правда была девочкой, такой же, как ты, только много лет назад.
 — Пойдем, Элис, Том, пошли.
 — Постойте, — сказала миссис Бентли. — Вы что, не верите мне?
 — Не знаю, — сказала Джейн. — Нет, не верим.
 — Но это просто смешно! Ведь ясно же: все когда-то были молодými!
 — Только не вы, — потупив глаза, чуть слышно шепнула Джейн, словно про себя. Ее палочка от мороженого упала в лужицу ванили на крыльце.
 — Ну, конечно, мне было и восемь, и девять, и десять лет, так же, как всем вам.

Девочки хихикнули, но, спохватившись, тотчас умолкли. Глаза миссис Бентли сверкнули.

— Ладно, не могу я целое утро без толку спорить с маленькими глупышками. Ясное дело, мне тоже когда-то было десять лет, и я была такая же глупая. Девочки засмеялись. Том смущенно поежился.

— Вы просто шутите, — все еще смеясь, сказала Джейн. — По правде, вам никогда не было десять лет, да?

— Ступайте домой! — вдруг крикнула миссис Бентли, ей стало невтерпех под их взглядами. — Нечего тут смеяться!

— И вас вовсе не зовут Элен?

— Разумеется, меня зовут Элен!

— До свидания! — сквозь смех крикнули девочки, убегая по лужайке. Том поплелся за ними. — Спасибо за мороженое!

— Я и в классы играла! — крикнула им вдогонку миссис Бентли, но их уже не было.

Весь день после этого миссис Бентли яростно громыхала чайниками и кастрюлями, с шумом готовила свой скудный обед и то и дело подходила к двери в надежде поймать этих дерзких дьяволят, — уж наверно, они бродят где-нибудь поблизости и смеются. Впрочем... если она и увидит их снова, что им сказать? Да и с какой стати они занимают ее мысли?

— Подумать только, — сказала миссис Бентли, обращаясь к изящной фарфоровой чашечке, расписанной букетиками роз. — В жизни еще никто не сомневался, что и я когда-то была девочкой. Это глупо и жестоко. Я ничуть не горюю, что я уже старая... почти не горюю. Но отнять у меня детство! Ну уж нет!

Ей казалось, дети бегут прочь под дуплистыми деревьями, унося в холодных пальцах ее юность, незримую, как воздух.

После ужина миссис Бентли, сама не зная зачем, с бессмысленным упорством наблюдала, как ее руки, точно пара призрачных перчаток на спиритическом сеансе, собирают в надушенный носовой платок некие необходимые предметы. Потом она вышла на крыльцо и простояла там не шевелясь добрых полчаса.

Наконец, внезапно, точно спугнутые ночные птицы, мимо пронеслись дети, но оклик миссис Бентли остановил их на лету.

— Что, миссис Бентли?

— Поднимитесь ко мне на крыльцо, — приказала она.

Девочки повиновались, поднялся и Том.

— Что, миссис Бентли?

Они старательно нажимали на слово «миссис», как будто это и было ее настоящее имя.

— Я хочу показать вам несколько очень дорогих мне вещей.

Миссис Бентли развернула надушенный узел и сперва заглянула в него сама, точно ожидала найти там нечто удивительное и для самой себя. Потом вынула маленькую круглую гребенку, на ней поблескивали фальшивые бриллиантки.

— Я носила ее в волосах, когда мне было девять лет, — объяснила она.

Джейн повертела гребенку в руке.

— Очень мило.

— Покажи-ка! — закричала Элис.

— А вот крохотное колечко, я носила его, когда мне было восемь лет, — продолжала миссис Бентли. — Видите, теперь оно не лезет мне на палец. Если посмотреть на свет, видна Пизанская башня, кажется, что она вот-вот упадет.

— Ну, покажи мне, Джейн!

Девочки передавали колечко друг другу, и наконец оно очутилось на пальце у Джейн.

— Смотрите, оно мне как раз! — воскликнула она.

— А мне — гребенка! — изумилась Элис.

Миссис Бентли вынула из платка несколько камешков.

— Вот, — сказала она. — Я в них играла, когда была маленькой.

Она подбросила камешки, и они упали на крыльцо причудливым созвездием.

— А теперь взгляните. — И старуха торжествующе подняла вверх раскрашенную фотографию, свой главный козырь. Фотография изображала миссис Бентли семи лет от роду, в желтом пышном, как бабочка, платье, с золотистыми кудрями, синими-пресиними глазами и пухлым ротином херувима.

— Что это за девочка? — спросила Джейн.

— Это я!

Элис и Джейн впились глазами в фотографию.

— Ни капельки не похоже, — просто сказала Джейн. — Кто хочешь может раздобыть себе такую карточку.

Они подняли головы и долго вглядывались в морщинистое лицо.

— А у вас есть еще карточки, миссис Бентли? — спросила Элис. — Какие-нибудь попозже? Когда вам было пятнадцать лет, и двадцать, и сорок, и пятьдесят?

И девочки торжествующе захихикали.

— Я вовсе не обязана ничего вам показывать, — сказала миссис Бентли.

— А мы вовсе не обязаны вам верить, — возразила Джейн.

— Но ведь эта фотография доказывает, что и я была девочкой!

— На ней какая-то другая девочка, вроде нас. Вы ее у кого-нибудь взяли.

— Я и замужем была!

— А где же мистер Бентли?

— Он давно умер. Если бы он был сейчас здесь, он бы рассказал вам, какая я была молоденькая и хорошенькая в двадцать два года.

— Но его здесь нету, и ничего он не может рассказать, и ничего это не доказывает.

— У меня есть брачное свидетельство.

— А может, вы его тоже у кого-нибудь взяли. Нет, вы найдите такого человека, чтоб сказал,

что видел вас много-много лет назад и вам было десять лет, вот тогда я поверю, что вы в самом деле были молодой... — И Джейн даже зажмурилась, уверенная в своей правоте.

— Тысячи людей видели меня в то время, но они уже умерли, дурочка, или больны, или живут в других городах. А в нашем городе я не знаю ни души, я ведь совсем недавно тут поселилась, и никто здесь не видел меня молодой.

— Ага, то-то! — И Джейн подмигнула Тому и Элис. — Никто не видел!

— Да погоди же! — Миссис Бентли схватила девочку за руку. — Таким вещам верят без всяких доказательств. Когда-нибудь вы будете такие же старые, как я. И вам тоже люди не станут верить. Они скажут: «Нет, эти старые вороны никогда не были ласточками, эти совы не могли быть иволгами, эти попугаи не были певчими дроздами». Да, да, придет день, и вы станете такими же, как я!

— Ну, нет, — ответили девочки. — Ведь правда, этого не может быть? — спрашивали они друг друга.

— Вот увидите, — сказала миссис Бентли.

А про себя думала: «Господи боже, дети есть дети, а старухи есть старухи, и между ними пропасть. Они не могут представить себе, как меняется человек, если не видели этого собственными глазами».

— Вот ты, — обратилась она к Джейн, — неужели ты не замечала, что твоя мама с годами меняется?

— Нет, — ответила Джейн. — Она всегда была такая, как теперь.

И это правда. Когда живешь все время рядом с людьми, они не меняются ни на йоту. Вы изумляетесь происшедшим в них переменам, только если растаетесь надолго, на годы. И миссис Бентли вдруг показалось, что она целых семьдесят два года мчалась в грохочущем черном поезде, и вот наконец поезд остановился у вокзала, и все кричат: «Ты ли это, Элен Бентли?!»

— Теперь мы, пожалуй, пойдем домой, — сказала Джейн. — Спасибо за колечко, оно мне в самый раз.

— Спасибо за гребенку, она очень красивая.

— Спасибо за карточку той девочки.

— Погодите! — закричала миссис Бентли им вслед (они уже сбежали по ступенькам). — Отдайте! Это все мое!

— Не надо, — попросил Том, догоняя девочек. — Отдайте.

— Нет, она все это украла. Это все вещи какой-то девочки, а она их просто украла... Спасибо! — еще раз крикнула Элис.

Миссис Бентли кричала, звала, но они исчезли, точно мотыльки в ночи.

— Простите, — сказал Том. Он снова стоял на лужайке и глядел на миссис Бентли. Потом и он ушел.

«Они унесли мое колечко, и мою гребенку, и фотографию, — думала миссис Бентли; она стояла на крыльце и вся дрожала. — И ничего не осталось, совсем ничего! Ведь это была часть моей жизни!»

Ночью, лежа среди своих сундуков и безделушек, она долгие часы не смыкала глаз. Она обводила взглядом тщательно сложенные в стопки лоскуты, игрушки и страусовые перья и горючила вслух:

— Да полно, мое ли все это?

Может быть, просто старуха пытается уверить себя, что и у нее было прошлое? В конце концов, что прошло, того больше нет и никогда не будет. Человек живет сегодня. Может, она и была когда-нибудь девочкой, но теперь это уже все равно. Детство миновало, и его больше не вернуть.

В комнату дохнул ночной ветер. Белая занавеска трепетала на темной трости, что стояла у стены рядом со всякой всячиной, копившейся долгие годы. Порыв ветра качнул трость, и она с негромким стуком упала прямо в пятно лунного света на полу. Сверкнул золотой набалдашник. Это была парадная трость ее покойного мужа. Казалось, он указывает ею сейчас на миссис Бентли, как это бывало, когда они — очень редко! — ссорились и он утешал ее своим мягким, печальным и рассудительным голосом.

— Дети правы, — сказал бы он ей. — Они у тебя ничего не украли, дорогая. Все это не принадлежит тебе. Оно принадлежало той, другой тебе, и это было так давно...

«Господи!» — подумала миссис Бентли. И тут — словно зашипел валик старинного фонографа под стальной иглой — она ясно услышала свой разговор с мужем. Мистер Бентли, такой подтянутый, даже немного чопорный, с розовой гвоздикой на безукоризненном лацкане, говорил ей:

— Дорогая, ты никак не можешь понять, что время не стоит на месте. Ты всегда хочешь оставаться такой, какой была прежде, а это невозможно: ведь сегодня ты уже не та. Ну зачем ты бережешь эти старые билеты и театральные программы? Ты потом будешь только огорчаться, глядя на них. Выкинь-ка их лучше вон.

Но миссис Бентли упрямо хранила все билеты и программы.

— Это не поможет, — говорил мистер Бентли, попивая свой чай. — Как бы ты ни старалась оставаться прежней, ты все равно будешь только такой, какая ты сейчас, сегодня. Время гипнотизирует людей. В девять лет человеку кажется, что ему всегда было девять и всегда так и будет девять. В тридцать он уверен, что всю жизнь оставался на этой прекрасной грани зрелости. А когда ему минет семьдесят, ему всегда и навсегда семьдесят. Человек живет в настоящем, будь то молодое настоящее или старое настоящее; но иного он никогда не увидит и не узнает.

Это был один из немногих и очень дружеских споров в их мирной семейной жизни. Джон никогда не одобрял ее склонность собирать памятки о прошлом.

— Будь тем, что ты есть, поставь крест на том, что ты была, — говорил он. — Старые билеты — обман. Беречь всякое старье — только пытаться обмануть себя.

Если бы он был жив сегодня, что бы он сказал?

— Ты бережешь коконы, из которых уже вылетела бабочка, — сказал бы он. — Старые корсеты, в которые ты уже никогда не влезешь. Зачем их беречь? Доказать, что ты была когда-то молода, невозможно. Фотографии? Нет, они лгут. Ведь ты уже не та, что на фотографиях.

— А письменные показания под присягой?

— Нет, дорогая, ведь ты не число, не чернила, не бумага. Ты не эти сундуки с тряпьем и пылью.

Ты только та, что здесь сейчас, сегодня, сегодняшняя ты.

Миссис Бентли кивнула. Ей стало легче дышать.

— Да, я понимаю... Понимаю...

Трость с золотым набалдашником поблескивала в лунных бликах на ковре.

— Утром я со всем этим покончу, — сказала миссис Бентли, обращаясь к трости. — Отныне я буду только тем, что я есть сегодня. Да, решено, так и будет.

И она уснула.

Утро настало зеленое, солнечное, в дверь уже осторожно стучались обе девочки.

— У вас есть еще что-нибудь для нас, миссис Бентли? Еще какие-нибудь вещи той девочки?

Миссис Бентли повела их из прихожей в библиотеку.

— Возьми вот это. — И она протянула Джейн платье, в котором когда-то, в пятнадцать лет, играла дочь мандарина. — И это и вот это. — Она отдала им калейдоскоп, увеличительное стекло. — Берите все, что хотите, — говорила миссис Бентли. — Книжки, коньки, куклы, все... Все это ваше.

— Наше?!

— Только ваше. И вот что: помогите мне в одном деле, я собираюсь развести на заднем дворе большой костер. Нужно вынуть все из сундуков и выбросить всякий хлам, пусть его забирает старьевщик. Все это уже не мое. Ничего нельзя сохранить навеки.

— Мы поможем, — сказали девочки.

Миссис Бентли повела их на задний двор. Она захватила коробку спичек, девочки несли по охапке всякой всячины.

И потом все лето обе девочки и Том часто сидели в ожидании на ступеньках крыльца миссис Бентли, как птицы на жердочке. А когда слышались серебряные колокольчики мороженщика, дверь отворялась и из дома выплывала миссис Бентли, погрузив руку в кошелек с серебряной застежкой, и целых полчаса они оставались на крыльце вместе, старуха и дети, и смеялись, и лед таял, и таяли шоколадные сосульки во рту. Теперь наконец они стали добрыми друзьями.

— Сколько вам лет, миссис Бентли?

— Семьдесят два.

— А сколько вам было пятьдесят лет назад?

— Семьдесят два.

— И вы никогда не были молодой и никогда не носили лент и вот таких платьев?

— Никогда.

— А как вас зовут?

— Миссис Бентли.

— И вы всю жизнь прожили в этом доме?

— Всю жизнь.

— И никогда не были хорошенькой?

— Никогда.

— Никогда-никогда, за тысячу миллионов лет?

В душевной тишине летнего полудня девочки пытливо склонялись к старой женщине и ждали ответа.

— Никогда, — отвечала миссис Бентли. — Никогда-никогда, за тысячу миллионов лет.

* * *

— Похоже, в городе полно машин, — сказал на бегу Дуглас. — У мистера Ауфмана машина счастья; у мисс Ферн и мисс Роберты зеленая машина. А у тебя что, Чарли?

И старуха достала фотографию, свой главный козырь.

— Машина времени,— пропыхтел Чарли Вудмен и обогнал Дугласа.— Вот честное-пречестное.

— И на ней можно съездить в прошлое и в будущее? — спросил Джон Хаф, легко обходя их обоих.

— Только в прошлое, нельзя же все сразу. Стоп, приехали.

Чарли Вудмен остановился у живой изгороди. Дуглас всмотрелся в старый дом.

— Да ведь тут живет полковник Фрилей! Ну уж нет, тут не будет никаких машин. Он, во-первых, никакой не изобретатель, а потом, если бы он изобрел, да не что-нибудь, а машину времени, мы бы давным-давно про это узнали.

Чарли и Джон на цыпочках поднялись по ступенькам крыльца. Дуглас только презрительно

фыркнул и покачал головой.

— Ну и не ходи, раз ты такой упрямый осел, — сказал Чарли. — Правильно, полковник Фрилей не изобрел машину времени, а только он тоже ее хозяин, и она всегда здесь. Мы просто дураки, что раньше ее не разглядели. Будь здоров, Дуглас Сполдинг, оставайся тут, тебе же хуже.

Чарли взял Джона под руку, точно вел даму, открыл затянутую сеткой дверь веранды и вошел.

Дверь не хлопнула. Дуглас придержал ее и молча последовал за друзьями.

Чарли прошел через всю веранду, постучал и открыл дверь в дом. Все трое, вытянув шеи, заглянули через длинную, темную переднюю в комнату, где свет был зеленоватый, тусклый и какой-то водянистый, точно в подводной пещере.

— Полковник Фрилей! Молчание.

— Он не очень-то хорошо слышит, — шепнул Чарли. — Он говорил: прямо входи и покричи погромче. Полковник!

Ничего. Только откуда-то сверху, крутясь, сыпалась пыль и оседала на винтовой лестнице. Потом из той подводной комнаты-пещеры донесся легкий шорох.

Мальчики осторожно прошли через прихожую и заглянули в комнату — там только всего и было, что старик да кресло. И чем-то они походили друг на друга: оба такие тощие и костлявые, что кажется, сразу видны все суставы и

сочленения, видно, где прикрепляются мышцы и сухожилия, а где — планки и шарниры. А еще в комнате были грубый дощатый пол, голые стены и потолок, и очень много тишины.

— Он совсем как мертвый, — прошептал Дуглас.

— Нет, это он придумывает, куда бы еще съездить попутешествовать, — негромко и очень гордо сказал Чарли. — Полковник!

Один из двух темных предметов в комнате шевельнулся — это и был полковник; он подслеповато поморгал, взгляделся и расплылся в широчайшей беззубой улыбке.

— Чарли!

— Полковник, это Дуглас и Джон, они пришли, чтобы...

— Рад вам, ребята. Садитесь, садитесь.

Мальчики неловко уселись на пол.

— Но где же... — начал было Дуглас. Чарли поспешно ткнул его локтем в бок.

— Ты о чем? — спросил полковник Фрилей.

— Он хотел сказать, где же толк, если мы сами будем говорить. — Чарли украдкой подмигнул Дугласу, потом улыбнулся полковнику. — Нам совсем нечего сказать, полковник. Лучше вы расскажите нам что-нибудь.

— Берегись, Чарли. Мы, старики, только и ждем случая поговорить. Только попроси — и пойдем трещать, будто старый ржавый лифт: захряхтел да и пополз вверх с этажа на этаж.

— Чин Лин-су, — словно невзначай сказал Чарли.

— Как? — переспросил полковник.

— Бостон, — подсказал Чарли. — Девятьсот десятый год.

Полковник Фрилей перевел дух и умолк.

Дуглас глядел на него во все глаза, изумленный и зачарованный. Джон Хаф и Чарли совсем оцепенели. Старик снова заговорил, он сидел неподвижно, точно каменный, только губы шевелились.

— «Готовься, целйся, пли!» — кричит Чин Лин-су. Трах! Гремит ружье. Трах! Чин Лин-су вскрикивает, шатается, падает, лицо залито кровью. Шум, гам, ад крошечный, все вскакивают на ноги. Что-то неладно с ружьем. Кто-то говорит: «Мертв». И верно. Мертв. Ужасно, ужасно... Никогда не забуду лицо, точно алая маска. Занавес быстро опускается; женщины плачут... Девятьсот десятый год... Бостон... Театр Варьетэ... Бедняга... Бедняга...

Полковник Фрилей медленно открывает глаза.

— Бог ты мой, полковник, — говорит Чарли. — Вот уж здорово, так здорово. А теперь хорошо бы про Поуни Билла.

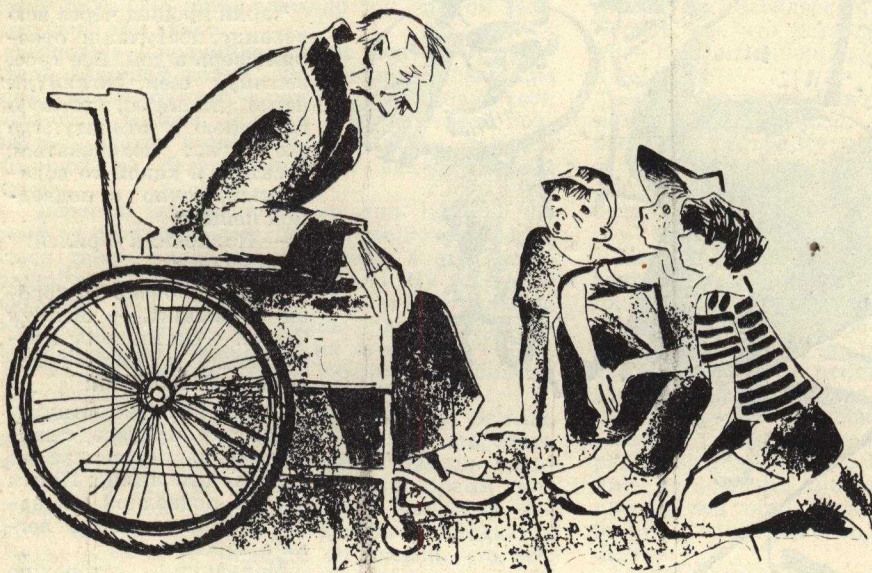
— Про Поуни Билла?

— Вы тогда еще были в прериях, давно, в восемьсот семьдесят...

— Поуни Билл. — Полковник ощупью двигался во тьме. — Тысяча восемьсот семьдесят пятый... Да, мы с Поуни Биллом ждем на пригорке, в самом сердце прерии. «Шш-ш», — говорит Поуни Билл. — Слушай!» Прерия — как огромная сцена, все готово, пора начинаться грозе. Раскат грома. Сначала глухой. Еще раскат. На этот раз ближе, громче. И во всю ширь прерии, насколько хватает глаз, надвигается злобная, бурая туча, полная черных молний, — стелется низко-низко, миль пятьдесят в ши-

рину, миль пятьдесят в длину, миль в высоту и всего на дюйм от земли. А я стою на пригорке и кричу: «Господи, помилуй!» Земля бьется, точно обезумевшее сердце, ребятки, точно сердце, охваченное ужасом. Я трясусь, как осиновый лист. Земля дрожит. «Трах-тарарах», — грохочет гром. Так и громыхает. О, как она гремела, эта гроза, и все надвигалась, наступала, и весь мир закрыла эта туча. «Это они!» — кричит Поуни Билл. И туча эта была не туча, а песок! Не пар, не дождь, нет, а песок, его взмело со всей прерии, с высохшей, жухлой травы, он был как мука самого тонкого помола, как цветочная пыльца, и так и сверкал на солнце, потому что теперь и солнце появилось в небе. Я опять как закричу... Отчего? Да оттого, что эту пыль будто адское пламя пронизало, будто занавес отдернули на свету, и тут я их увидел, клянусь вам, увидел своими глазами! То было великое войско древних прерий — бизоны и буйволы!

Полковник умолк. Когда тишина стала невыносимой, он продолжал:

Мальчики неловко уселись на пол.

— Бостон, девятьсот десятый... — Полковник нахмурился. — Ну да, конечно, Чин Лин-су!

— Да, сэр полковник Фрилей.

— Дайте-ка мне вспомнить... — Старик невнятно забормотал, голос его словно уносился вдаль, над безмятежными водами тихого озера... — Дайте-ка мне вспомнить...

Мальчики ждали.

Полковник глубоко вздохнул, еще помедлил...

— Первое октября десятого года, тихий прохладный осенний вечер, театр Варьетэ в Бостоне... Да, так оно и было. Народу битком, и все ждут. Оркестр, трубы, занавес! Чин Лин-су, великий восточный маг и чародей! Вот он, на сцене. А вот я, в середине первого ряда. Он кричит: «Фокус с пулей! Кто хочет попробовать?» Мой сосед встает и идет к сцене. «Осмотрите ружье», — говорит Чин Лин-су. — Теперь пометьте пулю. Вот так. Теперь стреляйте меченой пулей из этого самого ружья прямо мне в лицо, а я буду стоять на другом конце сцены и поймаю пулю зубами!»

— Головы — точно кулаки великана негра, туловища — как паровозы. Будто на западе выстрелили двадцать, пятьдесят, двести тысяч пушек, и снаряды сбились с пути и мчатся, рассыпая огненные искры, глаза у них точь-в-точь горящие угли, и вот сейчас они с грохотом канут в пустоту...

Пыль взметнулась к небу, смотрю: развеваются гривы, проносятся горбатые спины — целое море, черные косматые волны вздымаются и опадают... «Стреляй! — кричит Поуни Билл. — Стреляй!» Взвел я курок, прицелился, а он опять: «Стреляй!» А я стою и думаю — я ж сейчас как божья кара... и гляжу, а мимо бешеным потоком мчится яростная сила, точно полночь среди дня, точно нескончаемая похоронная процессия, черная и сверкающая, горестная и невозвратимая. А разве можно стрелять в похоронную процессию, как вы скажете, ребята? Разве это можно? В тот час я хотел только одного: чтобы песок снова скрыл от меня эти черные, грозные силуэты судьбы, как они сталкиваются и бьются друг о друга в диком смятении. И, представьте, ребята, пыль, и правда, осела и скрыла миллион копыт, которые подняли весь этот гром, вихрь и бурю. Поуни Билл выругался да как стукнет меня по руке! Но я был рад, что не тронул эту тучу, или силу, которая скрывалась в ней, ни единой крупинкой свинца. Так бы все и стоял и смотрел, как само время катит мимо на громадных колесах, под покровом бури, что подняли бизоны, и уносится вместе с ними в вечность.

Час, три, шесть часов прошло, пока буря не унеслась за горизонт к людям, не таким добрым, как я. Поуни Билл куда-то исчез, я остался один, я совсем оглох и словно окаменел. Потом пошел. Сто миль на юг шел до ближайшего города, и не слышал человеческих голосов, и рад был, что не слышу. Хотелось, чтоб в ушах еще звучал этот гром. Я и сейчас его слышу, особенно летом, вот в такие дни, как нынче, когда над озером степной стоит дождь... Устрашающий, ни на что не похожий грохот... Вот бы и вам когда-нибудь его услышать...

В полумраке большой нос полковника Фриля чуть просвечивал, словно белая фарфоровая чашка, в которую налили очень слабого и чуть теплого апельсинового чая.

— Он заснул? — спросил наконец Дуглас.

— Нет, — ответил Чарли. — Просто перезаряжает свои батареи.

Полковник дышал часто и неглубоко, как будто запыхался от долгого бега. Потом он открыл глаза.

— Да, сэр? — восторженно сказал Чарли.

— Здравствуй, Чарли! — И полковник недоуменно улыбнулся остальным ребятам.

— Это Дуглас, а вот это Джон, — сказал Чарли.

— Рад познакомиться, мальчики.

Мальчики поздоровались.

— Но где же... — начал снова Дуглас.

— Ох, и дурак же ты! — Чарли ткнул Дугласа в бок, потом повернулся к полковнику. — Вы говорили, сэр...

— Я что-то говорил? — пробормотал старик.

— Про войну Севера и Юга, — вполголоса под-сказал Джон Хаф. — Он ее помнит?

— Помню ли я гражданскую войну?! — встретился полковник. — Ну, еще бы! — Голос его задрожал, и он снова закрыл глаза. — Все, все помню, вот только... на чьей же стороне я сражался?

— А какого цвета у вас был мундир? — сказал Чарли.

— Цвета начинают путаться, — прошептал полковник. — Они тускнеют. Я вижу рядом солдат, но уже давно не помню, какие на них шинели и кепи — серые или синие. Я родился в штате Иллинойс, учился в Вирджинии, женился в Нью-Йорке, дом построил в Теннесси, а теперь, под конец жизни, слава богу, опять здесь, в Грин-Тауне. Теперь вы понимаете, почему у меня все цвета перепутались?

— Но ведь вы помните, по какую сторону гор дрались? — Чарли говорил совсем тихо. — Солнце вставало справа от вас или слева? Вы шли к Канаде или к Мексике?

— Иногда солнце вроде бы вставало со стороны моей здоровой руки, правой, а иногда из-за левого плеча. И шли мы то туда, то сюда. Тому теперь уж лет семьдесят. За такой долгий срок не мудрено и позабыть, с какой стороны всходило солнце.

— Ну, а победы вы какие-нибудь помните? Выиграла же вы хоть какое-нибудь сражение?

— Нет, не припомню, — словно откуда-то изда-лека прозвучал голос старого полковника. — Никто никогда ничего не выигрывает. В войне вообще не выигрывают, Чарли: все только и делают, что проигрывают, и кто проигрывает последним, — просит мира. Я помню лишь вечные проигрыши, поражение и горечь, а хорошо было только одно — когда все кончилось. Вот конец — это, можно сказать, выигрыш, Чарльз, но тут уж пушки ни при чем. Хотя вы-то, конечно, не про такие победы хотели услышать, правда?

— Антайтем, — сказал Джон Хаф. — Спроси его про Антайтем.

— Я там был.

У мальчиков заблестели глаза.

— Булл Ран, спроси его про Булл Ран...

— Я там был, — очень тихо сказал полковник.

— А как насчет Шайло?

— Я всю жизнь его вспоминаю и говорю себе: стыд и срам, что такое красивое название сохранилось только в старой военной хронике.

— Ну, значит, про Шайло. А форт Самтер?

— Я видел там первые клубы порохового дыма, — мечтательно сказал полковник. — Многое приходит на память, очень многое... Помню песни: «На Потомаке нынче тихо, солдаты мирно спят; под осеннею луною палатки их блестят...» Помню, помню и дальше: «На Потомаке нынче тихо, лишь плещет волна; часовым убитым не встать ото сна...» А когда они капитулировали, мистер Линкольн вышел на балкон Белого дома и попросил оркестр сыграть «Будьте на страже...». По ночам я и сам не знаю, отчего начинаю шевелить губами и пою про себя: «Слава вам, слава, воины Дикси! Стойте на страже родных побережий...» и «Когда герои наши с победой возвратятся, их увенчают лавры, их встретит гром оваций...» Сколько песен! Их пели обе стороны, ночной ветер относил их то на юг, то на север... «Мы идем, отец наш, Авраам, триста тысяч воинов идут». «Станем лагерем, ребята, разобьем палатки...» «Ура, ура, несем свободы знамя...»

Голос старого вояки постепенно затих.

Мальчики долго не шевелились. Потом Чарли повернулся к Дугласу и спросил:

— Ну что, да или нет?

Дуглас два раза шумно вздохнул и ответил:

— Конечно, да.

Полковник открыл глаза.

— Что «да»? — спросил он.
— Конечно, вы — машина времени, — пробормотал Дуглас.

Полковник долго смотрел на мальчиков. Потом спросил, почти со страхом:

— Так вот как вы меня называете?

— Да, так, сэр.

— Да, сэр.

Полковник медленно откинулся на спинку кресла, посмотрел на мальчиков, потом на свои руки, потом уставился поверх мальчишечьих голов на пустую стену.

Чарли встал.

— Пожалуй, нам пора. Всего хорошего, полковник, спасибо вам.

— Что? Да, всего хорошего, ребята.

Дуглас, Джон и Чарли на цыпочках направились к двери.

Они прошли мимо полковника, прямо перед ним, но он их словно и не видел.

Когда они вышли на улицу, из окна второго этажа раздалось:

— Эй!

Все трое вздрогнули и задрали головы.

— Да, сэр?

Полковник высунулся из окна и помахал им рукой:

— Я думал о том, что вы мне сказали, ребята.

— Да, сэр?

— Вы совершенно правы! Как это мне самому не пришло в голову? Машина времени, право слово, ну, конечно, машина времени!

— Да, сэр.

— Всего доброго, мальчики. Приходите, когда вздумается, в любое время.

В конце улицы они обернулись — полковник все еще махал им рукой из окна. Они помахали ему в ответ, всем троим стало как-то тепло и приятно. Потом пошли дальше.

— Пф-ф, пфф-ф, — запыхтел Джон. — Сейчас уеду в прошлое, за двенадцать лет. Ду-у-у-у! Пффф, пффф!

— Ага, верно, — сказал Чарли, оглядываясь на тихий дом. — А вот за сто лет не уедешь.

— Да, за сто не могу, — задумчиво согласился Джон. — Вот это было бы путешествие! Вот это машина!

С минуту они шагали в молчании, глядя себе под ноги. Потом перед ними оказался забор.

— Кто перепрыгнет последним, тот девчонка, — сказал Дуглас. И всю остальную дорогу домой они называли Дугласа «Дора».

* * *

Том проснулся далеко за полночь и увидел, что Дуглас поспешно пишет что-то в своем блокноте при свете карманного фонарика.

— Дуг, что случилось?

— Как что? Все случилось! Я подсчитываю свои удачи, Том. Вот смотри: машина счастья не получилась, так? Но мне наплевать, у меня все равно целый год уже расписан. Если надо побегать по главным улицам Грин-Тауна, чтобы поглядеть вокруг и посмотреть, что делается в мире, у меня есть трамвай. А если надо покрутиться где-нибудь по окраинам, стучусь к мисс Роберте и мисс Ферн, они заряжают батареи своего электрического автомобильчика и — поехали! Надо побегать по проулкам или перепрыгнуть через забор и посмотреть, что там делается, за заборами, за домами, за садами, — пожалуйста, на то есть новехонькие теннисные туфли. Значит, так:

туфли, зеленый автомобильчик и трамвай. Чего мне еще надо? Но и это не все, Том. Слушай: я хочу пробраться в такое место, куда никому другому не пробраться, никто до этого и не додумается. Если я отправлюсь в тысяча восемьсот девяностый год, потом перескочу в тысяча восемьсот семьдесят пятый, а потом в тысяча восемьсот шестидесятый, я как раз поспею на экспресс полковника Фрилея! Вот, слушай, что я про это пишу: «Может быть, старики никогда не были детьми, хоть миссис Бентли и спорит, но маленькие они были или большие, а кто-нибудь из них наверняка стоял у Аппоматокса летом тысяча восемьсот шестьдесят пятого года. И у таких зрение, как у индейцев, и они видят назад много дальше, чем мы с тобой когда-нибудь увидим вперед.

— Звучит здорово, Дуг. А что это значит?

Дуглас продолжал писать.

— Это значит, что они настоящие путешественники, нам с тобой нипочем с ними не сравняться. Если уж очень повезет, мы сможем путешествовать лет сорок, ну, пятьдесят, а для них это пара пустяков. Вот кто ездит девяносто лет, девяносто пять, сотню, тот самый настоящий путешественник.

Фонарик мигнул и погас.

Братья тихо лежали в лунном свете.

— Том, — шепнул Дуглас. — Мне непременно надо испробовать все эти пути. Увидать все, что только можно. Но главное, мне надо навещать полковника Фрилея хоть раз в неделю, а может, и два или три раза. Он лучше всех других машин. Он говорит, а ты знай слушай. И чем больше он говорит, тем больше хочется присмотреться ко всему, что есть вокруг, и все-все разглядеть, все, что можно. Он говорит: ты, мол, едешь в таком, особенном, необыкновенном поезде, — и верно, так оно и есть! Он и сам в нем ездил и все знает. А теперь мы с тобой едем по той же дороге, только еще дальше, и надо столько всего увидеть, и понюхать, и потрогать! Вот и нужно, чтобы полковник Фрилей нас подтолкнул и сказал: мол, глядите в оба, запоминайте все-все, каждую секунду! Помнить надо все, что только есть на свете. А потом когда-нибудь сам будешь старым-старым, и к тебе придут ребята, и ты им тоже сможешь, как полковник нам помогает. Вот как оно получается, Том, и мне надо побольше его слушать и почаще пускаться с ним в самые дальние путешествия.

Том помолчал. В темноте он старался разглядеть лицо брата. Потом спросил:

— Дальние путешествия? Ты это сам придумал?

— Может, да, может, и нет.

— Дальние путешествия, — прошептал Том.

— Одно я точно знаю, — сказал Дуглас, закрывая глаза. — От этого почему-то тоска берет, как-то одиноко становится.

Перевела с английского
Э. Кабелевская.

Окончание
в следующем
номере

Запомните этот значок. Вы будете теперь часто встречать его в «Пионере», и каждый раз пойдет новый рассказ об интересном: об умных машинах, о военной технике, о современных военных специальностях, о нашей армии.

Отдел ведет подполковник Н. Васильев.

ЗА ШТУРВАЛОМ СВЕРХЗВУКОВОГО

Фото Г. ТОВСУХИ

Каждому ясно, что не случайно авиацию называют колыбелью космонавтики. Все наши летчики-космонавты учились мастерству в летных школах, а когда готовились к космическим полетам, самолеты были их учебными лабораториями. И сейчас, когда уже проложены заатмосферные маршруты, летчики-космонавты продолжают «земные» полеты, осваивают новейшие машины, совершенствуют свои летные качества. Космонавт-2, Герман Степанович Титов, совершил недавно серию учебных полетов на сверхзвуковом истребителе-ракетоносце. Об одном дне полетов космонавта рассказывает подполковник О. А. НАЗАРОВ, журналист и военный штурман.

В тот день мне тоже предстояло летать, и я приехал на аэродром рано утром. Герман Степанович был уже там.

Из окна «высотного домика», где идет последняя подготовка к полету, я смотрю на стоянку самолетов. Несмотря на ранний час, на аэродроме оживление. Механики и техники готовят самолеты к вылету: заправляют

Перед полетом. Г. С. Титов в высотном костюме.

их сжатым воздухом, горючим, маслом. Проверяют еще раз показания приборов. Вот к одному самолету подходит Титов в летном костюме, с гермошлемом в руке. Здоровается с инструктором Виталием Габой и техником Виктором Матисоном — с теми, кто готовил его машину к полету. Вскоре около космонавта собирается несколько человек. Слов не слышно, но видны улыбающиеся лица. Я знаю, что так бывает всегда: где Титов — там шутки и смех.

Но вот Герман Степанович подошел к самолету. Конец разговору, начинается дело. Летчик-космонавт приступил к предполетному осмотру самолета.

Мне хорошо видно, как Титов не спеша, последовательно оглядывает фюзеляж и крылья самолета, антенны, шасси, проверяет пневматику колес, амортизационные стойки, воздухозаборник. Убедился, что закрыты все

лючки, не подтекает топливо и масло, сняты чехлы и заглушки. Осмотрел парашют. Только после этого забрался в кабину. Теперь я его почти не вижу, но знаю: начал предполетный тренаж — внимательно глядя на приборы, тумблеры и кнопки, он мысленно представляет свои действия во время полета и в первую очередь при взлете. Как говорят в авиации, летчик «обживает» кабину перед полетом, настраивается на выполнение задания, предварительно как бы выполняет его в уме.

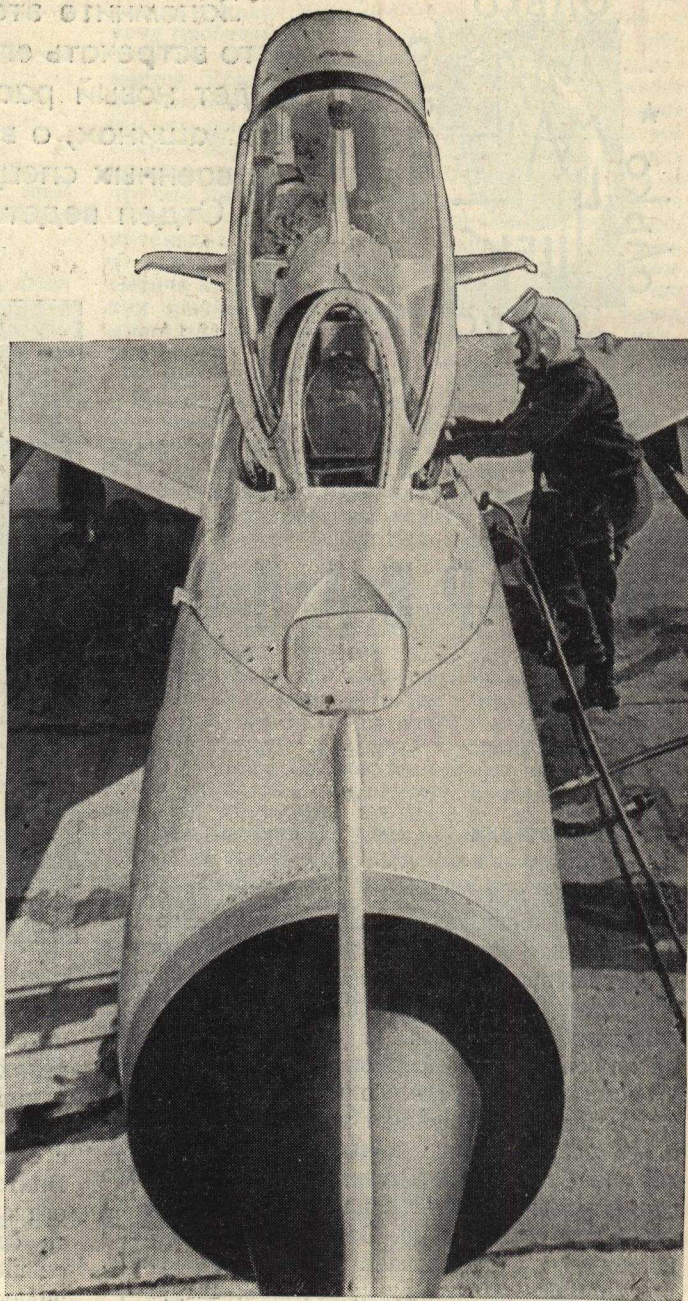
Когда я вышел из «высотного домика», самолет, которым управлял Титов, рулил к старту. Я не спешил: мой полет на «спарке», двухместном самолете, в первой кабине которого находится инструктор, был намечен не в первую очередь. Титову предстояло лететь на одноместном истребителе.

Вот его самолет остановился у края взлетной полосы и сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее начал набирать скорость. Небольшой разбег — и круто, почти вертикально машина пошла в небо. Серебристая строчка перечеркнула голубой небосвод, и вот уже самолет исчез из глаз, как будто растворился на громадной высоте.

Вскоре на командном пункте был принят доклад Титова о выполнении полетного задания...

Мы взлетели, когда Титов выполнял второй полет. Подошли близко к зоне, где летчик-космонавт отрабатывал технику пилотирования. Вот и его самолет. Смотрим, как он разгоняется в воздухе и резко устремляется вверх. Все круче и круче вверх, и вот он уже идет совершенно вертикально! Заваливается назад, летит вверх колесами, описывая окружность и замыкая ее, устремляется к земле. Это знаменитая «петля Нестерова». Титов выполняет ее на сверхзвуковом истребителе...

С колоссальной скоростью машина завершает «петлю», выравнивается и снова летит горизонтально. Красиво, чисто пилотирует Титов, так, что забываешь, как это нелегко. Ведь самолет летит с большой скоростью, и летчик, выполняя фигуры высшего пилотажа, испытывает тяжелейшие перегрузки. Особенно велики перегрузки, когда самолет наби-

Герман Степанович занимает место в кабине.

рает высоту или выходит из пикирования. В эти моменты они возрастают в пять-шесть раз. Это значит, что вес летчика (примерно семьдесят килограммов) внезапно увеличивается до трехсот пятидесяти — четырехсот двадцати килограммов! Как будто свинцом наливаются руки и ноги, страшная тяжесть пригибает голову, сдавливает все тело так.

что темнеет в глазах. Только тренировки на особых снарядах помогают летчикам переносить в полете такие перегрузки и не терять способности работать.

А тем временем самолет Титова, закончив одну «петлю», идет на вторую, потом делает «бочку», когда земля, кажется, уходит куда-то в сторону, исчезает, а небо оказывается под ногами.

Но вот закончен каскад фигур высшего пилотажа. Самолет идет на посадку. Герман Степанович направляется к «высотному домику». Недолгий отдых — и машина Титова снова уходит в небо.

Первые минуты после полета.

Вечером я пришел к Герману Степановичу по своим журналистским делам. Позади был трудный день, но Титов, как обычно, приветлив и внимателен.

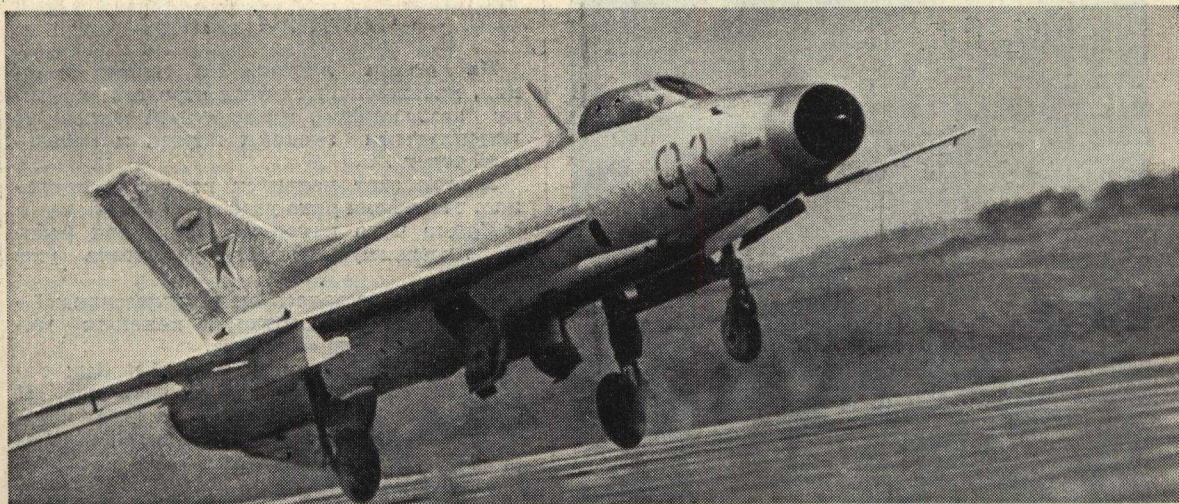
Заговорили мы, конечно, и о сегодняшних полетах.

— Как новая машина, Герман Степанович? Раньше не приходилось на таких летать?

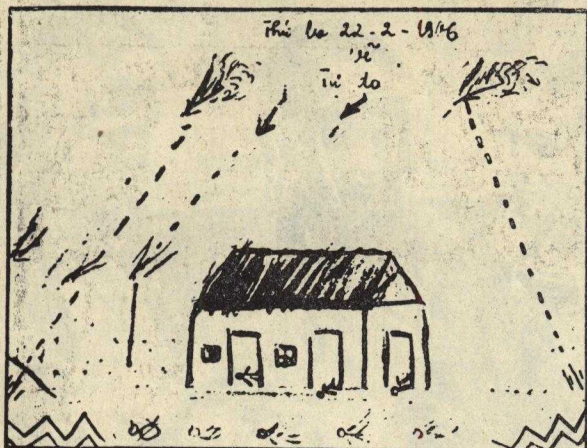
— Пришлось, конечно, переучиваться. Я уже летал на истребителях, похожих на эти машины, но у этого самолета новой конструкции и скорость и высота гораздо боль-

ше. Сначала летал с инструктором, вот теперь летаю один. Скорости у современного истребителя большие — на земле ни на одном приборе таких скоростей не испытать. И поднимает тебя такой самолет на большие высоты.

Титов сказал это спокойно, уверенно. Чувствовалось, что труднейшие полеты на стремительном и мощном истребителе-ракетоносце приносят ему огромное удовлетворение: умная и сложная боевая машина послушна ему в воздухе...

Обычный летный день. Машина Титова снова пошла в небо.

Бомбы!

Во всем мире дети рисуют цветы, кораблики, звезд, веселых человечков. А этот вьетнамский мальчик нарисовал воздушный налет. С неба пикируют американские самолеты. На порогах домика, на траве лежат убитые дети.

Разрывы бомб, пожары, смерть — это вьетнамские ребята видят каждый день. Часто вот так, из траншеи убежища, следят они за бомбардировщиками врага. А кругом дым и грохот, пронзительный вой сирен...

- КАПКАНЫ БОЛЬШОГО ОХОТНИКА ● СИНИЕ СТРЕЛЫ ● ВЕСТИ С ОСТРОВА КУБА
- НОВОСТИ С ТЕЛЕТАЙПНОЙ ЛЕНТЫ

СОЛЧАК — БОЛЬШОЙ ОХОТНИК

Солчак Огжимайдан живет в небольшом селе на севере Монголии. Ему всего двенадцать лет, но односельчане называют его большим охотником.

На птицеферме случилась беда: ночью пробралась в курятник лисица и передушила несколько десятков кур... Через два дня рыжая разбойница повторила налет. Работники фермы устроили засаду, вооружившись винтовками, залегли возле фермы, но лиса перехитрила их: забралась в курятник с другой стороны...

И тогда Солчак пришел к бригадиру и сказал:

— Поручите мне, я быстро прочую воровку...

— Как же ты это сделаешь? — спросил бригадир. — У тебя нет ружья, и я не могу доверить его тебе.

— Обойдусь и без ружья, — ответил Солчак. После уроков Солчак отправился в школьную мастерскую и до позднего вечера не выходил из нее.

Ночью Солчак с помощью приятеля Ойфы расставил вокруг фермы самодельные капканы. И в них попали шесть лис и даже волк...

С тех пор никто не тревожит обитателей птицефермы, а находчивого Солчака жители села зовут большим охотником.

СИНИЕ СТРЕЛЫ

На стенке листок. На листке молния, пронзающая синими стрелами крышку замызанной, испещренной какими-то непонятными знаками парты, и небольшой текст...

Листок этот появился на стене школьного вестибюля рано утром.

Прямо чудо какое-то! Не успели ребята перешагнуть порог — у листка уже толпа.

— Ох, и досталось восьмиклассникам! — восторженно комментирует какой-то малыш содержание «молнии».

Восьмиклассникам не по себе. Они торопятся укрыться за дверью класса. И здесь уже дружно наседают на совет своего отряда. Жаркий идет разговор. Наспоровшись, ребята решают:

— Будем работать!

В таком случае принято говорить: критика подействовала. Что ж, верно! Прошло несколько недель — и не узнать восьмиклассников: столько дел затеяли...

А «молния» продолжает свой путь по дружине. Чуть заметит какой непорядок, тут же «пронзает» виновных.

И самое любопытное, что учителя не знают, кто же из ребят выпускает эти будоражащие школу листки. Говорят, что существует такая команда «Молния и синие стрелы». Но кто входит в нее, неизвестно...

Впрочем, если вам доведется побывать когда-нибудь в Софии, в дружине «Никола Вапцаров», ребята раскроют вам тайну, и вы поймете, что команда «Молния и синие стрелы» — это почти вся дружина!

МАРИО — ЧЕЛОВЕК СЧАСТЛИВЫЙ

Познакомьтесь: этот веселый человек с хитрющими глазами — Марио де лос Одос. Он живет в Гаване и учится в гаванской школе имени Артуро Монтори.

Надо сразу сказать — это очень счастливый человек: он недавно стал пионером, восьмилетний Марио.

Не каждый может стать пионером Кубы: человек должен сначала пройти серьезное испытание. Целых два месяца проверяются ребята. Быть пионером — значит быть достойным доверия, хорошим товарищем, не подводить друга. Знать законы своей организации, гимн, герб своей страны. А еще надо быть хорошим спортсменом — иначе разве могут вырасти сильными защитники революции?

В школе имени Артуро Монтори только сто пионеров, а учатся в ней ни много ни мало — шестьсот ребят. Правда, на пионерские собрания собирается побольше. Приходят и те пятьдесят ребят, которые ждут, когда им повяжут бело-голубые галстуки. Голубизна пионерского галстука напоминает о символе «мамби» — первых бойцов за независимость Кубы, а его белый цвет — это чистота революционных идеалов.

У пионеров Кубы есть еще свои особые звездочки: белая, синяя и красная, — ими награждаются лучшие. У многих мальчиков и девочек из отряда Марио на груди белые и синие звездочки, а вот красной нет пока еще ни у кого. Но мечтать о том, чтобы она была, никому ведь не запрещается. Вот Марио и мечтает об этом.

Делегация юных сибиряков привезла своим японским друзьям сувениры от советских ребят.

ВОТ КАКИЕ НОВОСТИ ПРИ- НЕСЛА НАМ ТЕЛЕТАЙПНАЯ ЛЕНТА.

КАБУЛ. В одной из школ города открылся свой зоопарк. Под наблюдением юных биологов здесь живут джейраны, зайцы, лисы, орлы. Гордость зоопарка — тигренок Асан.

ХАНОЙ. Почтальонам города работы хватает: со всех концов света приходят посылки, адресованные вьетнамским школьникам. Чешские пионеры прислали своим сверстникам тетради и ручки, польские хартеры — медикаменты, советские школьники — портфели. Недавно пришла посылка с футбольными мячами... Их прислали юные англичане, мальчишки из организации «Лесной народ».

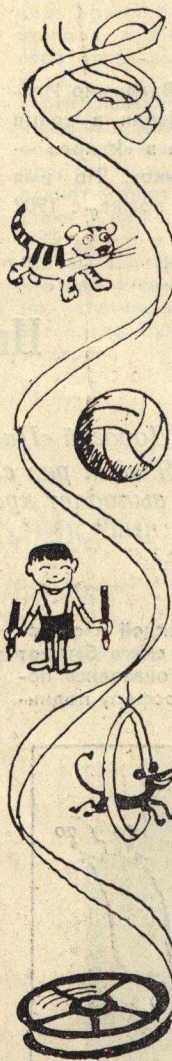
ТОКИО. Японские школьники учатся писать и правой и левой рукой. Словом, готовятся стать мастерами на все руки...

БЕЛГРАД. Операция «Красная звезда». Так называлась военная игра, в которой участвовали почти все школьники югославской столицы. Она проходила на старых боевых рубежах, там, где сражались советские и югославские воины, освобождавшие Белград.

ВЕНА. «Юнге гарде» («Молодая гвардия») — организация пионеров Австрии. Так называли ее в честь героев Краснодона. Сейчас отряды «молодогвардейцев» начали соревнования: они переписываются с друзьями из разных стран, проводят игры, собирают подарки для друзей из Вьетнама и африканских стран, сражаются на спортивных площадках. Победители — лучший отряд — будущим летом поедут в Краснодар...

ПРАГА. Здесь завершилась большая олимпиада школьников. Участников не смущала холодная, пасмурная погода: к их услугам были все спортивные залы города...

МИЛАН. В местном цирке с успехом выступила группа дрессированных собак. Их укротителю Ванценцо Оттавио всего десять лет.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Дорогое имя

Здравствуйте, дорогая редакция!
Я и моя бабушка интересуемся, где и когда Владимир Ильич Ульянов получил фамилию Ленин.
С пионерским приветом

Анатолий Маслов,
г. Бaley, Читинская область.

Отвечаем на твой вопрос. Впервые Владимир Ильич подписал свою статью фамилией Ленин в конце 1901 года. Эта статья была напечатана в «Искре» — нелегальной газете русских большевиков. Но имя «Ленин» стало широко всем известно позже, с 1902

года, когда вышла замечательная книга Владимира Ильича «Что делать?». На ней стояла подпись «Ленин», и с тех пор это имя стало знакомым и дорогим всем простым людям.

С. КАРАХАНЫ

Цветной снег

Дорогой «Пионер!»
Я один раз слышала, что на севере в одном и том же месте выпадает красный снег. Может, это правда? И почему он красный?

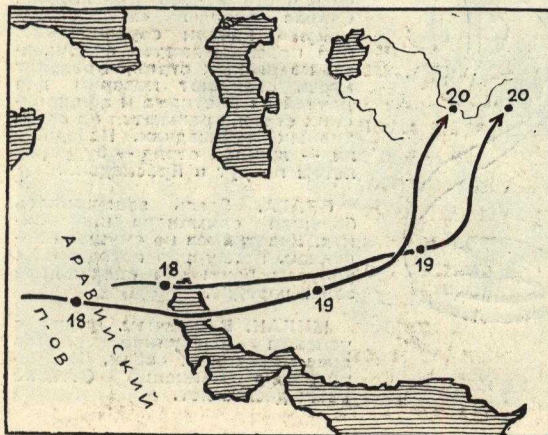
Людмила Макаренко,
г. Каменск-Уральский.

Ученые разгадали тайну цветных дождей и снегопадов. Капли дождя или кристаллики снега бывают окрашены в том случае, если облака оказались почему-либо запыленными. А пыль в атмосферу подни-

мается при бурях, извержениях вулканов, после лесных или степных пожаров.

Пыль, поднятая бурей в пустыне, подхватывается воздушными течениями и уносится на многие тысячи километров. По пути крупные частицы выпадают, а мелкие удерживаются в воздухе долго. Они-то и влияют на цвет осадков. Цвет пыли, а значит, снега или дождя, зависит от минерального состава почвы: песчаная почва дает желтый цвет, глинистая — красный, чернозем — черный.

Случаи цветных дождей и снегопадов не редкость. В 1962 году пыль Сахары вызвала кирпично-красный снегопад в Пензе (может быть, о нем ты и слышала), а в январе 1964 года в Ошской области, Киргизской ССР, был желтый снегопад. Проследив путь частиц воздуха по высотным картам, синоптики установили, что именно пыльные бури Аравийского полуострова (18—19 января) вызвали желтый снегопад 20 января в Ошской области. На схеме слева хорошо видно, какой большой путь проделала желтая пыль с Аравийского полуострова.

Старший научный сотрудник
Института прогнозов
Л. МИНИНА

Космос и жизнь

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос: на других планетах во Вселенной живут такие же существа, как и у нас? Может ли быть так, чтобы там жили, например, такие существа, которые питались бы вместо хлеба, как мы, лучами какими-нибудь или чем-то другим? Чтобы у них на планете не было атмосферы, как у нас, а были газы, которыми мы не можем дышать?

Может ли быть так?

Ответьте, пожалуйста.

Галя Афанасьева,
г. Переяслав-Хмельницкий.

Нашу планету населяет великое множество живых существ. И у всех у них, от микробов до человека, единая белковая основа. Это означает, что элементы, из которых состоят земные организмы, способны к обмену веществом и энергией с внешней средой. И было время, когда ученые считали, что жизнь может существовать только на такой белковой основе. Однако современная наука пришла к другому выводу: признаком живого служит не **состав** организма, а **действия**, которые он может совершить.

Вот почему в бесконечном, окружающем нас космосе живые существа вовсе не обязательно будут похожи на нас, обитателей Земли. Можно, например, представить себе организмы, построенные не на белковой, а, скажем, на аммиачной основе. Такие существа будут «пить» аммиак, «дышать» азотом и вообще вести себя совсем иначе, чем знакомые нам земные существа. Кстати сказать, не исключено, что подобные организмы обитают в богатой метаном атмосфере планеты Юпитер.

Мыслимы и огнестойкие «кремниевые» существа, ведь кремний по химическим свойствам напоминает углерод, а значит, можно теоретически представить себе организмы, построенные и на кремниевой основе.

Все сказанное относится не только к низшим, но и к высшим, разумным существам. Почему бы не предположить, как это делает академик А. Н. Колмогоров, что некоторые из разумных обитателей других планет имеют вид тонкой пленки, плесени, расплавленной на камнях?

Пока все это только догадки, предположения, гипотезы. Однако космонавтика развивается так бурно, что уже в самом близком будущем удастся, вероятно, вступить в первый контакт с внеземной жизнью. Вот тогда будет яснее, какие они, обитатели Вселенной.

Астроном Ф. ЗИГЕЛЬ

КАКАЯ?

Конкурс птиц

Здравствуй, «Пионер»!

Ответь, пожалуйста, на мой вопрос. Какая самая большая птица в мире и какая самая маленькая птица.

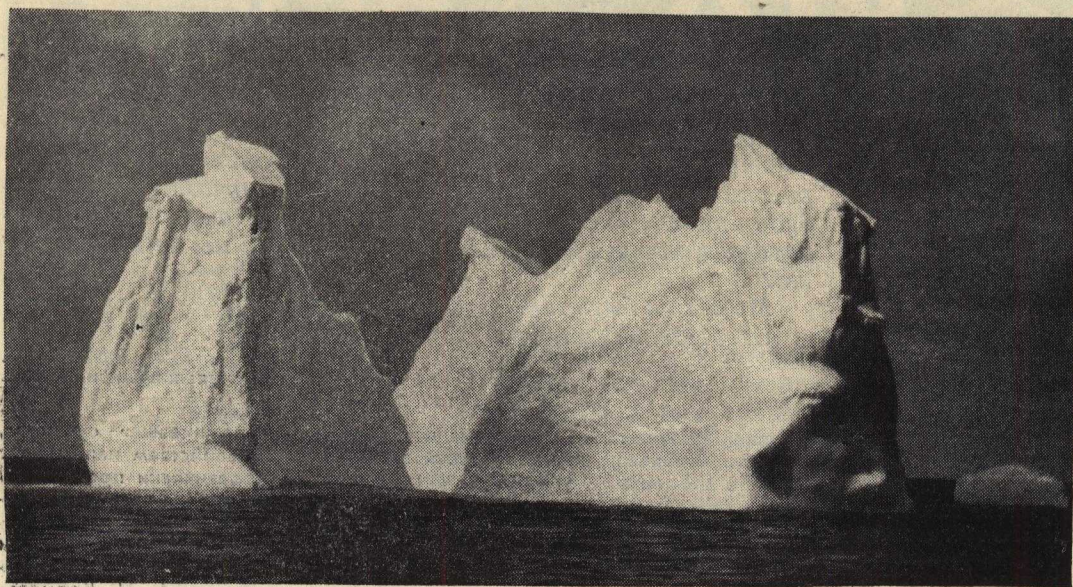
Коля Жовнер,
Луганская область.

Если провести такой конкурс среди птиц нашей страны, то самой большой будет дрофа, весом в 16 килограммов, а самой маленькой — королек. А если включить в конкурс всех птиц земного шара, то победителями будут африканский страус и крохотная колибри-шмель, обитающая в Южной Америке. Она чуть больше наших крупных шмелей.

Фотограф Игорь Константинов сфотографировал дрофу в астраханских степях.

Биолог С. СЕРГЕЕВ

Это айсберг. Красивый, конечно, но лучше обойти его подальше.

ПРО КИТОВ, КИТОБОВ, АНТАРКТИКУ

А. ИВАНЧЕНКО. Фото автора.

«АНТАРКТИКА — САМА РОМАНТИКА»

Меня пригласили на антарктическую китобойную флотилию «Советская Украина». Я был очень счастлив, потому что давно мечтал увидеть Антарктику. Шел на корабль и напевал себе песенку:

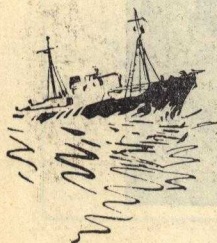
Не страшны нам широты ревушие
И неистовых грохот и гром.
Антарктика — страна суровая,
А мы все песенку поем:

«Антарктика — сама романтика,
Бушует шторм», —
И даже кок, и даже боцман,
И даже наш старик старпом...

Я, конечно, знал, что в Антарктике не сплошная романтика. Вся Антарктида покрыта вечными льдами, и там всегда жуткий холод. А в водах, которые омывают ледяной материк, часто бывают не то что штормы — настоящие ураганы. Чем дальше на юг, тем грознее рычит океан. Поэтому сороковые южные широты моряки называют ревушими, пятидесятые — неистовыми, а шестидесятые — бешеными. Эти бешеные широты уже и есть Антарктика.

На флотилию меня приняли рулевым. Обязанность рулевого — вести свой корабль точно по курсу. Но попробуй удержаться на курсе, когда вокруг все кипит и волны высотой с пятиэтажный дом! Корабль то падает в пропасть, то взлетает на самый гребень волны. И сразу сбивается с курса. Только успевай следить за компасом. И еще надо смотреть, чтобы впереди не было айсберга. Вы, наверное, читали про гибель «Титаника». Он шел в густом тумане, и те, кто стоял на вахте в рулевой рубке, не заметили, как на нос корабля надвинулся айсберг. «Титаник» получил пробоину и затонул.

В Антарктике айсбергов много. Они бродят по всему океану. Огромные, как горы, и еще такие, которых не видно над водой, — рапаки. Перед тобой только поле битого льда. Кажется, для корабля он совсем не опасен, а на

самом деле под ним прячутся рапаки. Будешь невнимательным, налетишь на рапак — и... катастрофа!

Тяжело плавать в Антарктике. Зато интересно. А если ты еще китобой, тогда вдвойне интересно.

КАК ДОБЫВАЮТ КИТОВ

Во-первых, на китобойной флотилии есть вертолет. Небольшой, в его кабине помещаются только три человека. Сам он весь красный, а два длинных надувных баллона возле колес оранжевые. Они нужны для того, чтобы в случае аварии вертолет мог сесть на воду. Баллоны — все равно что спасательные лодки. И яркий красный цвет тоже нужен на случай аварии. Если вертолет упадет, его легче будет найти. Ведь красное хорошо видно.

Пока флотилия идет в Антарктику, вертолет стоит в своем гараже, или, как говорят летчики, в ангаре. Всего кораблей у нас двадцать один: двадцать маленьких судов-охотников (мы называем их китобойцами) и одна большая китобаза — флагман. Он такой громадный, что ангар для вертолета сделали в его трубе. Выходу дыма это несколько не мешает: ангар занимает только часть трубы.

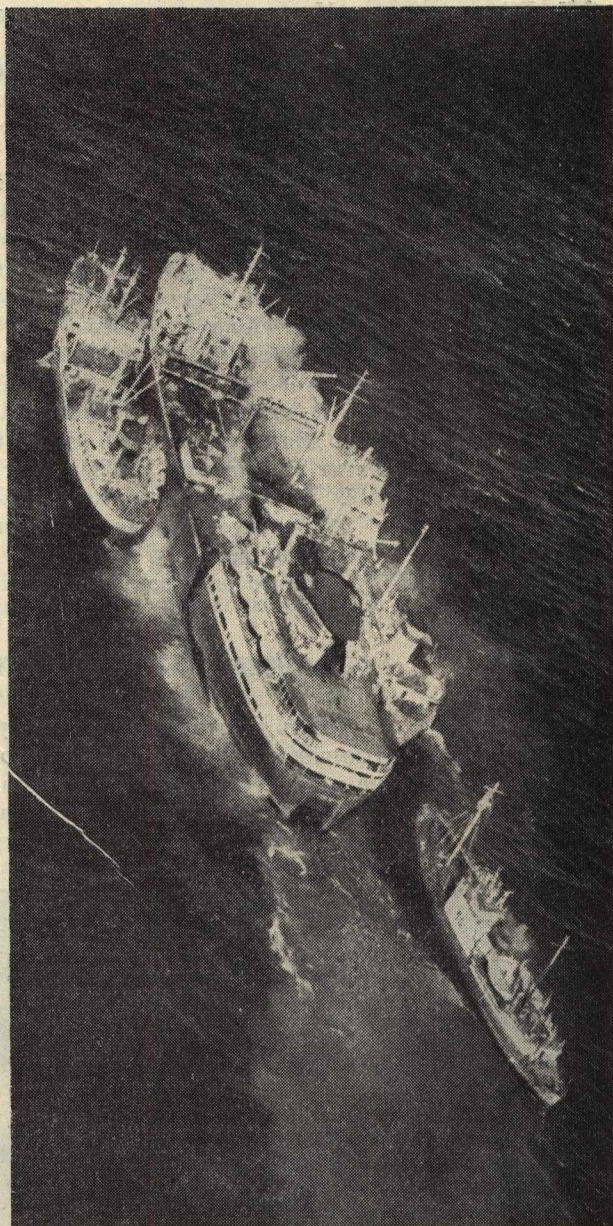
Вот пройдены многие моря и разные океанские широты. Началась Антарктика — район китобойного промысла. Теперь вертолет из ангара выкатывают на палубу. Он первым летит на разведку китов. Найдет китовое стадо и по радио сообщает китобойцам: — Внимание, малыши, в квадрате «Н» вижу фонтаны!

Этого известия с нетерпением ждет вся флотилия. В судовых радиодинамиках еще звучит голос летчика, а китобойцы уже дают полный ход, спешат в квадрат «Н».

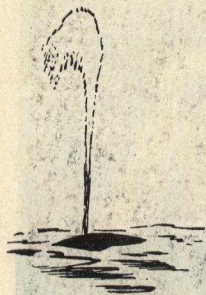
На носу у каждого китобойца установлена гарпунная пушка. От обыкновенной она отличается тем, что стреляет не снарядами, а гарпунами, к которым привязан длинный капроновый канат — линь. Гремит выстрел, гарпун попадает в кита, и кит оказывается на лине.

Туша убитого кита на воде не держится. Если отрезать линь, она сразу пойдет на дно. Поэтому кита сначала подтягивают к борту китобойца и накачивают воздухом, чтобы он не тонул. Затем «ставят на флаг»: втыкают в тушу бамбуковый шест с флажком, на котором написан номер китобойца. Чтобы знать, кому принадлежит добыча.

Один кит остается «на флаге», а за другим продолжается охота. Потом убитых китов берут на буксир. Набрасывают им на хвосты железные цепи, закрепленные у бортов китобойца, и тянут к базе.

Китобаза «Советская Украина» на промысле.

Однажды, собирая добычу, мы увидели на туше кита стайку пингвинов. Нас это не удивило. Пингвины не умеют летать, но плавают, как дельфины. В погоне за косяками рыбы они иногда уплывают от берега на десятки миль. Но отдых нужен всем, даже неутомимым пингвинам. Если на пути им встретится убитый кит, они обязательно залезут на него, чтобы передохнуть.

Когда кита берут на буксир, его седоки обычно торопливо соскакивают в воду. Но на этот раз соскочили не все. Четыре пингвина покидать свое место отдыха не желали. Мы пробовали их согнать, но они, побарахтавшись в воде, снова вскарабкались на китовую тушу.

Из-за них, этих упрямцев, наш китобоец пришел к базе позже всех, почти в полночь. Матросы упросили капитана идти самым малым ходом. На полном ходу кита сильно болтало, и волны сбивали пингвинов с ног. А они так старались удержаться! Похоже было, им хотелось попасть на палубу китобазы. Мы, конечно, не возражали. Хотите — пожалуйста! Подняли их на китобазу вместе с китом.

Так на флотилии появилась четверка антарктических новоселов. Возни с ними было много. Они ничего не ели, кроме свежей рыбы. Но откуда рыба у китобойцев? Пришлось мастерить крючки, удочки и в свободное время заниматься рыбалкой.

Когда флотилия на обратном пути проходила тропики, пингвины загрустили. Им было очень жарко. Заберутся куда-нибудь в тень и, нахохлившись, сидят едва живые. Устроили для них на палубе бассейн с брезентовым навесом. Один раз залезли в него пингвины и тут же вылезли: вода теплая. Тогда машинисты судового холодильника насыпали в бассейн два ведра ледяной крошки. (Холодильник на китобазе огромный, льда можно делать много).

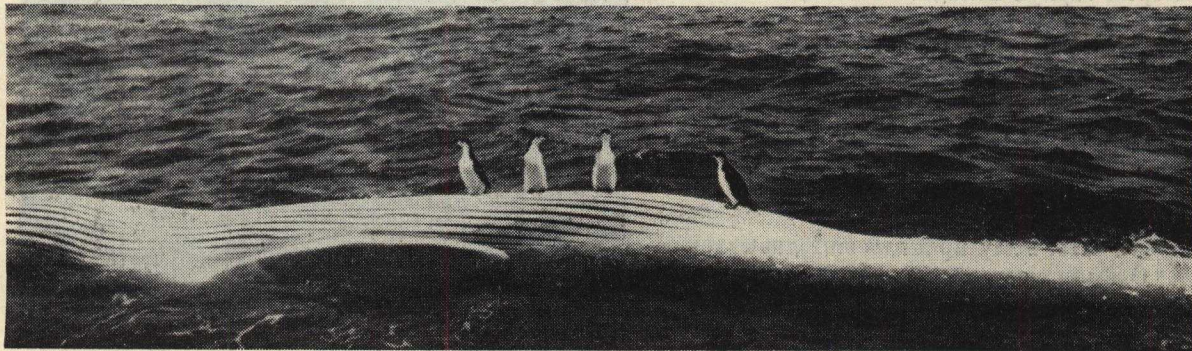
В бассейне со льдом три пингвина купались охотно, а четвертый, казалось, собирался погибать от жары. Бросят его в воду, а он тут же на палубу. Сидит, клювом воздух ловит. Не ест, не пьет. А нам жалко его. Решили сделать для него холодный душ. Он словно только этого и ждал. Сразу ожил, аппетит появился. И вообще стал нормальным пингвином.

Машинисты холодильника ругали привереду, но лед в пингвинью душевую носили аккуратно. Потом назвали этого пингвина Дружком, простили ему капризы — очень он был забавным. Про Дружка можно много рассказать, но я уже и так отвлекся. Начал-то про китов.

ОКЕАНСКИЕ ГИГАНТЫ

Есть киты усатые и есть зубатые. Почему зубатые — понятно. А вот усатые названы так не потому, что у них над губой усы. Китовый ус на ус вовсе не похож. Он растет во рту, там, где должны быть верхние зубы. Это широкие роговые пластины, плотно прижатые одна к другой. Края пластин расщеплены на тонкие щетинки — бахрому. Кормится кит мелкой рыбой и планкто-

Вот те самые четыре пингвина, которые пожелали переселиться к нам на китобазу.

ном — крохотными организмами. Захватывает их в пасть вместе с водой. Потом воду процеживает сквозь бахрому. Все съедобное остается в пасти, а вода выливается.

Самый большой уса-
тый кит — блювал. Такого
назвали англичане. По-
английски слово «блю» зна-
чит «голубой», а «вал» —
«кит». Голубой кит. Но во-
обще-то у блювала спина
темная. Только в воде она
кажется голубовато-синей.
А брюхо — белое, в голу-
бых продольных складках,
а между складками широкие
гладкие полосы. Поэтому
блювала называют
еще большим полосатиком.
Он настоящий океанский
гигант. Его длина до-
стигает тридцати трех
метров, а вес — ста ше-
стидесяти тонн. Если по-
ставить его на весы, то он
перетянет четыреста от-
кормленных быков. Это —
самое большое животное
нашей планеты. И самое
сильное. Сильнее тысячи
семисот лошадей и полу-
сотни африканских сло-
нов.

Кашалот меньше блювала,
но тоже гигант. Это самый
большой кит из породы
зубатых: двадцать один
метр в длину и сто тонн
веса. Силища у него, как
у двадцати тракторов. В
этом я сам убедился.

Однажды целую неделю
над океаном бушевал ура-
ган. На китобоец с гро-
хотом и ревом обрушились
горы воды. От их ударов
корабль то метался из сто-
роны в сторону, то, взлетев
на головокружительную
высоту, низвергался в оке-
анскую пучину. Иногда ка-
залось, что мы идем под
водой. Студеные волны
захлестывали даже капита-
нский мостик. А капитан-
ский мостик на китобойцах
без крыши, вместо рулевой
рубки только низенькая
дощатая загородка. Пока
я стоял на вахте у руля,
моя насквозь промокшая
одежда вздувалась кором-
бом и покрывалась коркой
льда. Шквальный ветер
швырял в лицо соленые
брызги, клочья пены и
колючий заledenелый снег.

Неделю никто из нас не
спал. Невозможно было
уснуть. Не успеешь за-
браться на койку, как уже
падаешь на пол. Когда наш
кок кипятил чай, свой
огромный чайник он при-
кручивал к плите проволо-
кой. Никакой охоты в эти
дни, конечно, не было.
Обросшие густой щетиной
и страшно уставшие, мы
едва держались на ногах.
Да и кита в такую погоду
нигде не увидишь.

Потом ураган наконец
утих. Надо было приня-
маться искать китов, но
капитан нас пожалел.

— Ладно, молодцы, —
сказал он, — сегодня все
отсыпайтесь, а завтра
чуть свет — за дело.

Помню, только я уле-
гся, только глаза закрыл,
как вдруг — звонок!
Сигнал охоты. Пришлось
вставать, натягивать мо-
крую одежду и бежать на
мостик.

Прибежал, глянул и
застыл в изумлении.

Метрах в двухстах от
китобойца вода кипела
бурунами. На секунду в
ней показалась голова
кашалота. Она была опу-
тана гигантскими щупаль-
цами кальмара. Они раз-
рывали ему пасть.

Гарпунер стоял у пуш-
ки и ахал:

— Ну и спрутище. Заар-
канить такую челюсть! На-
до же, вот это спрут!

Кальмар, или спрут, и
кашалот — вечные вра-
ги. Они оба хищники. Пер-
вым всегда нападает ка-
шалот. Он ныряет за
спрутом на глубину до
тысячи метров и вытаски-
вает его на поверхность
океана. Но не всякий
кальмар сдается без боя.
Так было и на этот раз.

Многометровые щупальца глубоко впились в тело кита — оторвать их спрут уже не мог. Мы решили загарпунить кашалота вместе со спрутом.

И, вот когда грянул выстрел, метрах в тридцати от китобойца откуда ни возьмись вынырнул второй кашалот. И сразу же скрылся под водой. Потом мы услышали глухой удар в корму корабля. Весь китобоец задрожал, как в ознобе. Капитан резко свернул корабль вправо. И тут мы снова увидели этого кашалота. Стремительно огибая судно, он шел на новый таран. Его плоский, как будто обрубленный лоб был рассечен раной.

Еще минута, и удар бы повторился. Но за эту минуту мы успели развернуть корабль носом навстречу кашалоту и отклониться в сторону. Разъяренный хищник проскочил мимо. К счастью, больше он не возвращался.

Но корабль продолжало трясти, и нам пришлось остановить машину. Оказалось, что кашалот повредил гребной винт. Его удар был настолько мощным, что от стального винта величиной с обеденный стол отлетела одна из четырех лопастей. Винт стал вращаться неправильно, прыгал и разбил своей осью втулку дейдвуда — корабельного устройства, закрывающего доступ морской воде в подводную часть машинного отделения. Китобоец стало затоплять.

И опять мы трое суток не спали. Откачивали из машинного отделения воду и меняли винт.

Есть еще зубатый кит — косатка. Он назван так потому, что на спине у него плавник, похожий на косу. Косатка — маленький кит, длиной не больше восьми — десяти метров. Но в море нет свирепее зверя, чем косатка. Это кит-убийца.

Однажды мы видели, как косатка гналась за стаей дельфинов. Настигнет дельфина и с ходу — в пасть его и заглатывает. Одного проглотила, другого, третьего... Вы знаете, из всех животных, какие только есть на Земле, дельфины самые умные, добрые. И мы, конечно, как только увидели эту сцену, дали китобойцу ход и погнались за убийцей.

Когда мы косатку загарпунили и разрезали, в ее желудке оказались остатки нескольких дельфинов, восемнадцати тюленей и шести королевских пингинов.

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ КИТЫ

Кроме кашалотов и косаток, мы добывали в Антарктике еще финвалов и сейвалов. Это усачи, похожие на блювалов. Они только меньше голубого кита, и у них другая окраска.

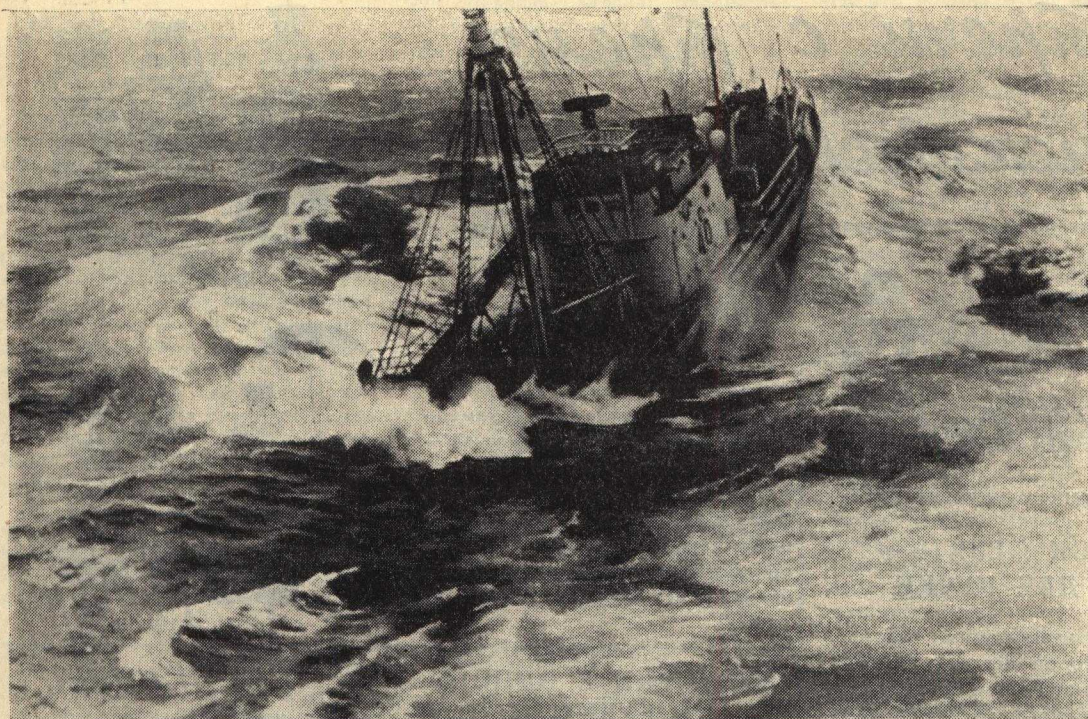
А зачем они нам, все эти киты? Что из них делают?

На такой вопрос сразу не ответишь. Из китов много чего делают. Например, стирает ваша мама белье китовым жиром. Из него делают стиральный порошок «Новость».

В мясные консервы можно добавить китовый ус. Кладут, конечно, не просто ус. Сначала из него вырабатывают глютами-нат натрия — такую кислоту, которая нужна, чтобы консервированное мясо стало мягким и долго не портилось. Не обходятся без китов и текстильщики. Чтобы искусственному волокну придать пушистость и блеск, они прибавляют к нему органический белок из мяса китов.

Пингвин Дружок под холодным душем.

Нелегко маленькому китобойцу, когда бушует вот такой шторм.

Каждому человеку для нормального физического развития нужен витамин «А». Его много в куриных яйцах и сливочном масле. Но еще больше в китовой печени. Нужно сто тонн коровьего масла или пять миллионов штук куриных яиц, чтобы заменить печень одного взрослого кашалота. А весит она всего четыреста килограммов. Есть в ней еще и витамин «В».

Китовым мясом кормят хищных зверей в зоопарках и на зверофермах. Из китовых костей делают муку для скота и домашней птицы.

Перерабатывая тушу кита, получают вещества, из которых готовят киноленту, струны для теннисных ракеток, пуговицы, клей, желатин, театральный грим и крем, лечебные препараты и много, много другого. Самые точные приборы на искусственных спутниках Земли и космических ракетах смазывают техническим маслом, которое вырабатывается из китового жира.

Ради всего этого китобойи и ходят в Антарктику. Нелегка их профессия, но легкого дела лучше не искать. Чем легче дело, тем меньше от него пользы и не так оно интересно. Верно ведь?

Встречи с тремя неизвестными

СОРОК ДЕВЯТЬ — НА ДВЕ КУЧКИ

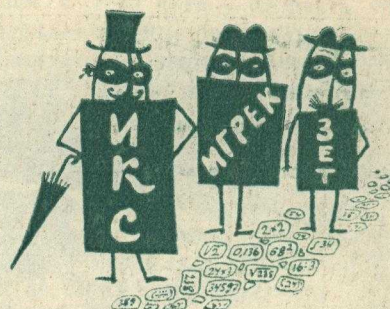
У нашей игры строгие правила. Вот они: сорок девять камешков раскладывают на две кучки. Играют двое. Каждый из них по очереди забирает любое число камешков, но всякий раз только из одной и той же кучки. Выигрывает тот, кто берет последним. Подумай, как должен играть начинающий, чтобы всегда выигрывать, как бы ни были разложены камешки в начале игры и как бы ни играл его партнер.

ДЕСЯТЬ — НА ТРИ КУЧКИ

Еще одна игра. Десять камешков раскладывают на три кучки. В первой кучке шесть камешков, во второй — три, в третьей — один камешек. Условия игры те же. Как и в предыдущей игре, здесь у начинающего есть «заветный» способ, с помощью которого он обязательно выигрывает, как бы ни играл его партнер. Найди этот способ.

КАМЕШКИ В ОДНОЙ КУЧКЕ

На этот раз сорок девять камешков в одной кучке. Играть снова двое. Из кучки поочередно берется любое число камешков — от одного до пяти. Выигрывает тот, кто берет последним. И снова тот же вопрос: как нужно играть начинающему, чтобы выиграть?

Прежде чем решать задачи, поиграйте в камешки. Конечно, вместо них можно взять карандаши, пуговицы, спички. Самая интересная — вторая игра, особенно если раскладывать на какие-нибудь три кучки не десять, а двадцать или тридцать камешков. Если тебе удастся открыть «заветный» способ, ты сможешь выигрывать, даже если начинать игру будет твой партнер (при условии, что ему этот способ неизвестен).

Как распилить СЕРЕБРЯНУЮ ЦЕПОЧКУ?

Рассказывают, что один математик приехал в Копенгаген и решил остановиться в гостинице. Денег у него не было, а была только серебряная цепочка из семи звеньев. За каждый день он расплачивался одним звеном цепочки, причем хозяин предупредил его, что возьмет никак не больше одного распиленного звена. Как нашему математику

следует распилить цепочку, чтобы прожить в гостинице семь дней и ежедневно расплачиваться с хозяином?

45 ОТКРЫТИЙ В ДЕНЬ!

В одной из статей математик профессор А. И. Маркушевич писал: «Именно сейчас математика переживает период чрезвычайно бурного развития, несмотря на то, что родилась она много тысячелетий назад. Новые математические открытия в наши дни делаются буквально ежедневно во всех частях света. Чтобы получить представление о количестве этих открытий, достаточно знать следующее. В Советском Союзе издается ежемесячный реферативный журнал «Математика», в котором убористым шрифтом печатаются самые краткие сообщения (рефераты) о различных математиче-

ских открытиях, сделанных в самое последнее время во всем мире. Так вот, комплект этого журнала за 1963 год представляет со-

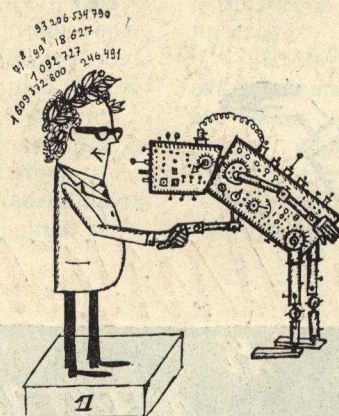
бой огромный том (свыше 1 100 страниц большого формата!), содержащий более 16 тысяч рефератов. Так велико число математических открытий, сделанных всего за один год, — в среднем по 45 открытий в день!

Поединок ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ

Не так давно по французскому телевидению передавался удивительный поединок, за которым следили миллионы зрителей Франции, Англии, Бельгии, Голландии. Француз Морис Дагбер и раньше был известен феноменальными математическими способностями. На этот раз он вызвал на соревнование... последнюю модель электронной счетной машины. Дагбер предложил такие условия: он признает себя побежденным, если машина решит семь задач из десяти, предложенных жюри, раньше, чем он, Дагбер, решит все десять.

Вот задание жюри: три задачи на извлечение кубических корней из чисел 48 627 125, 1 092 727 и 246 491 883; пять задач по возведению в степень 89^3 , 57^4 , 38^5 , 71^6 ,

997. Девятая задача: разделить 1 515 на 45. А в последней, десятой задаче предлагалось выразить возраст одного из членов жюри

(ему в этот день исполнился 51 год) в днях, часах и секундах.

Морис Дагбер решил все десять задач за 3 минуты 43 секунды.

Все его ответы были правильными: по первой группе (извлечение корней) — 365, 103 и 627; по второй (возведение в степень) — 704 969, 10 556 001, 79 235 168, 128 100 283 921 и 93 206 534 790 699.

Ответ на девятый вопрос — 33,666(6) и на последний, десятый — 18 627 дней, 447 048 часов, или 1 609 372 800 секунд.

Математик победил, потратив на решение десяти задач на 1 минуту 35 секунд меньше, чем машина на решение семи задач (ей понадобилось 5 минут 18 секунд).

(8965 = 24488369 + 3876652/1251) / (569373600 + (177987 + 48237/1) * 2) 8214834674 2367 8217 2367923746149 2367923746149 2367923746149

Сосчитайка

★ Перед тобой 5 листов бумаги. Некоторые из них нужно разрезать на 5 частей. Некоторые из получившихся кусков снова делятся на 5 частей и т. д. Прodelав так несколько раз, остановись и подсчитай, сколько получилось кусков. Докажи, что в любом случае не может получиться 1 967 кусков.

★ У тебя 5 пятаков, 9 трехкопеечных монет и 25 однокопеечных. Из них надо выбрать ровно десять монет так, чтобы они в сумме составили 25 копеек.

ИКС, ИГРЕК, ЗЕТ. Задача эта не из легких, и даже мы втроем никак не можем найти решение. Вот почему мы решили обратиться к вам, наши дорогие читатели. Попробуйте.

Тому,
кто скажет, как
это сделать, мы
обещаем КРУПНУЮ
ПРЕМИЮ —
трех живых
слонов

Икс, Игрек, Зет

Три жадных разбойника

Они жили в пещере у большой дороги, нападали на проезжих купцов, грабили их, а добычу делили между собой. И всегда это кончалось ссорой. Каждый клялся, что знает способ поделить добычу на равные части, но остальные, боясь остаться в убытке, ему

не доверяли. Если бы разбойников было двое, выйти из положения было бы легко: один разделил бы добычу на две части, а другой взял ту часть, которая ему кажется большей.

Подскажите, как поступить трем разбойникам, чтобы каждый из них был уверен: его доля составляет не менее одной трети от всей добычи (добыча бывала такой разнообразной, что доли нельзя было просто перевести в литры или килограммы).

ВНИМАНИЕ! Об итогах первого конкурса Икса, Игрека и Зета читайте на странице 79.

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Аппарат был невелик — чуть побольше портсигара. Лавров недоверчиво покачал его на ладони и опять посмотрел в окно.

Тайга начиналась в сотне метров от дома. Выше ее над темными вершинами лиственниц поднимался неправдоподобно розовый склон сопки.

— И вы надеетесь, что эта штука избавит нас от птероящеров? — равнодушно спросил Лавров, ставя аппарат на подоконник.

— Не надеюсь, а совершенно убежден в этом, — возразил Федосеев. Его раздражало, что на всем протяжении разговора Лавров не отходил от окна, будто высматривая что-то. Казалось, он все время думает о посторонних делах, не относящихся к теме их беседы.

— Я тоже хочу убедиться. Для этого я и прилетел к вам, — сказал Лавров и рассердился на себя за то, что говорил неправду.

Разговор начинался явно неудачно. Лавров чувствовал это, но не мог переломить себя. «Стоило мчаться сюда за шесть тысяч километров, — думал он, — чтобы потом двое суток околачиваться без дела в то время, когда до старта остаются считанные дни». Он догадывался, что на биостанции шла какая-то напряженная работа. Но это ничуть не извиняло Федосеева, который сам же срочно вызвал Лаврова сюда и лишь на третий день соизволил удостоить его беседой.

— Мне кажется, Петр Иванович, — задумчиво сказал Лавров и покосился на окно, — что местные зверюги, на которых вы собираетесь проверять аппарат, очень уж безобидны. Вы знаете, что такое птероящеры?

Он вдруг совершенно отчетливо вспомнил, как пятисоткилограммовые живые огнеметы с диким воем пикируют на его вертолет, и невольно вздрогнул. Прошел уже год, как он вернулся с Венеры, но каждый раз при воспоминании об этом мороз пробегал у него по коже.

— Я видел их в ваших фильмах, — сказал Федосеев. — Довольно мерзкие твари. Но в поле аппарата они станут смиреннее ягнят.

Федосеев подошел к аквариуму, в котором лениво шевелились какие-то незнакомые Лаврову рыбы, и стал сыпать корм. Лавров взглянул на него и опять уставился в окно. Ему не верилось, что маленькая коробочка, стоящая на подоконнике, совершит то, чего не смогли сделать атомные пули, самонаводящиеся гранаты и лазерные пистолеты.

— Вы хорошо плаваете? — вдруг спросил Федосеев.

— Купание входит в программу испытаний? — с оттенком иронии поинтересовался Лавров.

— Вы угадали, — ответил инженер. — Но оно состоится лишь в том случае, если у вас окажутся достаточно крепкие нервы.

Лавров вопросительно посмотрел на собеседника. Он впервые встретил человека, выразив-

него сомнение в храбрости знаменитого планетолога.

— Я, увы, не могу предложить вам живых птероящеров, — сухо сказал Федосеев. — Поэтому, если местные хищники кажутся вам чересчур смиренными животными, мне остается только пригласить вас искупаться со мной в Амазонке. Самолет заказан на послезавтра.

— Там что, самые свирепые крокодилы? — улыбнулся Лавров. — Обожаю экзотику.

— Крокодилы там обычные, — ответил инженер и усмехнулся. — Но зато там пираньи.

Лавров только покачал головой и с уважением посмотрел на Федосеева. «Все-таки сколько у нас самомнения, — подумал он. — Еще бы — бесстрашные космонавты, открыватели новых миров! Невелика храбрость — палить из реактивных ружей по шумным надоедливим тварям, спасая свою шкуру. А человек готов лезть даже к пираньям в зубы для того, чтобы обеспечить тебе спокойную жизнь. И ведь полезет, только согласись, — в одних плавках, туда, где прожорливые рыбы за полторы минуты обгладывают до костей живого быка».

Тут он вдруг почувствовал симпатию к хмурому инженеру и подумал, что Федосеев сможет понять его, но опять не решился заговорить о том, ради чего, собственно, и прилетел.

— И далеко действует ваш аппарат? — спросил он.

Федосеев стряхнул с пальцев остатки корма и взял аппарат с подоконника.

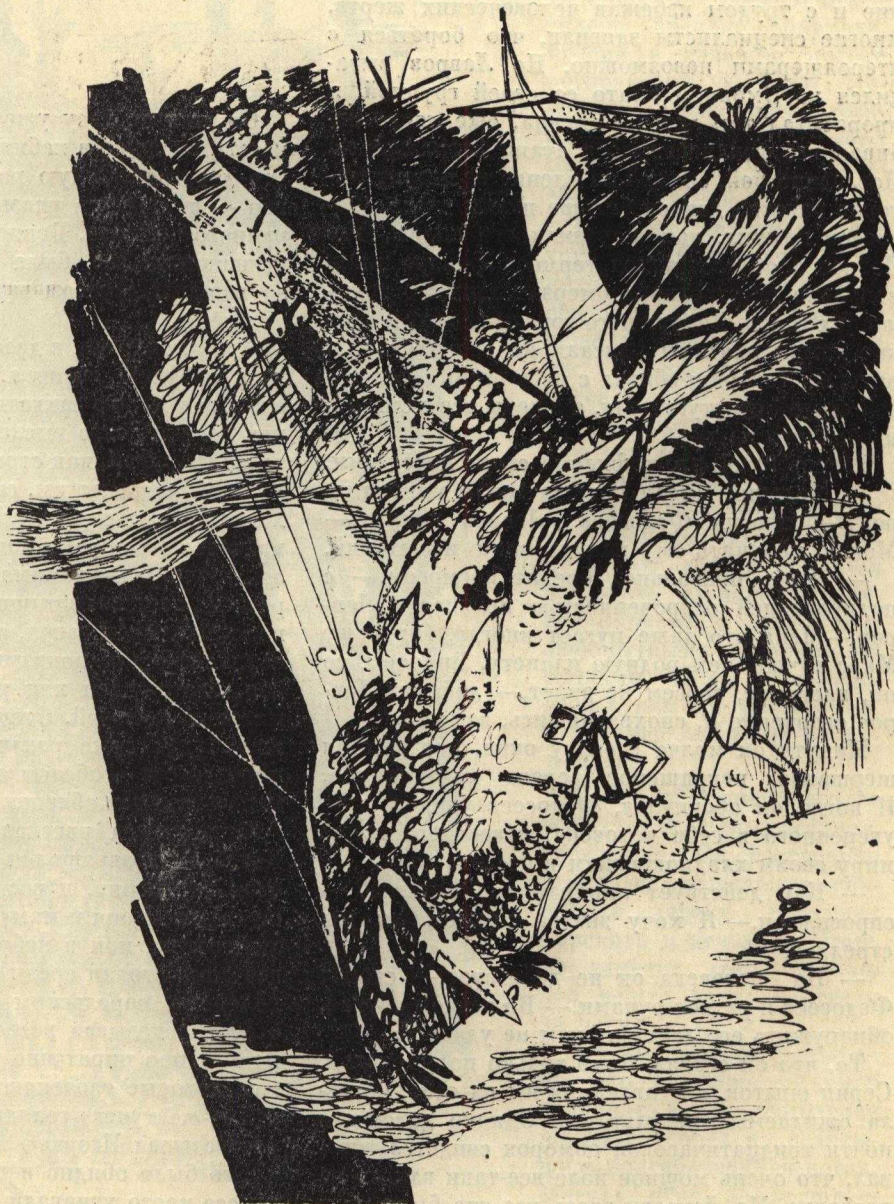
— Сейчас радиус круговой защиты — тридцать метров.

— Маловато, — пробормотал Лавров. Он подошел к аквариуму и постучал согнутым пальцем по стеклу.

Федосеев выключил аппарат и положил его на стол.

— Кажется, я начинаю кое-что понимать, — сказал Лавров, внимательно наблюдая, как рыбы жадно хватают корм, на который только что не обращали внимания. — Ваши рыбки очень убедительны, — добавил он.

Федосеев улыбнулся — первый раз с начала разговора.

Лавров хладнокровно расстреливал огнедышащих гадов...

Лавров решил.

— Скажите, Петр Иванович, — еще колеблясь, спросил он, — могу я взять Игоря в Сухую падь? Конечно, это не по правилам, но мне очень хочется показать ему тайгу. Я подозреваю, что мальчишка никогда еще не видел обычного костра.

— Вот оно что, — вдруг догадался инженер.

Он с интересом и внезапной теплотой взглянул на стоящего у окна человека, чье имя гремело на весь мир.

После того, как две экспедиции подряд в беспорядке бежали с Венеры, растеряв оборудование и с трудом избежав человеческих жертв, многие специалисты заявили, что бороться с птероящерами невозможно. Но Лавров высадился на Змеинном плато со своей группой и проработал там четыре месяца, ежедневно отбивая все усиливающиеся атаки птероящеров. Последний бой, снятый на пленку из иллюминаторов ракеты, длился больше шести часов. Федосеев помнил, как поразили его кадры, где Лавров в обуглившемся термоскафандре хладнокровно расстреливал омерзительных огнедышащих гадов. Вокруг него горели скалы, и мелкие языки пламени плясали на его плечах, и раненый товарищ сбивал с него огонь фиолетовой струей огнетушителя, а ящеры все валились и валились из туч.

Теперь герой этого фильма стоял перед ним.

— Мальчик умеет обращаться с кинокамерой? — спросил Федосеев. Лавров кивнул. — Можно поручить ему кинодневник испытаний.

— Игорь буквально бредит космосом, — с подкупающей откровенностью признался Лавров. — Меня это даже пугает иногда. Он знает Марс лучше, чем родную планету. Впрочем, ее он, наверное, совсем не знает, — добавил Лавров огорченно и, спохватившись, замолчал.

Минуту он молча стоял у окна, поглаживая шершавое, некрашеное дерево подоконника. И когда он обернулся, Федосеев увидел лицо уверенного в себе человека, известного всему миру своим хладнокровием и бесстрашием.

— Как действует аппарат на человека? — спросил он. — Я хочу знать, сможем ли мы стрелять.

— На человека он не действует, — сказал Федосеев и развел руками. — Во всяком случае, обнаружить его действие нам не удалось.

То, что он сказал, было только полуправдой. Серия опытов, поставленная им на себе, не дала ожидаемых результатов. Однако давешний почти тридцатичасовой обморок свидетельствовал, что очень мощное поле все-таки влияет на человека. Но Лаврову знать все это было ни к чему, потому что с таким полем ему встречаться не придется.

Федосеев подошел к Лаврову и положил руку ему на плечо. Позади них слегка приоткрылась дверь, но они не заметили этого.

— Вы можете стрелять сколько душе угодно, — мягко сказал Федосеев. — Но думаю, что делать это вам больше не придется. С таким аппаратом никакой зверь не страшен ни на Земле, ни на Венере.

Ни Лавров, ни Федосеев не подозревали, что Игорь слышал эти слова. Они догадались об этом позднее, когда обнаружилось, что мальчишка нигде нет, и аппарат, оставленный Федосеевым на столе, пропал.

2

Он шел по лесу уже больше трех часов. Из карты, висевшей в кабинете Федосеева, он знал, что дорога в Сухую падь лежит прямо на север — туда, куда указывала синяя стрелка наручного компаса. Вернее, дороги не было. Был незнакомый лес, была неизвестная планета, и за каждым деревом притаились свирепые птероящеры.

Прямо впереди, в десяти километрах, находилась избушка лесника. В самолете отец рассказывал Игорю захватывающие истории о том, как лесник долго выслеживает медведей с винтовкой в руках, как стреляет в них усыпляющей пулей и надевает им, спящим, ошейники с крохотным радиопередатчиком. И тогда в избушке на большом экране появляется еще одна светлая точка, и неутомимая антенна, торчащая над резным коньком крыши, день и ночь следит за передвижением зверя, а хитроумные кривые на осциллографах показывают, сыт он или голоден, благодушен или рассержен, спит или гонится за добычей. Отец говорил, что скоро можно будет даже различать по приборам, что медведь ест — обсасывает ли спелую пшеницу или лакомится облепихой на лесной поляне.

Отец всегда рассказывал очень интересно. Когда он возвращался из космоса, и кончался срок карантина, и все отчеты были написаны, он сажал Игоря и маму в самолет, и они улетали к морю, или в небольшое украинское село, где дома стояли среди цветущих яблонь, или к холодным карельским озерам. Целыми часами отец рассказывал веселые или страшные истории — про пиратские клады, про умных роботов, которые озеленяют Сахару, про грозу морей — «Летучего голландца». Но он никогда не рассказывал Игорю о космосе.

Это было обидно и непонятно. Мальчишки в классе часто узнавали из газет о новых потрясающих приключениях его отца гораздо раньше, чем сам Игорь. Никто не верил ему, что

отец совсем не рассказывает о себе. «Ведь журналистам рассказывает», — возражали товарищи и считали, что Лавров-младший задается.

Отец появлялся дома нечасто, потому что космические полеты длятся много месяцев подряд. Приезды отца были лишь эпизодами в жизни мальчика. И воспоминания об этом тоже были отрывочными. Игорь учился в первом классе, когда отец улетел на Марс. Вернулся он как раз к концу занятий во втором классе,

и они провели вместе прекрасное лето. Затем отец полгода пропадал где-то в поясе астероидов и чуть совсем не пропал там, потому что корабль потерпел аварию. Все говорили, он выбрался оттуда чудом. Но Игорь знал, что чудес не бывает и спасло отца не чудо, а найденный им ледяной астероид, из которого удалось добыть водород для двигателей. Потом было путешествие на Венеру.

Во всем мире мальчишки играли в Лаврова.

Игорь тоже играл. Вот и сейчас он играл, — он шел в непроницаемом термоскафандре по раскаленному склону вулкана Ермакова, бросив в лавовом потоке догорающий вертолет. Птероящеры долго преследовали его, пока он не срубил головы самым надоедливым. Тогда они отстали.

Подъем становился все труднее. Пришлось уклониться вправо. Чтобы не сбиться с пути, Игорь все чаще поглядывал на компас. Иногда он останавливался и долго прислушивался. Однажды во время такой остановки он увидел, как небольшой зверек с темными полосами на спине стремительно пробежал по стволу дерева и уселся на ветке, смешно перебирая лапками и глядя вниз любопытными глазками-бусинками. Игорь долго вспоминал, как он называется, и наконец вспомнил — бурундук.

Тайга обступила его со всех сторон. Невыдуманная, тревожная. Он растерянно оглянулся, прижавшись спиной к дереву. Бурундук порскнул и исчез. Но Игорь не заметил этого, потому что кто-то взял его сзади за плечо.

Это было до того страшно, что он даже не смог закричать. Он попытался шагнуть вперед на слабых, подгибающихся ногах. Мягкая рука, лежавшая у него на плече, потянулась следом.

Глаза зверя, не мигая, смотрели на мальчика.

Игорь в ужасе рванулся и повернулся лицом к неизвестности.

Позади никого не было.

От ствола кедра, на котором желтел янтарный натек смолы, к его плечу тянулася клейкая нить. Ему стало стыдно.

Он проверил, включен ли аппарат, посмотрел на стрелку компаса и двинулся дальше.

Когда отец вернулся с ледяного астероида, он подарил Игорю свой компас-часы. Находить путь по компасу в третьем классе еще не учили. Но Игорь отыскал в библиотеке «Справочник туриста» и без чужой помощи освоил движение по азимуту. И сейчас он уверенно шел вперед, мысленно сверяя свой путь с картой, которую крепко запомнил.

Вдалеке послышался знакомый рокошующий звук. Деревья мешали определить направление на вертолет. Игорь встал и оглянулся.

В тридцати шагах от него вздрогнули ветки куста, и из них появилась квадратная голова огромного тигра. Голубые глаза зверя, не мигая, смотрели на мальчика.

Игорь замер на месте, в ужасе прижав к груди спасительный аппарат.

3

— Он мог пойти только сюда, — сказал Федосеев. — Я сам сказал ему, что поиск зверей начнется от вас.

В полутемной комнате четыре человека склонились над большой светящейся картой-экраном.

— Мальчишки всегда мальчишки, — сказал пилот. — Только бы он не заблудился.

— Зачем я оставил аппарат! — вздохнул Федосеев. — Без него он не решился бы пойти.

— На какой срок хватает аккумулятора? — спросил Лавров неестественно спокойным голосом.

— Часов на десять, — солгал Федосеев. Заряда хватало самое большее часов на пять. — Так что ему ничто не грозит.

Он отвернулся, чтобы Лавров не видел его лица. Конечно, мальчику пока ничто не угрожает, если только он включил аппарат. «Лишь бы не вторую ступень», — подумал он, поднимая трубку радиотелефона — узнать, готовы ли поисковые группы.

Снаружи послышался нарастающий рокот. Большой грузовой вертолет опустился рядом с красной стрекозой Федосеева. Из распахнувшихся люков посыпались люди — размять ноги.

— Мальчик находится здесь, — сказал лесник, обводя циркулем большую окружность. — Уйти дальше за это время можно только бегом. Ско-

рее всего, он идет вдоль Сухой пади. Вот здесь падь раздваивается. Если он уклонится вправо, то выйдет прямо к нам. А путь влево мы перекроем парашютистами: вертолет там не сядет.

— Действуйте, — сказал Федосеев. — Проверьте, есть ли у них рация, ракеты и продовольствие.

Лесник вышел. Через несколько минут вертолет взлетел и пошел на запад. Все снова склонились над картой.

Лавров внимательно изучал карту. Как всегда в минуту опасности, он был спокоен. Голова работала ясно и отчетливо. Пожалуй, его ум еще никогда не был так обострен. Лавров мысленно путешествовал по карте, пытаясь предугадать каждый шаг Игоря, почувствовать себя на его месте, вместе с ним пройти по тайге. И, проделывая этот путь, он добрался до яркой пульсирующей точки на карте, двигавшейся по экрану вдоль Сухой пади.

— Что это такое? — спросил он лесника.

Лесник бросил беглый взгляд на экран.

— Это тигр, — ответил он.

За спиной Лаврова Федосеев предостерегающе поднял руки, но лесник не заметил этого и закончил: — Кажется, он охотится.

Даже в полумраке комнаты было видно, как страшно побледнел Лавров.

— Я не знал, что у вас есть тигры, — сказал он, и Федосеев удивленно заметил, что голос его совершенно спокоен.

— Мы завезли их совсем недавно для группы Линяева, — объяснил лесник. — На них будут проверять методы условно-рефлекторной акклиматизации. Когда зверь лишен привычной обстановки и, главное, привычной добычи, можно добиться самых неожиданных... — Он замолчал на полуслове, почувствовав, как странно смотрит на него Лавров.

— Вы сказали, что тигр охотится, — произнес Лавров. — Он охотится за Игорем.

Федосеев вскочил, опрокинув стул, и оторопело уставился на Лаврова. Лесник бросился к аппаратам и стал лихорадочно просматривать ленты с зигзагами самописцев. Пилот сорвал со стены винтовку и опрометью выскочил за дверь.

Лавров молча следил за руками лесника.

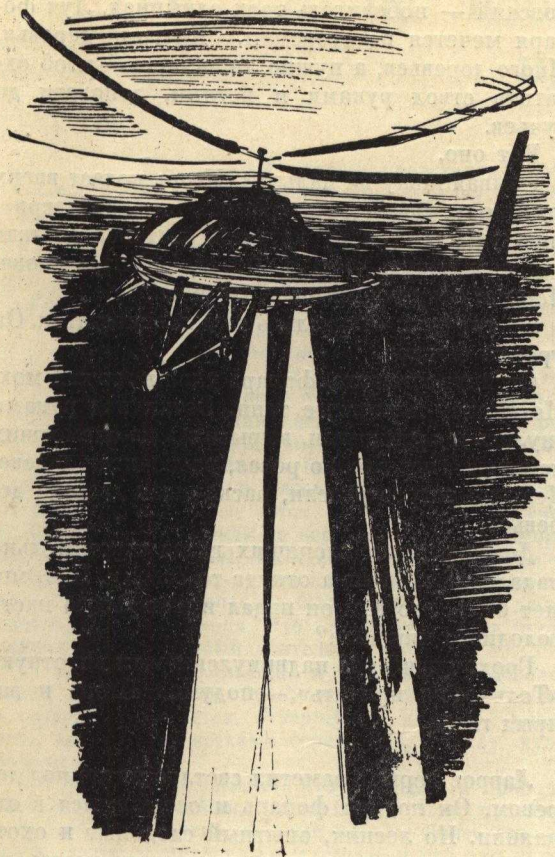
Федосееву показалось, что прошло несколько часов, прежде чем тот бросил спутанные ленты на пол.

— Он охотится уже час! — прохрипел лесник, судорожно пытаясь засунуть в карман ракетницу.

— Скорее к машине, — жестко сказал Лавров. — И оставьте кого-нибудь для связи.

Он выскочил за дверь.

— Ким! Садись за радию! — гаркнул позади лесник.

— Здесь! — крикнул пилот, включая фары.

В полумраке взвыл мотор вертолета. Лавров вскочил в кабину, подхватил Федосеева, вдвоем они почти на лету втянули внутрь лесника. Машина взмыла в воздух и помчалась к югу, набирая высоту.

— Это здесь! — крикнул наконец пилот, включая фары. В светлом круге стало видно, как бегущие внизу деревья наклонились и стали надвигаться, увеличиваясь в размерах.

Федосеев трясущимися руками схватил винтовку и стал неумело дергать затвор.

— Не надо, Петр Иванович, — сказал Лавров, кладя руку на приклад. Инженер недоумевающе посмотрел на него. — Вы сейчас и в слона не попадете. Да и вряд ли тигр будет вас дожидаться. Он сбежит, услышав вертолет.

Ревущая машина замерла, почти касаясь макушек деревьев. Лавров подтащил к двери веревочную лестницу и пристегнул ее к замкам.

Федосеев посмотрел на часы и в ужасе закрыл глаза. С момента исчезновения Игоря прошло больше пяти часов. «При любых условиях аппарат уже не работает», — подумал он.

Лавров открыл дверцу и приготовился бросать лестницу.

4
Тигр исчез так же внезапно, как и появился. Тогда Игорь понял, что аппарат действует и ему ничто не угрожает. Он быстро пошел по тропинке, поминутно оглядываясь. Он даже хотел побежать, но побоялся упасть и повредить аппарат. Страшного зверя не было больше видно, и Игорь совсем было ободрился. В это время тигр одним прыжком появился из-за деревьев и сел на тропинке, как будто наткнулся на невидимое препятствие.

Сгустившиеся сумерки мешали рассмотреть зверя, однако Игорь заметил, что тигр сейчас гораздо ближе к нему, чем первый раз. Тем не менее нападать он не думал. Мальчик пошел дальше. Сердце у него отчаянно билось. Но аппарат был здесь, он действовал! Только эта мысль удерживала его от панического бегства. К счастью, тропинка стала совсем широкой. Игорь достал фонарь, с которым никогда не расставался. Узкий луч распорол темноту, и от этого мрак по сторонам сразу сделался непроницаемым. В круге света уродливые тени от узловатых корней, выползавших из размытого дождями склона, шевелились, как клубки змей. Затем мелькнуло что-то желтое, блеснули две голубые искры. Игорь успел заметить оскаленную пасть — совсем рядом, в нескольких шагах. В это же мгновение тигр исчез. И одновременно Игорь понял, почему тигр подошел так близко и почему очень скоро он сможет подойти вплотную.

Он почти почувствовал, как клыки зверя смыкаются на его затылке, и услышал хруст собственных позвонков. Но тот ужасный звук оказался границей, за которой уже не существовало ни страха, ни темноты, ни черного леса, ни даже могучего зверя, который сейчас готовился к последнему прыжку. Все это мгновенно отодвинулось в бесконечную даль, оставив только сплетение известных и неизвестных величин в трудной задаче, верное решение которой означало жизнь, а неверное — смерть.

5
...Шестнадцать лет спустя, когда «Океан» должен был стартовать к Плутону, академик Лавров узнал, что его сын включен в состав экипажа. Больной, постаревший, он пришел к Игорю, долго молчал, рассматривал сына, которого давно не видел, и, наконец, попросил — первый раз за эти годы — рассказать о поединке с тигром.

Игорь вначале отшучивался, но отец настаивал, и тогда Игорь понял, что впервые в жизни видит отца волнующимся и рассказ Игоря для него важен. И он стал вспоминать...

На решение задачи были отведены мгновения. Да или нет! Мозг работал с бешеной скоростью. Наверно, так работает кристалломоозг у лунных и марсианских роботов. На Венере роботы погибли, там смогли выжить только люди. Отец выжил. Не сбежал. Бежать нельзя: тигр прыгнет сзади, щелкнут клыки... Батареи сели... Бежать, бежать! Еще есть время. Семь метров в секунду. Колбановский бегаёт сотку за 9,8. Тридцать шесть километров в час. Тигр делает шестьдесят. Бежать нельзя... Бежать, бежать!.. Аппарат еще работает. Еще пятнадцать минут — и я спасен. Но батареи сели. Пятнадцати минут нет. Пяти минут нет. Сейчас тигр прыгнет. Где он? Хорошо, что фонарь светит ярко. Где же тигр?

Стоп! Не думать о тигре! Что-то другое — более важное.

Так о чем же я думал?

Фонарь светит ярко.

Прыгает...

Нет, еще нет.

Фонарь светит.

Дикая, неописуемая радость ошеломила его на какое-то короткое мгновение. Он вспомнил про аккумуляторные батареи фонаря. Стандартные, надежные, вездесущие аккумуляторы.

Мысли несутся со скоростью света. Нет, гораздо скорее! Вот он, прибор, в луче фонаря. Кнопка включения. Шкала. Крышка.

Стандартная крышка для аккумулятора!

Сколько прошло времени? Секунда или минута? Он еще не прыгнул? Первое: вынуть аккумулятор из фонаря. Фонарь гаснет. Нет, плохо! Снова! Первое: открыть крышку прибора. Фонарь светит. Вынуть аккумулятор. Тигр прыгает.

Тигр прыгает.

В любом случае прыгает.

Аккумулятор вынут — тигр прыгает. Или уже прыгнул?

Сколько нужно секунд на смену аккумулятора?

Значит, нельзя? Значит, бежать?

Но пятнадцати минут нет. Может быть, нет и пяти. Будем считать, что осталась минута или тридцать секунд. За это время надо спастись.

Вот оно, решение!

Игорь мчится по тропинке с такой скоростью,

с какой, наверно, никогда не бегал сам Колбановский — победитель трех олимпиад. Луч фонаря мечется по сторонам. Кругом деревья. Много деревьев, а нужно лишь одно — чтоб схватить ствол руками и ногами, поползти до сучья.

Вот оно.

Срывая кожу на пальцах, Игорь ползет вверх по стволу. Вот и сучья. Выше, выше! Наверно, тигр уже рвет кору когтями, пытаясь достать ускользнувшую добычу. Поздно! Теперь снова. Первое: открыть крышку. Второе...

Но тут руки отказались ему повиноваться. Он уронил фонарь.

Стукнув по ветке, фонарь упал в мягкий мох. Метнулись полосатые тени. Ветки под руками гнулись и пружинили, вырываясь из онемевших пальцев. Тигр злобно ревел, раскачивая дерево. Десятки тигров ревели, раскачивая десятки деревьев.

Два огромных слепящих глаза стремительно падали на мальчика откуда-то сверху. Или, может быть, это сам он падал в раскрытую пасть голодного хищника?

Грохочущий рев надвинулся почти вплотную. «Только не кричать», — подумал Игорь и закрыл глаза.

Лавров первый заметил светлое пятно под деревом. Он поднял фонарь и остановился в отчаянии. Но лесник, опытный следопыт и охотник, заметил ость: пятнышко смолы на фонаре, и сломанную ветку в траве, и кусочки коры, сорванные когтями хищника со ствола.

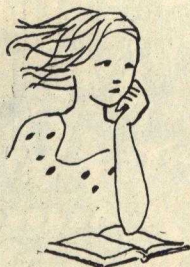
С большим трудом удалось снять мальчика с дерева. Федосеев осторожно отцепил аппарат, висевший на груди у Игоря. Заметив открытую крышку, он только свистнул и внимательно посмотрел на Лаврова-младшего. Они увидели, что Игорь улыбнулся. В лучах фонарей улыбка оказалась довольно кривой, но это, несомненно, была улыбка.

— Я очень благодарен вам, Петр Иванович, за этот чудесный аппарат, — сказал Лавров и тепло пожал инженеру руку. — Думаю, что лететь на Амазонку нам теперь не понадобится.

— Завидую вам, Андрей Владимирович, — сказал Федосеев. Он вынул что-то из кармана, вставил в аппарат, щелкнул крышкой. Затем поднял ракетницу и дважды выстрелил через ветки в небо, давая сигнал висевшему над лесом вертолету.

Тем, кто не любит нравоучений

Я хорошо представляю себе мальчика или девочку из тех ребят, к которым я, конечно, отнесла бы и себя тоже, если бы мне сейчас было двенадцать-тринадцать лет.

— Опять нравоучения?— сказала бы я, если бы кто-то вздумал мне что-нибудь советовать.

Вот учитель в классе. Он говорит, положим, про известные даже вещи: что такое исток реки и что такое устье,—а слушать

все-таки интересно. Можно бы, кажется, еще десять раз об этом читать и рассматривать фотографию, на которой изображен исток, самое начало могучей Волги, а все-таки никак не верится, что это возможно: маленькая, совсем невидная вода, а потом — тяжелая и глубокая, сильная, большая... Она течет, обгоняет баржи, пароходы, быстрые баркасы и добирается до самого моря. Это интересно. А вот пусть скажет этот же самый учитель:

— Впереди море жизни, и чем больше человек знает, тем лучше он будет жить,— все правильно, а слушать не хочется, отвернешься к окну — смотреть, как дерево ветками скребет по стеклу, куда интереснее!

Вот учитель доказывает, что все тела в природе состоят из мельчайших, невидимых глазу молекул, а те, в свою очередь, делятся на еще более мелкие части, частицы молекулы — атомы, — и это так интересно! Но стоит этому же учителю сказать тебе, что природа разумна настолько, что каждый атом в ней знает свое место и что ты, мол, Иванова, своего места не знаешь и поэтому пребываешь в хаосе, — как делается скучно, и думаешь: «Если бы все атомы несли только положительные заряды, тоже бы хорошего было мало».

Так примерно я думала.

И вот теперь, когда я только что внимательно прочитала тоненькую книжечку под названием «Минуты тишины» (автор этой книги Фрида Абрамовна Вигдорова), я хорошо себе представляю, с каким недоверием ее начнут читать ребята, которые пока еще герпеть не могут нравоучений. Если эти ребята, не любящие нравоучений, станут открывать

эту книгу наугад, они почти на каждой странице обнаружат какой-нибудь совет, правило, и, наконец, решительное и последнее слово, которое автор оставляет за собой, рассказывая о разных сложных случаях из жизни разных людей. И все-таки ребятам, которые не любят нравоучений, не стоит торопиться и откладывать книгу в сторону. Потому что самая главная мысль книги вызывает большое доверие.

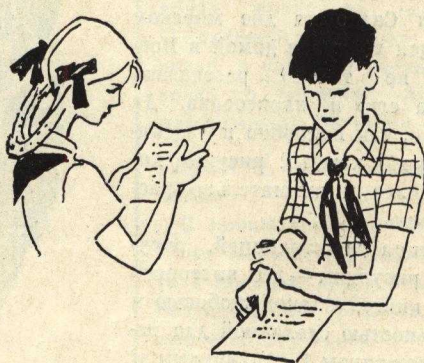

«Всякий понимает, что нельзя сказать другому: «Поешь за меня» или «Подыши за меня». Но многие с легкостью говорят: «Подумай за меня». А это так же невозможно, как дышать за другого».

Это совет учиться мыслить самостоятельно.

Тут я хочу рассказать с грустью об одной печальной для меня истории. Недавно я разбирала старые бумаги и нашла среди них свою ученическую тетрадь. Я удивилась, как хорошо она у меня начинается — красивые рисунки, разукрашенные красками, аккуратные подписи, но один, последний рисунок — анатомия черепахи — начат и не закончен.

Я вспомнила, как пришла на урок с неоконченным рисунком, как меня вызвали к доске, и учительница Евгения Васильевна, заглянув в мою тетрадь, сказала, что вот, мол, иногда кажется, не закончил ра-

боту вовремя, так не страшно, закончу ее позже, на следующий день, но следующий день несет новые дела, а старые так и уходят от нас незаконченными. Я помню, как стояла у доски и думала: «Ну что так всерьез говорит о таком простом деле! Можно и позже дорисовать...»

Но не дорисовала. То ли стало неинтересно, то ли еще почему, но старательно начатый рисунок так и остался незаконченным.

Стало совестно, что я не прислушалась к тому, что мне так искренне и просто хотела сказать Евгения Васильевна. Я дорисовала в своей старой, пожелтевшей тетради рисунок и сказала себе: «Каждую работу надо доводить до конца».

Я понимаю, почему книга Фриды Абрамовны Вигдоровой называется «Минуты тишины». Эта книга для того, чтобы каждому хотелось выбрать тихие минуты и сказать себе самую серьезную правду о самом себе.

И тогда приходит мысль, что прислушиваться к советам совсем не презренное дело. Конечно, это не значит, что надо поступать точно так, как тебе советуют. Но, слушая других, надо учиться искать самому, думать самому и, наконец, не бояться действовать.

«Минуты тишины» учат именно этому. Эта маленькая книжка полна больших мыслей, в которые стоит вчитаться внимательно.

Нина АЛЛАХВЕРДОВА

О далеких временах седой нашей старины, о которых даже история почти ничего не знает, рассказывают народные былины. Одна из них, былина о Садко, богатом госте, недавно вышла из печати в издательстве «Детская литература».

Берешь эту книжку в руки, и не хочется ее из рук выпускать, такая она нарядная и красивая. Удивительная сказка о том, как побывал Садко на дне морском и как цел вернулся домой в Новгород, не только рассказана здесь, а еще и нарисована. Да так ярко, так подробно и увлекательно, что каждый рисунок хочется долго и внимательно рассматривать.

Страница за страницей, рисунок за рисунком — все интересно в этой книге, с такой любовью и тщательностью сделанной для ребят художником И. Архиповым и работниками издательства.

С. ФЕДОРОВ

Всегда с музыкой

1918 год. Молодую Советскую республику со всех сторон окружают враги. Идет гражданская война. В стране голод, разруха. Но, преодолевая все трудности, страна продолжает жить и в первую очередь заботится о ребятах.

В Симонову слободу, одну из рабочих окраин Москвы, приехали артисты. В холодном, нетопленном клубе состоится концерт для ребят. Организатор его — пятнадцатилетняя Наташа Сац.

Это был самый первый в нашей стране концерт для детей рабочих. Потом таких концертов стало все больше и больше. Энергичная Наташа сумела привлечь к участию в них самых знаменитых артистов того времени: А. В. Нежданову, М. М. Блюменталь-Тамарину, балерину Е. В. Гельцер. Перед ребятами выступали скрипачи, пианисты, композиторы.

Наташа стала не только вести эти концерты, но и разговаривала с ребятами о музыке, рассказывала о тех произведениях, которые звучали со сцены.

Наташа Ильинична навсегда связала свою жизнь с искусством для ребят. Она организатор первого в нашей стране театра для детей, режиссер и постановщик многих спектаклей.

Недавно в Москве она создала оперную театр-студию, где артисты — сами ребята.

Наталья Ильинична — талантливый писатель. Вы читали ее книжку «Дети приходят в театр»? А недавно она написала для вас еще одну. Называется она «Всегда с тобой». Это книга о музыке.

Помнишь сказку «Синяя птица»? Сказку о том, как дети бедного дровосека Тильтиль и Митиль идут искать синюю птицу счастья. Не раз ты слышал и музыку к этой сказке — прекрасную, таинственную, волшебную. Написал ее Илья Александрович Сац — главный композитор Московского Художественного театра. В доме Ильи Александровича бывали многие знаменитые люди того времени: Москвин, Качалов, Собинов, Рахманинов, Станиславский. Наташа росла в атмосфере творчества, атмосфере искусства. С двенадцати лет, оставшись без отца, сама начала давать уроки музыки.

Впоследствии Наталья Ильинична работала с очень многими композиторами. Дмитрий Борисович Кабалевский начинал свой творческий путь пианистом в оркестре Детского театра, которым руководила Н. Сац. Вместе с Сергеем Сергеевичем Прокофьевым она работала над симфонической сказкой «Петя и Волк».

В книге Н. И. Сац ты найдешь много увлекательных страниц, рассказывающих о встречах автора с интересными людьми, о первых годах революции, о ее работе с ребятами. Несколько глав посвящено детству, ее отцу И. А. Сацу, талантливому композитору, горячо любившему ребят и писавшему для них замечательную музыку.

Прочитав эту книгу, ты сделаешься намного богаче, и тебе захочется, чтобы музыка была всегда с тобой.

Н. ЕЛИСТРАТОВА.

НОВЫЕ КНИГИ ВЫПУСТИЛО ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ВОРОНКОВА Л. Волшебный берег.

Все вы, наверно, знаете такие книги Любови Федоровны Воронковой, как «Солнечный денек», «Девочка из города». В книгу «Волшебный берег» вошли эти и еще семь повестей писательницы.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ З. «Антошка».

Во время Великой Отечественной войны советская девочка живет за границей. О сложной и трудной обстановке, в которую попадает девочка по прозвищу Антошка, рассказывает эта книга.

ГУРЬЯН О. Край половецкого поля.

С приключениями крестьянского мальчика, участвовавшего в походах князя Игоря на половцев, вы познакомитесь, прочитав эту книгу.

ДЖАВАХИШВИЛИ М. Арсен из Марабды.

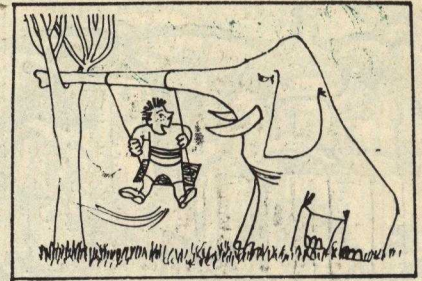
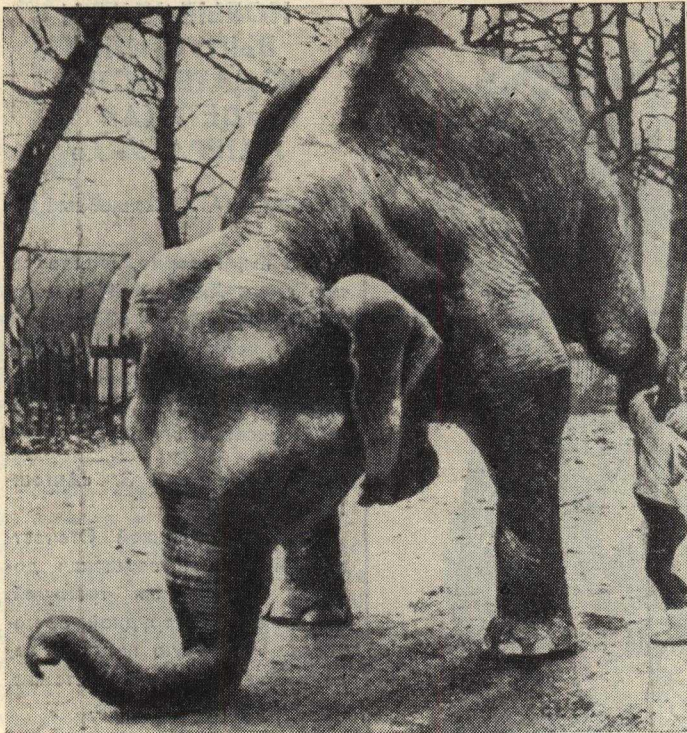
Об Арсене Одзелашвили грузинский народ сложил много легенд, сказок, песен. Отважный защитник интересов крестьян — герой романа «Арсен из Марабды».

КУЛИКОВА К. Рассказы о первых русских комедиантах.

Книга познакомит вас с жизнью первых русских актеров. Немало страниц в ней повествует о судьбе отца русского театра Федора Волкова.

САЛЕНИЕК Э. Белочка Майга.

Серьезные испытания выпали на долю девочки, когда в латышское селение ворвались фашисты. О борьбе девочки Майги с оккупантами и ее помощи партизанам рассказывает эта книга.

Прия́тель, с кото́рым
нико́гда не ску́чно.

То
ли
пра́вда, но́ ты
не

Не сошлись взглядами.

Пригла́шение к танцу.

ШАХМАТНЫЙ СИЛОМЕР ВКЛЮЧЕН

Какие у вас, о юные друзья великого шаха, планы? Хотите в новом году получить спортивный разряд? Стать победителями в школьном турнире?

Пешкин поможет вам во всем. Он будет рассказывать о премудростях шахматной теории, проведет второй конкурс решения задач. Грамотами «ферзя и ладьи» наградит ребят, которые организуют школьные первенства и добьются спортивных успехов.

Для начала Пешкин приглашает вас принять участие в заочном соревновании.

Правила турнира старые: «для получения третьего разряда из десяти конкурсных задач надо решить восемь. Ребята, которые решат только шесть задач, станут шахматистами четвертого разряда».

Итак, за дело! Включаем шахматный силомер.

ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ СТУПЕНИ

Посмотрите, в какое трудное положение попал черный король. Не позавидуете бедняге.

Сейчас грянет меткий выстрел — и мат станет неизбежным.

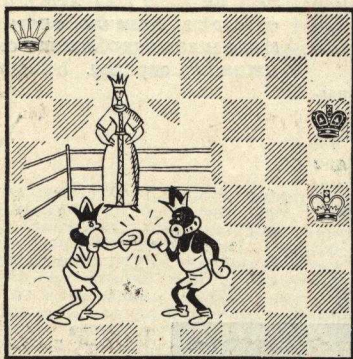
Матовать одинокого короля, имея подавляющий перевес сил, — дело нехитрое: ведь по правилам у каждого игрока есть целых пятьдесят ходов. Но представьте себе: белыми играет неопытный шахматист. Его ладья мечется из угла в угол. Он теряет много времени понапрасну. Почти все пять-

десят ходов он использовал на шахи. «Не упускай ни одного шаха. Шах случайно может стать матом» — так размышлял наш «стратег» и играл до тех пор, пока только семь ходов осталось в его распоряжении, чтобы заматовать черного короля. Найдите, как это сделать.

Нашли? Теперь переставьте черного короля на a4. Во сколько ходов достигается мат в изменившейся позиции?

В этой задаче еще внушительнее перевес белых. Ферзя в этой позиции принадлежит решающее слово.

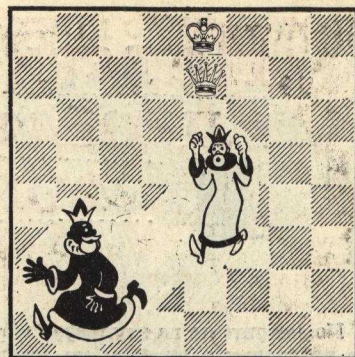

«Где истина: на черной или на белой клетке?» — любил говорить большой любитель шахмат, известный русский музыкант А. К. Лядов.

В этой задаче у ферзя громадный выбор различных продолжений, но куда — на черную или на белую клетку — надо пойти ему, чтобы дать мат в четыре хода вражескому королю?

Совсем невероятные события произошли в позиции на следующей диаграмме.

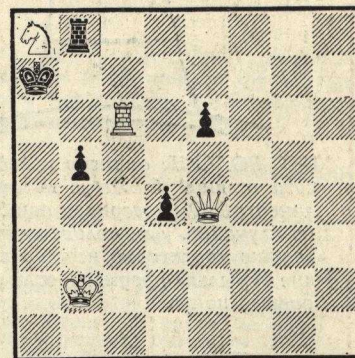
Куда девался черный король? Где этот хитрый беглец? А вот он, пытается убежать с шахматной доски. Не выйдет...

Пешкин поручает вам вернуть трусишку и поставить его на такое поле, чтобы, начав игру, белые дали мат в два хода.

Задание не очень сложное, но не торопитесь с выводами, внимательно проверьте свои варианты. Не уподобляйтесь тому шахматисту, который говорил: «В оценке шахматной позиции может быть два мнения: одно мое, а другое неправильное».

Коллекцию загадок Пешкина завершает эта диаграмма.

Гляди: и пехота и конница тут, Два войска построились, в битву идут...

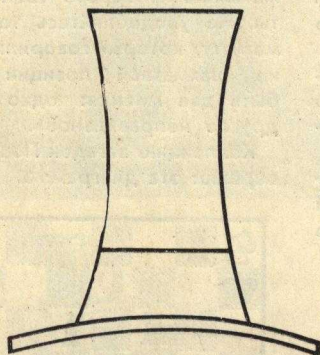
Эти строчки из поэмы «Шах-Наме» великого таджикского писателя Фирдоуси вполне подходят к тому, что вы видите на шахматной доске. Пехота и конница упорно сражаются, но, начав игру, белые в три хода дают мат черному королю.

Пешкин ждет ваших писем, ребята. Он будет ждать долго, целый месяц. Таков срок присылки ответов. Пешкин не учитывает времени, когда ваше письмо будет в пути. Срок посылки письма он проверяет по почтовым штампам. Итак, отправляйте свои решения не позднее чем через месяц после получения нашего журнала.

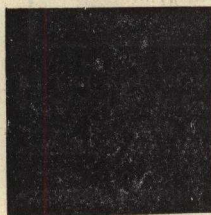
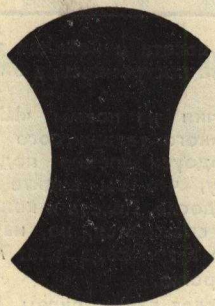
„Не верь глазам СВОИМ“

Посмотрите-ка на эту цифру «8». Не правда ли, обе ее половинки одинаковы по величине? А теперь положите цифру набок, так, чтобы половинки были на одной прямой. Видите теперь, что вы ошибались? Это была оптическая, или зрительная, иллюзия.

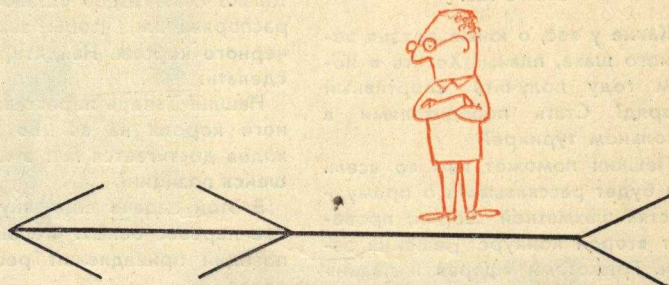
ЧТО БОЛЬШЕ: диаметр полей или высота шляпы? Ответь, а потом измерь линейкой. Ты наверняка ошибся, и это не случайно. Для человеческого глаза вообще характерно недооценивать узкие «крылья» предмета, если есть массивный центр.

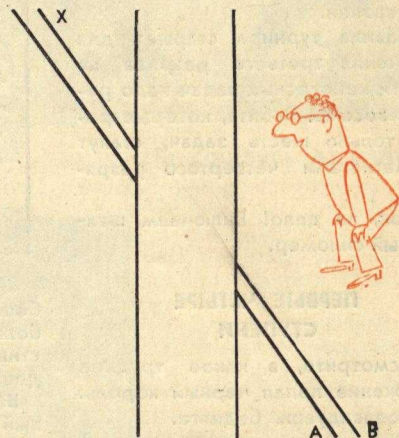
ГДЕ ДЛИННЕЕ? Проведи мысленно диагонали в обеих фигурках. В какой они будут длиннее? Под одинаковыми ли углами пересекаются? Подумай, а потом возьми за линейку и транспортир. Впрочем, ты уже, наверное, привык, и новая ошибка тебя не удивит.

Ученые многих стран мира занимаются исследованием ошибок нашего зрения. Почему это важно? А вот почему. Представьте себе оператора за пультом огромной электростанции, космонавта в корабле, летчика в кабине сверхзвукового самолета. Перед каждым из них множество циферблатов, шкал, индексов. Времени на решение отведено мало — доли секунды. И ошибаться нельзя. Поэтому и пульт управления и все приборы должны быть сделаны так, чтобы исключить возможность зрительной иллюзии. Ведь такая ошибка может стоить жизни!.. А космонавт, вступивший на новую планету? На Земле от него ждут абсолютно точного доклада — он должен увидеть то, что есть на самом деле.

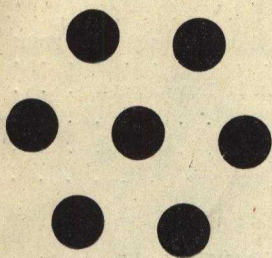
Короче говоря, мы должны делать необходимые поправки на несовершенство нашего зрения. Иногда оказывается полезно «не верить глазам своим». Вот несколько примеров самых распространенных оптических иллюзий. Проверь и ты себя.

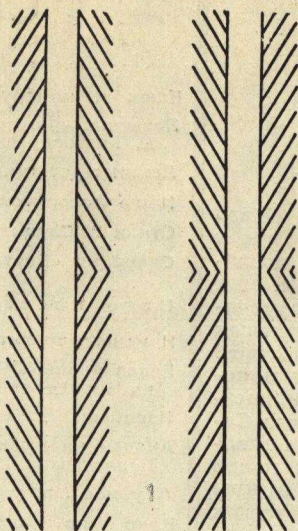
РАВНЫ ИЛИ НЕТ левая и правая части прямой линии? В своем ответе ты, конечно, опять ошибся. На нашу оценку длин отрезков влияет направление стрелок — они как бы растягивают или сжимают отрезки.

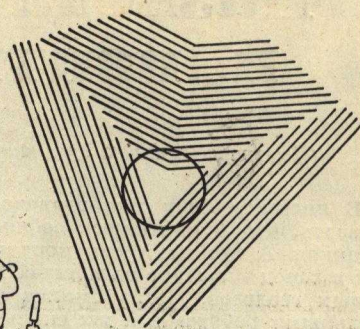
ИЛЛЮЗИЯ ПОГГЕНДОРФА. Кажется, что широкая полоса пересечена другой, узкой. Верно? На самом деле отрезки узкой полосы не лежат на одной прямой; приложив линейку, проверь. Чем шире вертикальная полоса и чем острее угол пересечения, тем больше мы ошибемся.

ЧЕМУ РАВНЫ РАССТОЯНИЯ? Согласен ли ты с тем, что расстояния между кружками точно равны их диаметрам? А ведь это так. Видишь, как сильно влияет фон на наше восприятие. На сером фоне иллюзия будет гораздо слабее.

ОЧЕНЬ СИЛЬНАЯ ИЛЛЮЗИЯ. Трудно поверить, что в обоих случаях длинные вертикальные линии — прямые и параллельные. Это очень сильная иллюзия.

СНОВА ФОН. Фигура в центре — точный круг (проверь), но до чего же он искажен заштрихованным фоном! Эта иллюзия и предыдущая родственны между собой и носят имя физика Целльнера.

Все это лишь небольшая часть иллюзий, известных ученым. А сколько еще неизвестных!

Тем, кто хочет узнать больше и подробнее об этом интересном явлении, советуем прочитать выходящую в издательстве «Мир» книгу английского физика С. Толаковского «Оптические иллюзии».

Кстати, почти нет людей, у которых при взгляде на приведенные рисунки не возникало бы иллюзий. Если у тебя иллюзий нет совсем, стоит обратиться к главному врачу и проверить свое зрение.

К. ЛЮБАРСКИЙ

ПЕРВЫЙ КОНКУРС ИКСА, ИГРЕКА, ЗЕТА

Этот конкурс был объявлен в сентябре прошлого года («Пионер» № 9, 1966 г.).

Подводим его итоги. Задачу «Хитрые мыши» решило много ребят. Первыми правильные ответы прислали москвичи — ученик четвертого класса Сережа Самущенко и пятиклассница Люба Раскина. Марина Шилобеева из Загорска, Гриша Григорьян из Сумгаита, пятиклассник Игорь Бирман из Одессы и Ережен Кутенбаев из села Балыкчи, Чимкентской области. Трудноватой для многих оказался последний пример. Правильный ответ здесь такой: $66 \times 111 = 7326$.

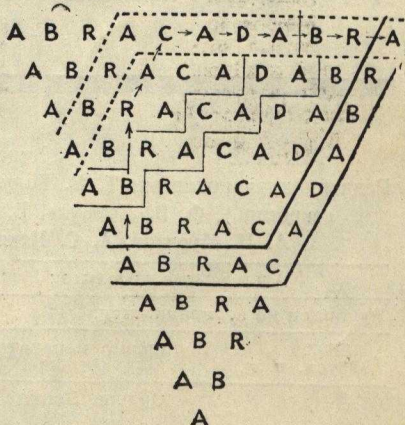
Другая задача — «Сколько здесь абракадабр?». Чертеж справа поможет нам разобраться в ее решении. Большинство ребят рассматривали такие пути, как тот, что помечен на чертеже сплошной жирной линией. Они получили ответ 11. Таня Клименкова из Спасского района, Приморского края, и шестиклассница Таня Выборнова из Москвы нашли больше путей, рассматривая еще и помеченные пунктиром. Их ответ — 20. Но ведь можно двинуться и «лесенкой» — это тоже показано на чертеже. Оказывается, таких путей 1024. Ты убедишься в этом, если сам или с кем-нибудь из взрослых подсчитаешь, сколько путей ведет из буквы «а» в правом верхнем углу на левую

сторону треугольника, сплошь состоящую из букв «а». Тут важно условие, что — из каждой буквы разрешается переходить только в соседнюю букву, стоящую слева в той же строке или в следующей. Двигаясь вдоль любого пути, мы прочтем «arbadascarbaa». Найдем число таких путей. Из «а» в соседние «г» ведут два пути — налево рядом и налево вниз. Из каждой буквы «г» в соседние «б» тоже два пути, значит, существует $2 \times 2 = 4$ пути «arbg». Рассуждая так же, найдем $2^3 = 8$ путей «arba», $2^4 = 16$ путей «arbad» и т. д. и $2^{10} = 1024$ пути «arbadascarba». Двигаясь по каждому из этих путей в обратном направлении, можно 1024 раза прочесть слово «abracadabra». Если бы мы рассмотрели пути, показанные на рисунке стрелочками, ответ был бы еще больше.

Некоторые ребята называли большие цифры, но не объясняли, как эти цифры были получены.

На вопрос «Почему Гулливеру было жестко спать на постели, которую ему сделали лилипуты?» большинство ребят отвечает правильно: потому, что тюфяк получился очень тонкий. Но математика — наука точная, и свою правильную мысль надо еще доказать. А этого сделать, к сожалению, никто не смог.

Отгадку можно найти в примечаниях к полному изданию «Путешествий Гулливера». Дело в том, что рост Гулливера относился к росту лилипутов как фут к дюйму, то есть как 12 : 1. И площадь матраца Гулливера равна площади 150 лилипутских матрацев ($12 \times 12 = 144$). Лилипуты и положили один на другой четыре таких гигантских матраца. Но теперь вам станет ясно, почему Гулливеру все же было жестко спать: даже таких матрацев нужно было не четыре, а двенадцать!

Разведать и найти

(Смотри последнюю страницу обложки)

В прошлом году мне здорово повезло. Надо сказать, что я увлекаюсь собиранием эмблем и значков. А тут меня как корреспондента послали в город Златоуст на первый Всесоюзный слет юных геологов. Познакомился я там с замечательными ребятами, а уж сколько увидел новых значков и эмблем — просто глаза разбежались!

На слет съехалось пятьсот ребят. Сотни минералов, среди них немало очень редких, привезли юные геологи со всех концов Советского Союза. Много километров прошли отряды по тундре, пустыне и тайге, чтобы разведать и найти новые полезные ископаемые, которые так нужны стране. Восемьсот заявок на открытие новых месторождений поступило в прошлом году от юных геологов Советского Союза! Заявки на гипс, малахит, свинец, марганец, титан и никель, на каменный уголь, медь и алюминий, на нефть и золото. Первое место на слете заняли мальчишки из Челябинска. Они открыли крупное месторождение золота. Ребята с Камчатки представили внушительную заявку на месторождение меди и ртути. Пермские школьники нашли удивительное и редкое вещество — волконскоит, ценное сырье для получения краски. Об этой находке ребят узнал французский художник Пикассо и прислал в Пермь письмо с просьбой поделиться редкой краской. Находок много — обо всех не расскажешь. Посмотрите теперь эмблемы отрядов (из моей коллекции), которые мы поместили на последней странице обложки. Они тоже рассказывают о делах ребят. Правда, кое-что покажется вам сначала непонятным. Вот, например, две буквы «К» в ромбе. Это клуб «Компас» в Ставрополе. А четыре буквы «ЗСГУ» означают Западно-Сибирское геологическое управление. Четыре буквы в кружке «УРСР» — эмблема делегации Украины. Треугольный значок, где рядом с тучей и елкой улыбается солнце, придумали эстонские ребята. Есть у них и другая эмблема. На ней красная ракета взлетает к звездам. Этот значок не просто украшение. Скажу по секрету: эстонские мальчишки давно уже мечтают походить с молотком геолога по лунным кратерам...

А. СОЛОДОВ

Содержание

Ключ к номеру	1
Посылка. — Повесть В. Богатырева. Рисунки Е. Расторгуева	2
Ленин с детьми. — Рисунок В. Коновалова	15
Наше фотопутешествие	16
Стихи Б. Слуцкого	19
Операция «Цветы на бруствере»	20
Надо посоветоваться	
И нечего труситься!.. Лев Кассиль	22
Белая мышь. — Рассказ Ю. Алешковского. Рисунки Ю. Черепанова	25
Кораблик	30
Ананси на рыбной ловле. Африканская сказка. Пересказала В. Диковская. Рисунки О. Зотова	33
А у нас... а у вас?	36
Вино из одуванчиков. — Главы из повести Р. Брэбери. Рисунки Е. Медведева	38
Только для мальчишек	
За штурвалом сверхзвукового. — О. Назаров. Фото Г. Товстухи	51
Пионерский глобус	54
Почему и отчего	56
Про китов, китобоев, Антарктику. — А. Иванченко. Фото автора	58
Встречи с тремя неизвестными. — Рисунки Б. Кыштымова	64
Лицом к лицу. — Научно-фантастический рассказ В. Фирсова. Рисунки Ф. Лемкуля	66
Что нам читать?	73
То ли правда, то ли нет	76
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович	77
«Не верь глазам своим». — К. Любарский	78
Разведать и найти. — А. Солодов	80
На вклейках:	
Рисунки читателей.	
Памир. Рисунки Ю. Рогозина.	
В «яблочко». Цветные фото Н. Немнонова.	
На первой странице обложки:	
Вертолет прилетел. Рисунок Б. Кыштымова.	
На четвертой странице обложки:	
Эмблемы и значки юных геологов.	

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор П. И. Кузьмичев.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. Пархоменко.

А 15833.
8,82 усл. п. л.

Подписано к печати 26/XII 1966 г.
Тираж 837 700 экз.

Форм. бум. 84×108¹/₁₆.
Изд. № 19.

Объем 5,25 физ. печ. л.
Заказ № 3377.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

8

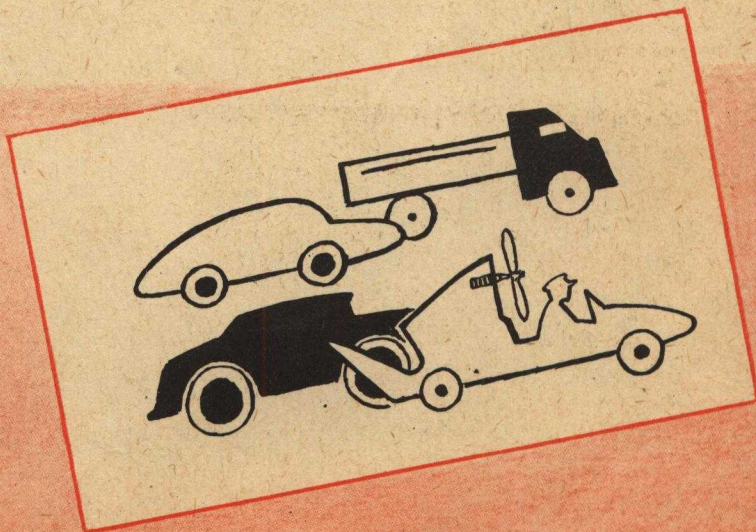
САМОДЕЛКИ

Издательство «Малыш» выпустило для пионеров-инструкторов десять полезных книжек: «У пионерского костра», «Летающие модели», «Служба связи», «Юным электрикам», «Юным физикам», «Флот на ручье», «Первая скорость», «Лаборатория в лесу», «Разведчики погоды», «Костюмы для карнавала». Книжки эти вложены в картонную папку с надписью «В пионерском лагере». Однако они могут быть полезны ребятам круглый год.

В каждой книжке есть рисунки и чертежи, которые помогают изготовить различные модели. Цена комплекта книжек 1 р. 05 к.

Заказы направляйте по адресу: Москва, В-168, ул. Кржижановского, дом 14, магазин № 93 «Книга — почтой».

Рассказ об отрядах юных геологов, о значках и эмблемах этих отрядов читай в номере.

РАЗВЕДАТЬ И НАЙТИ!

Цена 25 коп.
ИНДЕКС 70694

